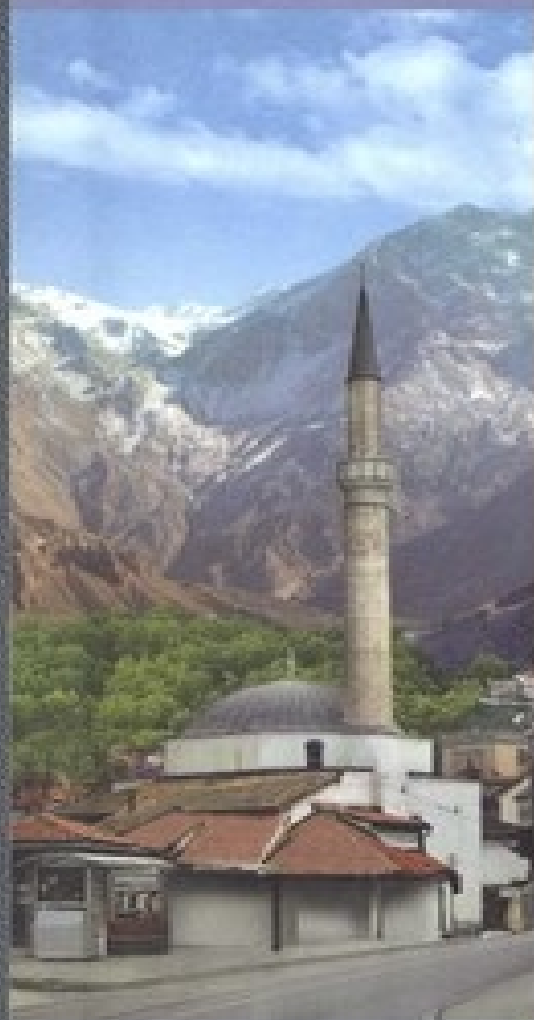

ЛЕОНИД ШЕБАРШИН

Анатолий
Житнухин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Герой книги — профессиональный разведчик, прошедший путь от оперативного работника наших зарубежных резидентур до руководителя Первого главного управления КГБ СССР. Ему выпала участь возглавить советскую внешнюю разведку в период, когда рушились устои Советского Союза, к чему приложили руку и западные спецслужбы, и их пособники внутри страны, сумевшие создать «пятую колонну» при прямом попустительстве высшего руководства государства. Годы нелёгких испытаний для Л. В. Шебаршина — патриота-государственника, человека исключительно образованного и интеллигентного — обернулись временем мучительных переживаний за судьбу России и размышлений о путях преодоления тяжёлого кризиса, в который она была ввергнута. Отягощала его состояние и болезнь, предопределившая трагический исход жизни.

Автор приводит новые факты и сведения, касающиеся политических событий, в которых довелось участвовать герою книги.

Рецензент доктор исторических наук, генерал-лейтенант Н. С. Леонов

Издательство выражает признательность Российской национальной службе экономической безопасности за содействие в подготовке настоящего издания.

знак информативной продукции 16 +

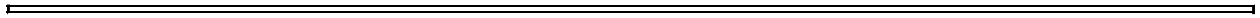
-
- [А. П. Житнухин](#)
 - [В МАРЬИНОЙ РОЩЕ ЛЮДИ ПРОЩЕ](#)
 - [К НЕДОБРОМУ ЧЕЛОВЕКУ ГОЛУБЬ НЕ ЛЕТИТ](#)
 - [ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ](#)
 - [ПОВОРОТ СУДЬБЫ: ИЗ ДИПЛОМАТОВ — В РАЗВЕДЧИКИ](#)
 - [ПАКИСТАН-2](#)
 - [В СТРАНЕ ЧУДЕС: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ](#)
 - [ШАХ УШЁЛ, ИМАМ ПРИШЁЛ](#)
 - [В ЦЕНТРЕ](#)
 - [ОДИН ДЕНЬ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДКИ](#)
 - [НАКАНУНЕ](#)
 - [НА ПЕРЕЛОМЕ](#)
 - [В ЧУЖОМ КРУГУ](#)
 - [«СВОЁ» ДЕЛО](#)
 - [НАДЛОМ](#)

- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. В. ШЕБАРШИНА](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)

А. П. Житнухин
Леонид Шебаршин. Судьба и трагедия
последнего руководителя советской
разведки

*Единство земли, людей и истории, которое
называется Отечеством, выручит нас в тяжёлый час.*

Леонид Шебаршин

В МАРЬИНОЙ РОЩЕ ЛЮДИ ПРОЩЕ

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Шебаршин' (Shebarsin), written in a cursive style.

Жили Шебаршины в 14-м проезде, недалеко от железной дороги, через которую был перекинут длинный и прочный мост.

Кто помнит Марьину Рощу сороковых-пятидесятых годов прошлого века, вряд ли станет утверждать, что там стояли какие-то добротные особняки. Было там лишь несколько внушительных строений, возведённых, кстати, с гораздо большим вкусом, чем загородные дома нынешних олигархов. И выглядели они более уютными, чем современные

хоромы с башенками, отражающие неуёмное стремление их ошалевших от денег хозяев любым способом возвыситься над другими.

В основном Марьино Роццо состояла из расползшихся по земле деревянных домов и разных пристроек к ним — сараев, флигелей, подсобных помещений. Дерево есть дерево, случалось, что дома горели, заваливались от старости и гнивали. Выцветшие, основательно обработанные ветрами, дождями и солнцем, они имели один цвет — серый, потому что их никогда не красили.

«Тесно и скучно жили марьинороццинские обитатели — сапожники-кустари, извозчики, скорняки, рабочие небольших окрестных заводов и мастерских, — вспоминал Л. В. Шебаршин. — В каждой квартирке жило по две-три семьи, по семье на комнату, и все пользовались одной кухней, где с трудом помещались кухонные столы».

Сразу видно, что описывает быт Марьиной Роцци человек, хорошо её знающий, — ведь всё-таки Леонид Владимирович прожил там почти 30 лет. По его воспоминаниям, часто случались между жильцами ссоры, иногда — драки, участники которых могли и за ножи схватиться. «Были там семьи, искони имевшие репутацию непутёвых, — пьяницы, бездельники, мелкие воришки, — не скрывает от нас Шебаршин. — В большинстве же населяли Марьину Роццу трудовые, не шибко грамотные, но очень неглупые, простые и порядочные люди — русские, татары, мордва, евреи...»

Несмотря ни на что, здешний народ жил всё-таки дружно. В помощи никто никому не отказывал — всякому человеку марьинороццинцы протягивали руку, если тот оказывался в беде.

Как видим из приведённых выше отрывков воспоминаний нашего героя, район, в котором прошли его детство и юность, он вовсе не склонен идеализировать. Без особого восторга Шебаршин пишет и о том, что их «двухэтажный деревянный домишко под номером 15» в 14-м проезде «окружали такие же серенькие домики с подслеповатыми окошками, дырявыми крышами, „удобствами“ во дворе. Весной и осенью Марьино Роццо утопала в грязи, летом страдала от пыли и мух».

Свои ранние годы Шебаршин, конечно, вспоминает в целом тепло. Но при этом он всегда и до конца честен, нет в его воспоминаниях налёта почти обязательных в таких случаях преувеличенной ностальгии и излишней восторженности. Мы обращаем на это внимание читателя в самом начале книги, потому что сами имели не одну возможность убедиться, что честность и искренность — неотъемлемые качества Леонида Владимировича. Их он пронёс через всю жизнь, через самые сложные её периоды.

Предельно откровенно написаны и его книги, которые он нам оставил, в первую очередь — «Рука Москвы», к которой мы будем в нашем повествовании обращаться чаще, чем к другим его личным свидетельствам. В ней он — весь на виду. Не каждый отважится пустить читателей — а в основном ведь это люди посторонние — в самые потаённые уголки своей души, поделиться с ними самым сокровенным.

Ему же нечего было скрывать. (Читатель, конечно, понимает, что мы ведём речь не о служебных секретах, а о том, из чего складываются наши представления о личности человека.)

Эти качества Шебаршина — честность, искренность, откровенность — определяли его бескомпромиссные, а порой — и чрезмерно резкие оценки в период политического размежевания советского общества. К сожалению, их же использовали в своих целях попутчики Леонида Владимировича, особенно те, кто прорвался во власть на мутной волне горбачёвской перестройки...

Дед и бабушка Шебаршина, Михаил Андреевич и Евдокия Петровна Лаврентьевы, приехали в Москву в 1903 году из Подмосковья, а точнее, из Дмитровского уезда Московской губернии, из деревни Гари, и очень быстро приспособились к здешним условиям.

Работы они не боялись, брались за любое дело, а вот по части того, чтобы стачать баретки, роскошные дамские туфельки на пуговке или модные мужские полуботинки для выхода по воскресеньям в парк или в гости, равных им не было. Работали они у хозяина — владельца большой сапожной мастерской. Бабушка занималась кроем: вырезала острым заготовочным ножом союзки, берцы (наружные детали верха обуви), подкладки, а дед натягивал сшитые заготовки на колодки и творил чудеса. Обувь у них получалась коллекционная, только на выставках экспонировать, хотя шили её дедушка с бабушкой для простых людей. И радовались невероятно, когда видели, что их обувь доставляет кому-то удовольствие.

Мама Леонида, Прасковья Михайловна, была дочерью Михаила Андреевича и Евдокии Петровны. Семь классов — образование не ахти какое, большого выбора в жизни оно не давало. В самые тяжёлые военные годы, которые особенно остро врезались в память Леонида Владимировича, она работала в домоуправлении. О какой-то серьёзной зарплате и речи не шло — служащие её ранга получали копейки.

Так уж вышло, что в роду Шебаршина сапожное ремесло было в почёте. Мастерами этого дела были его дед с прадедом и по отцовской линии. И, видимо, не случайно Владимир Иванович Шебаршин к моменту

рождения сына, который появился на свет в 1935 году, работал на фабрике «Парижская коммуна». Как и жена, большим образованием он похвастаться не мог, но был человеком неглупым и убеждённым. Вступил в партию и перед войной был направлен в торговлю — на укрепление кадров, стал заместителем директора рыбного магазина. Сразу внесём ясность: должность эта в то время не была признаком состоятельности. Поголовное стремление урвать и украсть, если тебе повезло оказаться на «хлебной» должности, — явление более позднего периода.

Как вспоминал Шебаршин, была у них на всё семейство из четырёх человек (в 1937 году родилась сестра Лера) одна восьмиметровая комната. Стояли в ней кровать, диван, шкаф, стол и три стула. Спать ему, когда немного подрос, приходилось на полу.

Лёня Шебаршин в детстве от других мальчишек, живших по соседству, ничем особо не отличался. Бегал на железную дорогу собирать уголь, выпадавший из вагонов на шпалы, лакомился жмыхом, если удавалось достать его, а на задворках играл в жостку. Увесистый свинцовый пятак, обшитый ворсистой шкуркой, надо было непрерывно подкидывать вверх ногой — не носком, а «щёчкой». Выигрывал тот, кто дольше всех держал жостку в воздухе, не давая ей упасть на землю. Играли с азартом и нередко проводили за этим занятием по несколько часов кряду.

У каждого марьинорощинского паренька жостка была обязательно своя, персональная. Да и во всей Москве, наверное, не было мальчишки, который не обзавёлся бы столь модной игрушкой военной и послевоенной поры. Впрочем, жостка была популярна не только в Москве. Дошла игра аж до Дальнего Востока, правда, называли её там чуть иначе — зоской. Так, наверное, для мальчишеского языка было легче...

У Шебаршина был закадычный друг, живший в доме по соседству, — Гоша Савицкий. Так его дядя Николай Иванович, вернувшийся с фронта, при виде игроков в жостку обычно интересовался:

— Ну что, выколачиваете дурь из ног?

Впрочем, слова эти никого не обижали. Ведь люди знающие, главным образом старые футбольные болельщики, и по сей день утверждают, что из наиболее ловких жосточников выходили неплохие футболисты. Поэтому взрослые ничего плохого в жостке не видели.

Другое дело — чика или расшибалка. Это уже были игры на деньги. Играли, правда, по мелочи, копеек по пятнадцать-двадцать, иногда по тридцать. Но всё же это были деньги.

Чика имела и другое название — пристенок. Мальчишки монетой ударяли о стенку и пытались это сделать так, чтобы отскочившая монета

упала рядом с монетой кона, лежащей на земле. Если расстояние между монетами покрывалось растянутыми большим и указательным пальцами одной руки (вспомним старинную меру длины — *пядь*), игрок забирал себе монету с кона и получал право на следующий удар о стенку.

Расшибалка — игра более денежная. На середине контрольной черты рисовали «казёнку», как правило, в виде круга. Внутри него помещали сложенные столбиком монеты. С определённого расстояния этот столбик разбивали тяжёлыми металлическими шайбами или свинцовыми кругляками — битами. Выбитые за пределы «казёнки» и перевернувшиеся монеты сразу забирала себе, по оставшимся колотили, пытаясь их перевернуть, битами.

В замечательном рассказе Валентина Распутина «Уроки французского», по которому режиссёром Евгением Ташковым был снят не менее замечательный одноимённый фильм (помнится, кинокритики дали ему очень точное второе название — «Уроки доброты»), юный герой, страдающий малокровием, чтобы продержаться в голодное время, покупает себе на базаре молоко на погнутую и истерзанную битами мелочь, добытую в расшибалку. Пожалуй, излишне проводить параллели в судьбах детей войны. Одни у них были главные проблемы — что в Москве, что в Сибири. И увлечения — одни и те же.

Младшие с неподдельным азартом играли «в войну», радовались, когда приходил черёд сражаться на стороне «наших», и без энтузиазма воевали за «немцев». Из подходящих досок вырезали автоматы, заготовки обрабатывали ножиками и скребли стеклом так тщательно, что ни одного заусенца не оставалось. Отполированные приклады блестели, будто покрытые лаком.

Точно так же изготавливали маузеры и «ТТ». Был популярен и немецкий парабеллум, но ценился он только как добыча, трофей, завоёванный в бою.

В детских играх в войну Леонид Шебаршин почти всегда был красным командиром, побеждающим фашистов. Но вот когда однажды Гошке Савицкому мать привезла в подарок купленное в магазине ружьё с трещоткой, авторитет Гошки вырос настолько, что он потеснил своего старшего приятеля и на несколько дней сам сделался командиром.

Конечно, были в почёте игры, развивающие и закаляющие ребят. Взять хотя бы ту же лапту или футбол, в который играли на сохранившихся зелёных полянках и на пустырях. Или же «догонялки», очень похожие на эстафетный бег. Любили играть «в отмерялы» — игру командную. Проводили на земле черту и становились в ряд, не заступая её. По команде

совершали прыжок с места вперёд. Тот, кто оказывался позади других, становился в позу спортивного коня, и участники игры прыгали уже через него...

Победителям в дворовых баталиях и состязаниях доставались слава и уважение ровесников. А большего им и не надо было: авторитет в мальчишеском обществе — это святое. Завоевать его, стать среди сверстников таким, чтобы слово твоё было непререкаемым, — штука трудная.

Подвижные игры на свежем воздухе давали молодым организмам хорошую физическую нагрузку и закалилку, как бы компенсируя нехватку полноценного питания. Впрочем, продукты, особенно до войны и в конце сороковых, хоть и уступали нынешним по изобилию и разнообразию, но были в основном натуральными, не содержали в себе столько «химии», которой травят теперь всех без разбора — и взрослых, и детей.

В общем, ребята в Марьиной Роще росли крепкими. И, достигнув школьного возраста, отличались по части спортивных достижений. С первых классов участвовали они в разных районных и прочих соревнованиях, без которых тогда и не мыслилась школьная жизнь.

Шебаршины и Савицкие жили в одном дворе, и дома их располагались окнами друг к другу. Дом, где жили Шебаршины, был двухэтажным, ещё дореволюционной постройки. Дом Савицких был побольше; одна его половина была одноэтажной, другая — двухэтажной.

В одноэтажной половине когда-то располагалась красивая фабрика. Потом фабрику закрыли, а освободившееся помещение быстро приспособили под общежитие. Вместе с жилой двухэтажной половиной получился большой густонаселённый дом. Вокруг него, очень плотно друг к другу, стояли сараи, у каждой семьи — свой. Практически все семьи имели собственные хозяйственные принадлежности: лопаты, пилы, топоры, слесарный и плотницкий инструмент (мастерить что-нибудь здесь умели все без исключения). В сараях хранили дрова, старую мебель и всякую утварь.

Правда, уже в первую военную зиму, когда выдачу дров населению свели до минимума, все хозяйственные постройки с заборами растащили и сожгли в буржуйках, возле которых не только спасались от холода — на них и пищу готовили, поскольку керосин стал слишком дефицитным товаром.

По домам мальчишки, естественно, не засиживались — там не развернёшься. Все жили примерно в одних и тех же условиях: в скромных жилищах царила теснота, пахло щами, дровами и керосином — еду

готовили на керосинках, а в суровые военные зимы их заменяли буржуйки. Чаще всего обходились картошкой с хлебом (в войну его выдавали по карточкам — 400 граммов на ребёнка) и солёными огурцами. В голодное военное время и в первые годы после войны каждая семья старалась запастись продуктами — чем больше, тем лучше. Картошку выращивали сами, и она имелась практически у всех, в каждом доме. В семьях ничего не выбрасывалось, даже картофельные очистки. Их Лёня с Гошей собирали, а потом, когда взрослые начинали топить печку, пристраивали эти очистки на трубе, где шкурка с них очень быстро слезала. По воспоминаниям Савицкого, очень вкусная была эта еда!

Если у кого-то съестные припасы — картошка, квашеная капуста, огурцы — заканчивались, то соседи обязательно приходили на выручку. Теперь такие отношения между людьми редко где встретишь. Утратили мы их, особенно после того, как начали бездумно перекраивать Россию по чужим лекалам. Куда делась та человеческая спайка, которая помогла в войну выстоять, преодолеть голод, холод, невероятные лишения и одолеть казавшиеся непобедимыми фашистские орды?

Когда начались налёты немецких бомбардировщиков на Москву, было, конечно, страшно, но со страхами этими приходилось справляться: перед знакомыми и друзьями трусом не покажешься, прилипнет дурная «слава» — вовек не отмоешься.

Не случайно по Москве ходила поговорка: «В Марьиной Роще люди проще». В большинстве своём это были семьи рабочих, по каким-то причинам не подлежащих эвакуации. Практически всё население в военные годы, кроме тех, кто воевал на фронте, оставалось в своих домах. Если бы, не дай бог, немцы вступили в Москву, здесь все бы взялись за оружие и сделали всё возможное и невозможное, чтобы вышибить врага.

Как мы уже упоминали, район был деревянный, сухой. Поэтому во время бомбёжки нельзя было проворонить хотя бы один дом — от него бы и соседние строения занялись с треском. Другое дело, бомбы здесь падали редко — очевидно потому, что ни военных, ни промышленных, ни правительственных объектов в Марьиной Роще не было, и немцы это, конечно, знали.

Тем не менее во всех семнадцати марьинорощинских проездах были сооружены бомбоубежища. Эти сооружения были довольно примитивными. Выкапывалась землянка — большая, с опорами и прочими инженерными атрибутами, которая сверху накрывалась брёвнами и засыпалась землёй. Вот, пожалуй, и всё. Такое укрытие, конечно, прямого попадания бомбы не выдержит, но от взрывной волны и осколков защитит.

Когда рядом, на крыше 605-й школы, расположенной на Шереметьевской улице, начинала истошно выть сирена, установленная там ещё летом сорок первого года, народ поспешно тянулся в убежища — кто с книжкой, кто с узелком продуктов, кто с рукоделием. Сидели там до отбоя. Сигнал отбоя — всё та же сирена, от звука которой пробегал мороз по коже.

...До последних дней жизни звук сирены, если его доводилось слышать, вызывал у Шебаршина памятное с детства чувство тревоги. Как, наверное, и у многих других людей, познавших войну...

Редко, но случались в войну и радости. Только не было в них полноты, поскольку были они неотделимы от жившего в людях ощущения горечи и тревоги. Леонид Владимирович часто вспоминал один из зимних вечеров 1942 года. Жили Шебаршины на втором этаже, и в квартире помимо них располагалось ещё две семьи. Как-то во входную дверь постучали. Было уже очень поздно, и никому не хотелось спускаться по скрипучей и покосившейся от времени лестнице и выходить в промёрзлый коридор, в который через все щели прорывался ледяной ветер.

Стук внизу повторился, кто-то из жильцов квартиры спустился и, лязгнув старым железным засовом, открыл дверь. На крыльце, присыпанном снегом, стоял усталый человек в плохонькой солдатской шинели. Это был отец Лёни — похудевший, с ввалившимися щеками. Его отпустили домой на сутки из госпиталя — перед выпиской и отправкой на фронт.

Это было большим счастьем, удачей для фронтовика — хотя бы на один день оказаться дома! Заохала, всплеснув руками, бабушка Евдокия Петровна, а Прасковья Михайловна от радости чуть в обморок не упала. Бабушка Дуня тоже светилась от счастья: слава богу, не похоронка!

Похоронки... Шебаршин считал, что голод и холод в войну — не самое страшное. Страшнее всего были эти извещения с фронта о гибели близких. «Только один наш маленький дом, — вспоминает он, — потерял на войне пятерых молодых ребят, и двое вернулись калеками. Мой дядя, Владимир Уваров, был ранен зимой 1941 года под Наро-Фоминском и вскоре умер. Простудился и умер дед Иван Кузьмич, умерла сестра отца тётя Люба, погиб на фронте её муж».

И всё-таки Шебаршиным повезло: Владимир Иванович, закончивший войну в Венгрии, вернулся домой с орденом Красной Звезды и медалями.

...А в ту памятную короткую встречу отцу приготовили горячей воды. Он помылся, фыркая над большим алюминиевым тазом, надел хранившееся в комоде старое чистое бельё. Пришли соседи, долго расспрашивали: как *там*? Допоздна просидели за скудной трапезой. А на

следующий день отец ушёл — задерживаться было нельзя...

В сорок втором году в 14-м проезде построили газоубежище. Видимо, от немцев ожидали и газовых атак. Но к этой поре гитлеровцы уже отказались от налётов на Москву.

Некоторое время газоубежище стояло пустым, никак не использовалось, а потом из него решили сделать овощехранилище, бо́льшую часть которого занимала картошка. Хранили её там, естественно, не в мешках, а россыпью. Россыпью обычно и привозили. Вот тогда-то у мальчишек из 14-го проезда наступал праздник. У всякого картофельного потока обязательно была утечка: то в одном месте на землю шлёпалась пара картофелин, то в другом, и эта картошка становилась добычей мальчишек.

Все ребята из 14-го проезда были готовы в любую секунду выскочить из дома на звук автомобильного мотора. Он-то обычно и извещал, что привезли картошку и сейчас её будут разгружать. Тут-то в предчувствии трофеев и высыпала ребятня, многие, самые сообразительные, даже с заранее приготовленными самодельными мешками.

Грузчики ругались, иногда давали кому-нибудь из удальцов тумака, но случалось это очень редко: марьинорощинские ребята были намного проворнее грузчиков.

Добыча, которая выпадала на долю Лёньки с Гошкой, стала в их семьях на некоторое время едва ли не постоянным подспорьем. Правда, взрослые встречали юных «героев» молча, зато бабушки потихоньку хвалили и называли кормильцами. Конечно, бабушки явно преувеличивали заслуги внуков, но всё равно слышать такие слова было приятно.

Бабушки старались обязательно угостить внуков чем-нибудь вкусным. А что такое «вкусное» в годы войны? Это та же картофелина, только испечённая в печи (настоящие кирпичные печки были тогда далеко не во всех домах) и посыпанная крупной солью. Ещё вкуснее картошка была, когда её запекали в золе. А если к этому — да ещё горбушка ржаного хлеба, посыпанная солью!..

Марьина Роща отличалась от других окраинных районов Москвы нравами своих обитателей. Те, кто утверждает, что здесь было скопище притонов, «малин» и «хаз», в которых жили разные уголовные элементы, глубоко ошибаются — в этом отношении Марьина Роща ничем особенным не выделялась, хотя и жила зачастую по своим неписаным законам. Но это ни в коем случае не следует связывать с той особой популярностью, которую район якобы имел в преступном мире. Низкопробное «блатное творчество», которое на все лады рифмует слова «роща» и «тёща» и

почему-то называется у нас сегодня шансоном, так же, как и всевозможные сплетни и домыслы, не является серьёзным свидетельством. В Марьиной Роще действительно жили несколько преступных «авторитетов», но они в основном следили за установленными в криминальных кругах порядками, соблюдением главного правила: в своём районе — не красть и не дебоширить. Но вот чтобы там лютовала какая-нибудь «Чёрная кошка» и открыто разгуливали гопстопники — такого марьинорощинцы не знали.

Очевидно, возникновение мифов, которые до последних лет были популярны среди московских обывателей, связано с первыми легендами о разбойном характере Марьиной Рощи, которые относятся... к концу XVII века. В местном подмосковном лесу и деревне Марьино тогда скрывались разбойники, промышлявшие на дорогах, ведущих в Дмитров и Сергиев Посад...

В описываемое нами время в Марьиной Роще находилось известное всем строгостью своих сотрудников 20-е отделение милиции, которым командовал человек по фамилии Раппопорт. Сейчас уже никто не помнит его имени, но зато старожилы могут рассказать, как милиция следила за соблюдением законов и в отделение всегда можно было обратиться за помощью и защитой. И «блатных» Раппопорт держал в узде, при случае мог поставить их по струнке. У продуктового магазина всегда дежурил постовой, которого по старинке называли околоточным, и если происходило что-то из ряда вон выходящее, люди бежали к нему.

Впрочем, в некоторых случаях шли и к «авторитетам», но за покровительством обращались к ним в основном местные парни, начинавшие вступать в конфликт с законом. Среди них существовало мнение, что «блатные» марьинорощинцев в обиду «чужим» не дают. Но люди постарше всё равно обходили их стороной: знали они, чем кончаются их судилища «по понятиям» и что за «услуги» в конце концов придётся расплачиваться.

Как-то «блатные» вычислили в своих рядах «стукача» и поздно вечером около газоубежища учинили над ним суд, случайными свидетелями которого оказались Лёнька и Гошка. Они видели, как на траве расселось «общество». Кто-то покуривал папиросу, кто-то поигрывал ножичком. «Стукач» стоял бледный и тощий, ему задавали вопросы, он отвечал. После каждого ответа один из «блатных» вставал и бил его. «Стукач» шлёпался на землю, при этом ноги его нелепо вскидывались вверх.

Ребята наблюдали за происходившей экзекуцией (а длилась она минут сорок) из-за угла. К счастью, никто из участников «сходки» их тогда не

заметил.

Дверей в Марьиной Роще, вопреки худой славе района, никогда не запирали — все дома, все квартиры были открыты. И никто ничего не брал и не воровал. Каждый здешний обитатель был убеждён, что чужое добро счастья не приносит. (Правда, в военные годы случались и исключения, но не будем сейчас судить о людях, доведённых тогда голодом и холодом до отчаяния. Да и «гастролёры» стали чаще сюда заглядывать).

С Гошей Савицким однажды произошла такая интересная история. Как-то зимой ветром у него сорвало шапку с головы. Сколько ни бегал по закоулкам, так и не нашёл её. Мысль о том, что мать будет вынуждена покупать новую шапку, Гошку не радовала. Шапку-то она, конечно, купит, но без упрёков и подзатыльника не обойдётся.

Вечером матери, которая была не в духе, Гоша ничего не сказал, решив перенести объяснения на следующий день. А утром встал и, к великой радости, обнаружил, что шапка его лежит в коридоре. Видно, кто-то ранним утром нашёл её в снегу и, зная, кому она принадлежит, принёс Гошке прямо домой. Такой поступок считался в ту пору вполне естественным, поэтому нашедший Гошкину шапку не стал никого будить, оставил находку в коридоре и ушёл. Савицкий так и не узнал, кто его тогда так здорово выручил.

Если в самой Марьиной Роще воровства не наблюдалось — «свои» тати у себя не воровали, а «чужие» сюда не совались, — то за её пределами кражи были делом обычным. Многие местные жители, в том числе и Шебаршины с Савицкими, во время войны получили неподалёку, на Бутырском хуторе, именуемом попросту Бутыркой, участки земли под огороды. Время было голодное, и огороды были хорошим подспорьем в хозяйстве. Считалось — и это было действительно так, — что с огородом не пропадёшь. Сажали главным образом всё ту же картошку — основную еду не только московского пролетариата, но и всего простого люда на земле.

На участки навалились дружно: очистили их от камней и разного хлама, выкорчевали несколько старых пней, вскопали. Баба Дуня достала где-то немного навоза, и в начале мая картошку посадили. На огородах бывали часто — окучивали и пропалывали поднявшиеся всходы, следили, чтобы охотники до чужого не подкапывали молодые клубни. Глядя на крепкую ботву, баба Тоня Савицкая обнадёжила: картошечка вырастет неплохая. И впрямь уже в середине июля обе семьи лакомились молодой картошкой и определили место, где будут хранить будущий урожай зимой. Однако, когда настал сентябрь и пришло время сбора основного урожая, их

огороды оказались выкопанными. Сделано это было ночью, буквально за несколько часов перед тем, как Шебаршины и Савицкие явились на свои участки с лопатами, вёдрами и мешками, поскольку накануне днём обе бабушки были здесь и оценивали виды на урожай. А ведь так рассчитывали на эту картошку, надеясь создать запасы на зиму и дотянуть до будущего лета!

Пережили...

Леонид Владимирович вспоминал, как трудно им тогда приходилось. На ничтожную зарплату мамы, скромной служащей домоуправления, двух ребятишек прокормить было невозможно. Выручала их в военные годы бабушка Дуня. Не покладая рук мастерила она заготовки для обуви, день и ночь из её комнаты доносился стук швейной машинки «Зингер»...

Лёня Шебаршин был старше Гоши Савицкого на два года, поэтому в школу пошёл первым. Мужская школа № 607 находилась в Лазаревском проезде. Что можно сказать об учёбе в военное время? Первым делом запомнился холод. На занятиях сидели в верхней одежде, а в сильные морозы даже замерзали чернила в чернильницах. Писали на чём придётся — на обрывках газет и старой обёрточной бумаги, на страницах пришедших в негодность книг.

Обучение было раздельным. 605-я школа, на крыше которой стояла сирена, была женской, и хотя ходили упорные слухи об объединении мужских и женских школ, дальше разговоров дело пока не пошло.

Пришёл черёд и Гоше собираться в школу, но его неожиданно увезли на Украину. В небольшом шахтёрском посёлке, расположенном около Макеевки, он и пошёл в первый класс.

Много интересных впечатлений осталось у Гоши. Неподалёку от посёлка находился лагерь немецких военнопленных. Немцы прокладывали дороги, строили дома, оживляли погубленные ими же шахты — в общем, восстанавливали то, что сами уничтожили. Их практически никто не охранял — бежать было некуда. Народ в лагере сидел мастеровитый и работающий, надо думать, из простых людей. Пленные всегда что-нибудь мастерили — то свистульки, то тросточки, то какие-нибудь другие занимательные штуковины и обменивали их у ребят из шахтёрского посёлка на хлеб и картошку.

Отношения между местным населением и немцами сложились вполне дружелюбные, никто не испытывал к пленным никакой ненависти...

Хорошо складывалась жизнь у Гоши Савицкого в шахтёрском посёлке и с местными ребятами, но вот только сильно скучал он по Марьиной Роще и своему московскому другу.

Возвращение в столицу состоялось через полтора года. Пошёл он в 241-ю школу, что в 11-м проезде. Несмотря на то, что Лёнька усакал далеко вперёд (Гоша не только был младше, но и пошёл в школу не в семь, а в восемь лет), старая дружба трещин не дала. Московская школа удивила «украинца». С учеников в ней спрашивали значительно строже, а задавали «на дом» намного больше. Но, что было очень важно, учеников подкармливали — выдавали по куску чёрного хлеба, посыпанного сахаром.

В послевоенные годы запечатлелся в памяти друзей случай, который, без преувеличения, стал для них примечательным. Однажды они встретили в Марьиной Роще Всеволода Боброва, который для многих был тогда кумиром, живой легендой советского спорта. Как сказал о нём поэт: «Гений русского футбола, Гагарин с шайбой на Руси».

Много историй, связанных с Бобровым, могли рассказать мальчишки. Вот, например, одна из них. Как-то на одной из тренировок он придвинул к одним воротам другие, а между штангами оставил маленький зазор, равный толщине хоккейной шайбы. И поспорил с другими хоккеистами, что забросит шайбу в эту щель. Никто, конечно, не поверил. А он отъехал на полтора десятка метров и бросил шайбу так, что она в воздухе приняла вертикальное положение и вошла точно в зазор...

История появления в Марьиной Роще Всеволода Боброва, взбудоражившая местных мальчишек, оказалась простой. Проживал по соседству с Лёней и Гошей Петр Иванович Сарнатский, человек довольно известный, поскольку был он директором популярного магазина «Охота», расположенного на Неглинке. Бобров, человек вспыльчивый, как-то сгоряча повздорил с ним и потом приезжал к нему домой извиняться за несдержанность...

Стоит отметить, что в то время школа учила ребят одной важной для них вещи — общению с девочками. Юных представительниц слабого пола мальчишки Марьиной Рощи уважали и в обиду не давали, если надо — всегда были готовы взять под свою защиту и покровительство. Но раздельное обучение накладывало на детей и подростков свой отпечаток, было причиной их чрезмерной замкнутости и скованности в поведении. Сказывалось и то, что марьинорощинские ребята, которые почти все росли в простых и малообеспеченных семьях, были плохо одеты и стеснялись своего внешнего вида.

Надо было помочь детям преодолеть существовавшие барьеры общения. Поэтому, когда они подрастали, в школе их начинали обучать разным танцам — прежде всего бальным, классическим. Вот только танго, считавшееся порождением буржуазной морали, в программу тогда не

входило. Но занятия эти были для всех обязательными, и постепенно ребята, преодолевая стеснительность, овладевали танцевальными премудростями, а главное — хорошими манерами, без которых в жизни не обойтись...

А жизнь эта, всё ещё трудная и полуголодная, медленно, но налаживалась. Отец после войны стал работать заместителем директора магазина на Арбате. Всё бы ничего, но сказывалось одно последствие войны. Отец, который был раньше трезвенником, приобрёл на фронте привычку к спиртному. Его периодические запои, во время которых он никого из близких не обижал, заканчивались тяжёлым похмельем, доставлявшим ему невероятные страдания. Пристрастие к спиртному и погубило его. Умер Владимир Иванович от инсульта в 1951 году, когда Лёне Шебаршину было 16 лет и он учился в девятом классе.

Вновь пришлось столкнуться с нуждой. Прасковья Михайловна пошла работать на автобазу диспетчером, но зарплата в 400 рублей тогдашними деньгами не позволяла даже концы с концами сводить. Начали продавать оставшиеся после отца вещи и книги — их было в доме немало: отец любил читать.

Хотел Леонид пойти работать, но мать, приняв на себя всю тяжесть нового удара судьбы, удержала: закончи сначала школу. Потом он не раз с благодарностью вспоминал это материнское решение, которое, надо думать, далось Прасковье Михайловне непросто. Понимая, как трудно и матери, и младшей сестре, Шебаршин навалился на учёбу. Одну цель поставил он перед собой: закончить хорошо школу, чтобы выбиться в люди и помогать семье. Другого пути для людей его круга не было. Как потом вспоминал Шебаршин, учёба вдруг пошла легко, «всё стало понятным, к доске выйдешь — никаких трудностей, пятёрка за пятёркой».

Со своей первой серьёзной и осмысленной задачей Леонид Шебаршин справился — окончил школу с серебряной медалью. Это говорит о том, что наш герой, безусловно, имел характер и был личностью с недюжинными интеллектуальными способностями.

Наличие медали у выпускника школы снимало многие проблемы в дальнейшем, главным образом в выборе будущей специальности. Ведь именно в 1952 году, когда Шебаршин окончил школу, для медалистов отменили вступительные экзамены в институты.

Но не будем торопиться и забежать вперёд, чтобы не упустить некоторые другие важные факты в биографии Шебаршина, сказавшиеся на формировании его характера и внутреннего мира.

К НЕДОБРОМУ ЧЕЛОВЕКУ ГОЛУБЬ НЕ ЛЕТИТ

Уходили в прошлое военные годы, заканчивался восстановительный период, приобретала новые черты Москва, а Марьиная Роща продолжала жить по старинке, и казалось, что ничего в ней не меняется.

Так, если город перешёл на центральное отопление и водоснабжение, в дома повсеместно приходила горячая вода, то Марьину Рощу, как и прежде, обогревали обычные печи. Топить их было непросто, были большие трудности с дровами и углём.

За водой ходили на колонки, в цинковых вёдрах, в которых её приносили, она и хранилась — в каждом доме обязательно на лавке стояли два-три полных ведра. Еду же по-прежнему готовили на керосинках.

Но постепенно дело сдвинулось с мёртвой точки, и в домах появились газовые плиты, работавшие на привозных баллонах с газом. Стало намного легче, но пришла новая напасть — баллоны начали воровать. Делалось это очень умело — видать, появились какие-то заезжие специалисты, которые промышляли только этим. Это были явно не свои — их бы быстро вычислили...

В общем, быт обитателей Марьиной Рощи понемногу начал преобразаться. Но ещё сохранялись в районе свои неписанные правила жизни, нравы и традиции.

Шебаршин в своих воспоминаниях писал, что в Марьиной Роще «смертельных грехов было всего три: врать, воровать и брать в долг без отдачи. Всё остальное прощалось. Нельзя было ябедничать, но это уже относилось к школе».

В школе, как вспоминает Леонид Владимирович, даже понятия такого — ябеда — не было. О ябедничестве и наговорах тогда узнавали в основном из книжек и кино, и для школьников эти явления казались чем-то придуманным и невозможным в настоящей жизни. По словам Шебаршина, лишь в конце 1980-х годов узнал он, что в 1937-м граждане в массовом порядке обращались в «компетентные органы» с доносами на своих соотечественников.

Однако он сам себе противоречит, утверждая, что «ябеда, донос с незапамятной старины были неотъемлемой составляющей русской действительности». С этим, конечно, нельзя согласиться. Возникло такое

суждение скорее всего под воздействием «демократических» средств массовой информации и рьяных сторонников перестройки, чьи домыслы тогда многими честными людьми принимались за чистую монету. В конце 1980-х трудно было ещё представить, что их русофобские выпады находятся в русле организованного движения, направленного на уничтожение СССР...

Мы заострили внимание читателя на этом моменте, потому что далеки от намерения создавать портрет нашего героя из набора одних только позитивных качеств и достоинств. В данном случае видится, что мнение Шебаршина несколько противоречит его собственным убеждениям, поскольку именно та самая «русская действительность», определявшая быт Марьиной Рощи, формировала у людей презрительное отношение к доносам и «стукачам». Шебаршин не случайно писал, что жили в Марьиной Роще люди по преимуществу простые, далёкие от власти и большой политики. А участие в подковёрной борьбе, как мы знаем, было свойственно представителям другого социального слоя — чиновникам, партийным и советским работникам, хозяйственным руководителям, интеллигенции, особенно представителям творческих профессий. Так что репрессии и чистки марьинорощинцев практически не коснулись.

Нельзя обойти стороной такое событие в жизни Шебаршина, как вступление в комсомол. Событие не формальное — скопом, автоматически (по достижении четырнадцатилетнего возраста) тогда, в конце 1940-х годов, в молодёжную организацию не принимали.

Как-то на одной из перемен к Леониду подошёл секретарь комсомольской организации:

— Слушай, Шебаршин, а не пора ли тебе вступить в партию молодых ленинцев?

Шебаршин не сразу и понял, что тот предлагает ему вступить в комсомол.

— Так мне ещё только тринадцать.

— Это не важно, мы тебе годик добавим, округлим, так сказать, и всё будет в порядке.

Дома посоветовался с отцом. Владимир Иванович, вступивший в партию по убеждению, отнёсся к этому одобрительно.

И вскоре Шебаршин получил комсомольский билет. Не будем утверждать, что вступление в комсомол произвело на него большое впечатление, явилось чем-то особенным и торжественным в его жизни. Как писал позже сам Шебаршин, став комсомольцем, он «со спокойной совестью пошёл играть в футбол в школьном коридоре. Мячом был старый

носок, туго набитый чем-то мягким. Выбить стекло им было невозможно, а учителя тогда снисходительно относились к забавам учеников. Особенно в Марьиной Роще и подобных ей московских окраинных районах».

Ну и, конечно, «партийность» юного Шебаршина не повлияла на его главное увлечение, без которого юные марьинорощинцы не мыслили своей жизни...

У торца одноэтажной части дома Савицких возвышалась роскошная голубятня. В Марьиной Роще не было, наверное, ни одного мальчишки, который не мечтал бы иметь своих голубей. Хотя бы пару... А голубятен в округе было много. И какие голуби в них жили!

Самыми редкими и наиболее ценными (и ценили их не только мальчишки) считались турманы. Изящные, с круто выгнутой грудью и маленькой головой, украшенной задиристым гусарским хохолком, турманы могли устраивать показательные полёты, побивали многих других голубей и в скорости, и в красоте, и в лёгкости. Они могли, как жаворонки, подниматься в небо вертикально, иногда делая изящный винт, и это было так красиво, что у наблюдающих за ними дыхание перехватывало от восторга.

Хороши были чистари — кипенно-белые роскошные голуби с двумя полосками на светло-серых крыльях. Когда они устремлялись стайей ввысь и начинали парить, кувыркаться там, то казалось, что в небе играет, резвится большое белое облако, прилетевшее к людям из горних далей.

Очень ценились так называемые «немцы» — крупные, статные голуби, необычайно послушные. По одной только короткой команде хозяина они срывались с голубятни и стремительно уходили вверх, а по взмаху снятой с тела рубахи — садились.

Сизарей — голубей, которые ныне обитают по всей Москве, не было или, точнее, практически не было. Считались сизари птицами низшей пробы, в голубятнях их не держали, жили они сами по себе. Наверное, именно поэтому нынче их развелось в столице так много.

Между голубятниками заключались устные соглашения, которые строго выполнялись. Существовало два понятия: «ловимся» и «не ловимся». Если голубь относился к категории «не ловимся», то владелец голубятни, на чью крышу сел чужак, возвращал птицу без всяких разговоров. Если же голубь подпадал под понятие «ловимся», то становился добычей и уже принадлежал новому хозяину. В этом случае его надо было выкупать либо на что-нибудь выменивать, например на другого голубя. Правило «ловимся — не ловимся» соблюдалось в Марьиной Роще беспрекословно.

Когда в небе появлялся чужак, то немедленно поднимали все стаи — всем хотелось захватить его и совершить какую-нибудь маленькую коммерческую сделку. Для того чтобы заманить чужака на свою крышу, существовали карнатые голуби. Карнатые — значит, с выдранными из крыльев перьями, неспособные совершать красивые демонстрационные полёты. Но для поимки чужой птицы карнатый голубь был просто незаменим.

Незаменим он был и тогда, когда необходимо было посадить стаю. Тогда хозяин подбрасывал вверх карнатого голубя. Тот тяжело трепыхал куцыми крыльями и грузно плюхался на крышу. Стая обычно это замечала и садилась рядом. Хозяину только того и надо было.

Основная масса любителей ценных небесных птиц, завидев чужого голубя, занималась усадкой. Что такое усадка? Да обыкновенная хитрость. Брали голубя, зажимали ему лапки пальцами, вскидывали его над головой и тут же отпускали. Голубь трепыхался, взмахивал крыльями и невольно обращал на себя внимание чужака. Так продолжалось до тех пор, пока чужак не подлетал и не садился рядом. Тут-то он и попадал в плен.

Дальше шла разборка по принципу «ловимся — не ловимся». Если выпадала карта «ловимся», то новый владелец чужака вправе был рассчитывать на некую денежную мзду, а это означало, что можно будет выпить кружечку пенистого пива в ларьке на Шереметьевской улице.

Кстати, пили в Марьиной Роще, как рассказывал Шебаршин, мало. В основном выпивали по праздникам либо в дни, связанные с какими-нибудь личными или семейными событиями. Заметим, что многие держали в своих сараях кур и поросят. Куры — это дело обыденное, мелкое, а вот поросёнок... Когда поросят забивали, собирался весь двор. Накрывали стол, жарили свежую печёнку с картошкой. На таких пиршествах обязательно было и «хлебное вино» — сиречь водка. За столом пели песни, вспоминали прошлое...

А голуби Марьиной Рощи, изящные птицы с их затейливыми полётами, с ласковой доверчивостью к людям, иногда снились Шебаршину в зрелые годы. Они словно бы специально прилетали к нему из прошлого, чтобы снять все накопившиеся тяготы. Вспоминал он голубей детства и в последние дни своей жизни...

Мы уже отмечали, что отец Леонида был настоящим книголюбом. Покупал он литературу самую разную, специально сколачивал для книг полки, хотя в простых семьях в моде тогда были этажерки. Полки эти с теснившимися на них книгами — и в потёртых переплётках, и в новеньких обложках, от которых ещё исходил непередаваемый запах типографской

краски, — были главным богатством и украшением скромной комнаты Шебаршиных. Страсть к чтению от Владимира Ивановича передалась и сыну. Но начитанность Леонида, даже вкупе с отличным аттестатом и серебряной медалью за школу, не помогла ему по окончании десятилетки в выборе дальнейшего пути. Конкретных, осознанных планов на будущее у него к тому времени ещё не было, а надо было определяться, решать, куда пойти учиться дальше.

С одной стороны, очень хотелось наконец вырваться из нужды. А с другой — престиж будущей профессии тоже вещь немаловажная. Был среди родственников Шебаршиных кадровый военный — В. А. Кочеров. Он и порекомендовал Леониду Военно-воздушную академию им. Жуковского. Но из этого ничего не вышло. Медкомиссия выявила проблемы со здоровьем, которые могли обернуться отчислением со старших курсов. В зачислении в академию отказано не было, но врачи советовали не рисковать.

Рассчитывать на «авось» Шебаршин не стал и, посоветовавшись на этот раз с приятелями, подал документы в Московский институт востоковедения, находившийся в Ростокинском проезде. В результате его зачислили на индийское отделение.

Началась новая жизнь — полная иных забот, чем прежде, и одновременно довольно вольная и даже в какой-то мере бесшабашная. Институт, который избрал Шебаршин, как и все вузы, имел свои традиции, свой устав, но всё-таки внутреннюю жизнь в нём больше определяло студенческое братство.

Стипендия, которую стал получать Шебаршин, была вполне приличной, едва ли не такой, как зарплата у матери. Мать, узнав об этом, только и проронила:

— Так, глядишь, и Лерку вытянем.

Но, что не менее важно, институт стал некой незримой нравственной опорой, в нём всегда можно было получить поддержку, в том числе и материальную. Так, на первом курсе развалились у Шебаршина ботинки, а у матери в то время, как назло, — ни копейки, чтобы купить новые.

Пришёл Леонид в кассу взаимопомощи:

— Выручайте!

И ему выдали 75 рублей, на которые он купил вполне приличные ботинки — почти три сезона проходил в них.

Шебаршин учился уже на третьем курсе, когда Институт востоковедения решили закрыть и слили с вузом, одно название которого — Московский государственный институт международных отношений — у

многих однокашников Шебаршина вызывало трепет. Произошло это уже после смерти Сталина — события, которое, естественно, в студенческой среде не прошло незамеченным. Как вспоминает Шебаршин, в марте 1953 года смерть Сталина казалась катастрофой. Но тут же замечает: «Катастрофы, как нам думалось, не произошло, а улучшения в нашей общей жизни наметились довольно скоро».

Думается, не все согласятся с таким мнением, особенно ветераны — свидетели послевоенного возрождения конца сороковых — начала пятидесятых и, конечно же, ощутимого при Сталине снижения цен на продовольствие и товары хозяйственного обихода. Но мы знаем, что разным людям свойственны самые разные, часто — взаимоисключающие оценки роли Сталина в жизни страны, и для близкого окружения Леонида Владимировича не было секретом, что сталинская эпоха была для него едва ли не главным и постоянным камнем преткновения. Как человек мыслящий, он стремился постичь суть противоречий тех лет, но отказывался воспринимать великое и трагическое в их диалектическом единстве.

Это, конечно, не означает, что суждения Шебаршина носили исключительно критический характер, тем более что он многое переосмыслил в последние два десятилетия своей жизни. В книге афоризмов нашего героя, впечатляющих своим остроумием и тонкостью («Хроника безвременья». М., 1998), есть, к примеру, такие высказывания:

«Сталин учился в семинарии и оставил после себя великую державу; у Горбачёва два диплома о высшем образовании, а он державу развалил»;

«Есть только один деятель, на которого возлагается вся ответственность, но который ответственности не боится, — Сталин»;

«Если всё будет низвергнуто сейчас, то что же останется грядущим поколениям? Если Сталина не хватит надолго, смогут ли фигуры нынешних лидеров заполнить брешь?»

...Не все студенты Института востоковедения верили в неожиданный подарок судьбы — в возможность продолжить учёбу в одном из самых престижных московских вузов. И действительно — не ко всем она оказалась благосклонной: в МГИМО перевели только половину студентов из расформированного института. Студенты, её составляющие — «восточники», — держались особняком и не всегда находили общий язык с

коренными мгимовцами — «западниками», которые в общем-то ничем особенным от них не отличались. Как вспоминал Шебаршин, одни были поумнее, другие выдающихся способностей не проявляли — студенты как студенты.

Всё бы ничего, но вот материальное состояние Леонида никак не улучшалось. Больше того, МГИМО был намного дальше от Марьиной Рощи, располагался у Крымского моста, и ежедневные расходы на проезд заметно возросли. Несмотря на то, что Лера к тому времени поступила в пединститут и стала получать стипендию, жили они, по словам Шебаршина, «не просто бедно, а нищенски».

Приходилось подрабатывать на железной дороге, на разгрузке-погрузке вагонов или на овощной базе, которая находилась недалеко от дома. Немного позднее, освоив язык урду, переписывал в издательстве рукописи.

Леонид Владимирович часто вспоминал своих институтских друзей, тех, с которыми сошёлся ближе, чем с другими. Среди них — Виктор Прокунин, «книжник, умница». Борис Васильев — «бывший танкист, человек основательный, уже умудрённый жизнью, неназойливо, по-доброму опекающий нас». В этот круг общения входила и Седа Алиханянц, которая была дочерью одного из создателей атомного оружия, академика Абрама Исааковича Алиханова. «Красивая, умная и скромная», она вскоре вышла замуж за В. Прокунина.

Ну а как же закадычный друг детства Гоша Савицкий? Лишившись привычного общения, он решил всерьёз заняться спортом. Условия для этого были, поскольку над 241-й школой взяло шефство спортивное общество «Строитель». Для школьников были открыты секции плавания и бега, прыжков в высоту и бокса, гимнастики и волейбола. Савицкий решил заняться тяжёлой атлетикой. Но уж больно худ был будущий спортсмен, поэтому на первом занятии тренер засомневался:

— Слушай, парень, может, тебе лучше бег попробовать?

Гоша отрицательно помотал головой:

— Не-а! Хочу штангу попробовать.

— Ну смотри, парень!

Оказалось, упорства ему не занимать. Очень быстро Савицкий окреп и через год уже был уверенным в себе разрядником, готовым к спортивным подвигам. Но тут объявился Шебаршин:

— Слушай, ты чего паришься в этом своём «Строителе», железками гремишь? Переходи к нам, в институтскую команду шлюпочников. Нам крепкие ребята нужны. Переходи — не пожалеешь. К институту будешь

ближе, легче потом будет к нам поступить...

Перспектива была неплохая, и вскоре Савицкий начал ездить на Крымский Вал.

От главного входа МГИМО до Москвы-реки — несколько десятков метров. Разве может такая близость воды не волновать бывшего моряка?! А им оказался один из сокурсников Шебаршина. Он и создал секцию редкого вида спорта и сумел заразить шлюпкой полтора десятка студентов, в том числе и Леонида.

Тренировки были серьёзными. Работали до седьмого пота, до изнеможения. Савицкий позже признавался, что самая любимая команда у них была — «Суши вёсла!». Но и успехи в шлюпочном спорте не заставили себя ждать: очень скоро шлюпка, где гребцами выступали Шебаршин и Савицкий, стала брать призовые места, в том числе и первые, на различных соревнованиях.

Прекрасное было время!

И Шебаршин, будучи уже в зрелом возрасте, часто вспоминал дружную команду шлюпочников, тренировки на Москве-реке и соревнования в Химках...

В ранней молодости люди переживают гораздо больше счастливых дней, чем в более поздние годы. Савицкий хорошо помнит, как в студенческую пору Шебаршин, весь светящийся от полноты чувств и безуспешно пытающийся скрыть от знакомых глаз волнение, первый раз появился в 14-м проезде с девушкой. Была она стройна и очень хорошо одета, явно не марьинорощинская — об этом свидетельствовали и манера держаться свободно и непринуждённо, и подчёркнуто интеллигентный вид. Гоша успел выяснить у друга во время его короткого романа, что она увлекалась поэзией. Заметно было, что Шебаршин рядом с ней чувствовал себя скованно, старался даже подражать ей — в словах, жестах, поведении...

Похоже, было это первое серьёзное увлечение в его жизни, которое по каким-то причинам не стало чем-то большим. Что-то у них не заладилось. Возможно, девушке не понравилась Марьяна Роща или скромные условия жизни в доме Шебаршиных, а может, Леонида что-то не устроило...

Дружба Савицкого и Шебаршина продолжалась до последнего дня жизни Леонида Владимировича: встретились они в последний раз 25 марта 2012 года, а в ночь на 30-е Шебаршина не стало.

Объединяло их многое, прежде всего, конечно, Марьяна Роща, их детство и юность. Даже именины своих бабушек — бабы Дуни и бабы

Тони — они отмечали в один и тот же мартовский день. Если в это время они были в Москве, то обязательно встречались и поднимали поминальные чарки.

Оба пережили схожие трагические события: Шебаршин похоронил дочь Таню, которой не исполнилось и двадцати, Савицкий — сына Сашу, ушедшего из жизни в двадцать пять лет...

Оба любили классическую музыку и русские народные песни, а из певцов боготворили Шаляпина. Очень нравился им ансамбль, в который входили певцы братья Светлановы и балалаечник Пустыльников, — Шебаршин откуда-то привёз пластинку, и они не раз с наслаждением прослушивали её. Какие же там были прекрасные песни! Жаль, что пластинка эта куда-то пропала. Савицкий рассказывал, что почти из всех своих поездок Леонид Владимирович привозил изумительную, великолепно записанную музыку, а кроме того, умудрялся где-то доставать старые, хрипучие от несовершенства дореволюционные записи.

Вместе выбирались они на природу, чаще — в Калининскую (ныне Тверскую) область, рыбачили на реках Медведице и Волге. Особенно хорошие уловы были на слиянии этих двух рек.

Иногда они ездили в те благодатные края с семьями. Это были настоящие праздники, которые оба вспоминали с удовольствием: уж очень светлыми они были! Вечерами обязательно варили уху и пели песни. Не обходилось без старинной и грустной, на стихи Некрасова:

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело...

Не думали они тогда, что ждут впереди и их дружные семьи тяжёлые беды и утраты. И что у горя горького есть одна нехорошая привычка — любит оно возвращаться...

Летом 1956 года группа студентов МГИМО отправилась на целину — на уборку урожая. Слово «целина» тогда у всех было на устах — о ней, целине, только и говорили, не проходило и дня, чтобы по радио не звучали песни о целине, ни одна газета не выходила без материалов о том, как там идут дела.

В комсомольский отряд целинников попал и Шебаршин. Потом он

рассказывал, как долго они ехали к месту назначения: вначале поездом, который имел привычку останавливаться у каждого столба, потом в кузовах грузовиков. Ехали с песнями, счастливые и беззаботные, и в конце концов очутились в степи, пахнувшей хлебом, жарой и полыньёю — в Урицком районе Кустанайской области, в селе с легендарным названием Севастополь.

Шебаршина определили помощником комбайнёра. Дело это было хотя и не сложное, но трудное. Надо было застёгиваться на все пуговицы и нахлобучивать кепку на лоб, чтобы хоть как-то защититься от горячей степной пыли и остывшей пшеницы, которые, попадая на залитое потом тело, оставляли красные болезненные полосы. Глаза выжигало солнце, перед лицом плыли цветные круги, солёный пот, как кислота, разъедал живую, хотя и огрубевшую кожу.

Главное было вынести всё это, преодолеть, перебороть себя, и ребята сдюжили, выдержали выпавшие на их долю испытания. И, что для всех было важно, неплохо заработали. Для семьи Шебаршиных этот заработок Леонида явился ощутимой поддержкой — ведь денег по-прежнему не хватало и каждая копейка была на счету.

Но, пожалуй, более важную роль целина сыграла в другом — в личной жизни Леонида. В целинном отряде МГИМО находилась Нина Пушкина, однокурсница Шебаршина, только училась она на другом отделении — на китайском.

Тысячи, десятки тысяч судеб соединили студенческие отряды в советское время! Поэтому никого не удивило, что Леонид Шебаршин и Нина Пушкина, вернувшись в Москву, уже не мыслили жизни друг без друга.

В январе 1957 года они поженились. Дед Нины отказал молодым проходную комнатку, но разве можно влюблённых смутить скромными условиями быта! Тем более если пословица про рай в шалаше даже в казахстанских степях удивляла их своей мудростью.

ВОСТОК — ДЕЛО ТОНКОЕ

Трудно сказать, думал ли Л. В. Шебаршин во время первых своих заграничных командировок, что когда-нибудь настанет время и своими впечатлениями и переживаниями он будет делиться с людьми на страницах книг. Во всяком случае, уже тогда он начал вести регулярные и обстоятельные записи в блокнотах. Эти заметки нельзя назвать дневниковыми, поскольку они, как правило, не связаны с какими-либо конкретными фактами и событиями в их хронологической последовательности. Да и вряд ли ведение дневника (в нашем обычном понимании) приемлемо для человека профессии Шебаршина — для разведчика. Его заметки отражают восприятие и осмысление человеком иного мира, нежели тот, привычный, который окружал его долгие годы. Они о том, что больше всего западало в душу, оставляло незабываемые впечатления.

Привычку в минуты раздумий открывать чистую страницу блокнота — качество, свойственное людям, склонным к самоанализу и рефлексии, — Леонид Владимирович сохранил и после того, как расстался с разведкой. В первую очередь его записи обращают на себя внимание тем, что они наполнены большой и искренней любовью к Востоку, к азиатским странам, в которых ему довелось работать в течение долгого времени:

«В пасмурную, с дождями и снегами, с ледяным ветром и туманами погоду мне часто снится мой Восток, места, где провёл большую часть своей жизни.

Карачи и Равалпинди, Пешавар и Лахор, Дели, Тегеран, Решт, Энзели, Исфаган, Кабул, Герат сливаются в снах в один причудливый город.

Я живу в этом городе, разговариваю на урду и на фарси и удивляюсь, что ещё не забыл эти языки...

Я дышу азиатским воздухом — во сне он лишён запахов, но я знаю, что он пахнет остро и пряно, им дышится легко даже в жару.

Азия зелёных радостных гор и мрачных, отвесно вздымающихся к небу кражей, Азия ослепительно чистого, тончайшего песка побережья Аравийского моря и выжженных красноватых пустынь, уличного весёлого многолюдья и разъярённых, беспощадных слепых толп, Азия одуряющей жары и живительной прохлады — эта Азия у меня в крови. Я прошу судьбу, чтобы эта Азия снилась мне до конца моих дней...»

Такие сильные и глубокие чувства не рождает одно лишь созерцание

пейзажей и панорам, как бы прекрасны они ни были. Если человеку чужда жизнь, в которую окунула его судьба, если он не способен понять характер людей, с которыми общается, мотивы их поведения в разных ситуациях, то города и кишлаки, горы и пустыни, долины и реки любой страны, в какой бы он ни находился, так и останутся для него чужими и неприветливыми. Нельзя полюбить страну, не уважая её народ, его образ жизни, привычки, традиции.

Любовь и интерес к стране пребывания Шебаршин считал ценным своим приобретением, утешением для души и огромным подспорьем в работе.

И ещё одно чувство вызывала у Шебаршина окружающая его жизнь — сострадание. Совершенно не случаен один из главных его выводов, к которому он пришёл, сталкиваясь с повседневными проявлениями чудовищного социального и материального расслоения людей — восточный мир суров: «В азиатской отсталой стране (термин „развивающаяся страна“ был изобретён вежливыми международными дипломатами) действительность жестока, грубое насилие пронизывает всю ткань общественных отношений, полное равнодушие к судьбе соотечественника (неимущего соотечественника) является нормой жизни. Индустриализация, перекачивание разорённого населения в города разрушают традиционные, сохранившие какие-то крохи гуманности отношения между людьми».

На фоне сказочных пейзажей восточных стран острее и контрастнее воспринимались картины страшной и безысходной нищеты основной массы людей, особенно населения глубинки. Так, в первые годы работы в Пакистане Шебаршину довелось проехать по самым удалённым районам страны. Во время этого путешествия пришлось остановиться на отдых в городе Хайдарабад — административном центре провинции Синд. Перед Леонидом предстало типичное для Пакистана царство нищеты, грязи и уныния: «Мрачные, ободранные стены, изукрашенные лишь невообразимой пестроты вывесками и сохнувшим прямо над улицей бельём. Канализации в городе нет. Проложены по улицам стоки для нечистот, но течь им некуда — всё высушат палящее солнце и ветер». На улицах совершенно не видно женщин. Сами улицы заплёваны, полны вонючих луж и лавок с древними ржавыми вывесками. Номер в отеле «Риц», в который поселили Шебаршина с водителем, — это пара плетённых из верёвок кроватей, серые, некогда бывшие белыми простыни, в полу — дыра, чтобы туда можно было опорожняться. Других удобств не было, если не считать медного крана в стене, в котором иногда появлялась вода.

В другой раз ночевали в почтовой гостинице, представлявшей собой бунгало без вентиляции и электричества, всё с теми же верёвочными кроватями. К услугам постояльцев была лишь панкха — деревянная рама, обтянутая материей и за один край привязанная к балке. К другому краю была прикреплена верёвка, с помощью которой панкха раскачивалась и создавала в комнате некую видимость ветерка.

Позднее Шебаршин так описывал царившую вокруг атмосферу. И днём и ночью отовсюду доносился тяжёлый тоскливый скрип. Это медлительные, могучие быки волокли под окнами гружёные повозки. Колёса для повозок были выточены из цельного дерева, из той части, что ближе к корню, кроме того, они были обиты медью. «Смазки они не знают, трётся сухая деревянная ось о деревянную же ступицу и издаёт звук, тянувшийся за обозами Тамерланова войска и арабских завоевателей и, пожалуй, самого Александра Македонского. Один из голосов вечности»...

Ну а первое своё утро за границей Леонид Владимирович встретил в марте 1958 года. Случилось это как раз в Пакистане, в Карачи, где он проходил практику на выпускном курсе. Солнце, голубое небо, горы, зелёная равнина, волшебная неосязаемость воздуха отпечатались в памяти, как писал Шебаршин, не отдельными образами, «а целостным, небывало радостным ощущением счастья». Ведь было ему тогда 23 года.

Снова в Пакистане, на этот раз вместе с женой, Шебаршин оказался через несколько месяцев, в конце 1958 года. Это была его первая длительная служебная командировка. Начиналась новая жизнь — ещё незнакомая и увлекательная, полная неожиданных поворотов и захватывающих событий. Впереди — новые города и страны, неизведанные дороги, сотни встреч и знакомств с новыми людьми. С одними предстояло подружиться, от других следовало держаться подальше — у дипломатической службы свои законы.

В общем, через многое предстояло пройти выпускнику МГИМО, чтобы в конце концов обрела реальность его пока ещё робкая мечта — облачиться когда-нибудь в мундир посла или, на худой конец, посланника, представлять Советский Союз в какой-нибудь крупной стране или в солидной международной организации...

Должность помощника посла, которую Леонид Владимирович занимал на первых порах (заодно он исполнял и обязанности переводчика), была не слишком приметной, но очень интересной. Она дала ему возможность познакомиться со многими крупными деятелями Пакистана, послами других государств, видными бизнесменами и, как отмечал сам Шебаршин, ещё и возможность «учиться искусству дипломатической беседы».

Особенно большое впечатление на молодого дипломатического работника произвело знакомство с Зульфикаром Али Бхутто — будущим президентом и премьер-министром Пакистана. Ну а в январе 1961 года, когда Бхутто пригласил посла СССР М. С. Капицу с супругой посетить его родовое имение в Ларкане, тот был ещё начинающим политиком и занимал пост министра природных ресурсов. Шебаршин выполнял на этой встрече обязанности переводчика.

Для советского посла Бхутто приготовил специальную развлекательно-познавательную программу. В неё входила и охота на уток, которой славилась Ларкана и за пределами Пакистана. Там даже специальный охотничий городок существовал — Шикарпур, где каждый охотник размещался в домике на отдельном небольшом озере, буквально забитом утиными стаями: стреляй — не хочу!

Но не охота, в которой практически начисто отсутствовали элементы спортивного азарта, столь значимые для настоящих ценителей этого увлечения, привлекла основное внимание Шебаршина. В первую очередь его интересовал хозяин имения, бывший тогда хотя и молодым, но уже влиятельным и популярным министром.

По описанию Шебаршина, Зульфикар Али Бхутто обладал привлекательной, живой внешностью: высокий умный лоб, зачёсанные назад, слегка вьющиеся волосы (тогда ещё лишь с редчайшими проблесками серебра), продолговатое, оливкового цвета лицо с крупным, пожалуй, немного длинноватым носом и выпуклыми, семитского типа, чётко очерченными губами, с чёрными, не очень большими глазами и чёрными бровями. Лицо жило — оно от души смеялось, улыбалось, хмурилось, негодовало. «Молод, жизнерадостен, умён и щедр был тогда Бхутто, — писал Шебаршин, — и, видимо, свод государственных пакистанских небес, который он готовился принять на свои плечи, казался ему в ту пору, издалека, легче пуха».

Леонид Владимирович сразу уловил, что Бхутто пригласил посла не только для того, чтобы поближе с ним познакомиться и поговорить в спокойной обстановке о политике. Рядом с советским послом возрастала его популярность среди простого населения. А ведь они вместе ездили по окрестным городкам и кишлакам, выступали перед народом и обменивались рукопожатиями, демонстрируя взаимную дружескую расположенность.

Выступили они и на большом митинге в Ларкане. Зульфикар Али — прекрасный оратор, все свои речи начинает с обращения «дорогие братья и сёстры!». Любит говорить о справедливости, об обязанности каждого

человека жить и трудиться по предназначениям Всевышнего. Подчёркивает свою преданность правительству фельдмаршала Айюб-хана, который по-отечески заботится о всех гражданах своей страны, не отдавая предпочтения богатому перед бедным и образованному перед неграмотным. Говорит министр и о необходимости борьбы с коррупцией. Естественно, было сказано немало добрых слов в адрес Советского Союза.

Выступления и министра, и советского посла часто прерывались аплодисментами. Митинг получился торжественным и тёплым. Люди расходились по своим домам и окрестным кишлакам, горя желанием поделиться с близкими и знакомыми впечатлениями от увиденного и услышанного, рассказать им о том, что в далёком Советском Союзе помнят о них и переживают за их судьбу...

Шебаршин — очевидец всех бесед между Бхутто и Капицей, проходивших в уютной и безукоризненно чистой гостиной богатого дома в Ларкане. Советский посол был выдержан, иногда спорил, но не переходил невидимую черту дозволенного, чувство которого присуще каждому настоящему дипломату, в какой бы обстановке он ни оказался. Министр же казался отчаянно смелым и даже безрассудным в высказываниях. Лишь позднее стало ясно, что он согласовал свою позицию с Айюб-ханом.

О действующем руководителе страны Зульфикар Али Бхутто упоминал часто и всегда — с глубоким уважением. Ведь Айюб-хан — личность легендарная, человек, искренне любящий свою страну и не желающий войны ни с Индией^[1], ни с Афганистаном, ни с какой-либо другой страной. Не нужны ему и ссоры с Америкой, чьи платные агенты сидят на многих высоких постах в Пакистане и следят за каждым шагом Айюб-хана.

Америка... Именно она, держащая Пакистан мёртвой хваткой военной и продовольственной помощи, втянувшая его в агрессивные блоки СЕНТО и СЕАТО^[2], создавшая здесь свои, нацеленные на Советский Союз, базы... Подкупающая пакистанскую бюрократию и военных, наглая, ненадёжная, своекорыстная, высокомерная... Америка — вот что больше всего тревожило министра. И как бы далеко ни уходила нить беседы, рано или поздно она возвращалась к тому, что Пакистану необходимо сбросить удушающее бремя союзнических отношений с США, обрести не фиктивную, а подлинную независимость.

Заметим, что именно из Пакистана, с американской базы Бадабера, за несколько месяцев до описываемой встречи, 1 мая 1960 года, вылетел печально знаменитый шпионский самолёт U-2, пилотируемый Пауэрсом. Как известно, самолёт был сбит над территорией Советского Союза,

недалеко от Свердловска, и разразился крупный международный скандал.

По мнению Бхутто, СЕНТО и СЕАТО, ни на йоту не обеспечивая безопасности Пакистана, мешают наладить мирные добрососедские отношения с Индией. И только Советский Союз, считал он, может помочь Пакистану разорвать путы нового колониализма.

Не эти ли убеждения Зульфикара Али Бхутто, которые он пытался провести в жизнь, находясь на высших государственных постах, стали в конечном счёте главной причиной его трагического конца? С Америкой, в чём убеждают нас судьбы других лидеров Ближнего и Среднего Востока, чьи жизни оборвались на эшафоте, конфликтовать опасно.

Интересны для нас и другие наблюдения Шебаршина во время памятных встреч в Ларкане. Он увидел в Бхутто прежде всего политика с неукротимым стремлением к власти. По мнению Леонида Владимировича, для людей такого склада не существует дружбы, глубоких привязанностей, личных симпатий, увлечений, пожалуй, даже морали. Всё искусно имитируется во имя достижения главного — власти! И уже тогда ощущалось, что Зульфикар Али видел себя не министром природных ресурсов и не министром иностранных дел, которым он стал немного позднее, а главой пакистанского правительства и государства.

Отвлечёмся немного и напомним читателю, что мечты Бхутто осуществились в конце 1971 года. Тогда он стал президентом Пакистана, а после принятия новой конституции в 1973 году, в соответствии с которой должность президента превратилась в чисто церемониальную, возглавил правительство.

Сосредоточив в своих руках огромную власть, Зульфикар Али Бхутто приступил к осуществлению идей исламского социализма. Его программа экономических реформ включала национализацию частных банков и предприятий тяжёлой индустрии, учебных заведений, страховых компаний. А в результате аграрных преобразований значительная часть сельскохозяйственных площадей была передана безземельным крестьянам-арендаторам.

Внешнеполитический курс правительства Бхутто отличался не только миролюбием, но и был направлен на ликвидацию политической и экономической зависимости от США. В 1973 году Пакистан вышел из СЕАТО.

Не будем сейчас говорить о многочисленных причинах и поводах военного переворота 1977 года, осуществлённого под руководством Мохаммада Зия-уль-Хака. Отметим лишь, что недовольство определённых кругов внутри страны Зульфикаром Али Бхутто искусственно

подогревалось извне. Бхутто был свергнут, арестован и помещён в тюрьму. Несмотря на обращённые к Зия-уль-Хаку просьбы крупнейших международных организаций и влиятельных лидеров мировой политики, в том числе Л. И. Брежнева, смягчить вынесенный суровый приговор, Бхутто был повешен.

...Далеко не все проблемы, обсуждавшиеся в Ларкане в 1961 году, были впоследствии решены. Тем не менее частные беседы между Бхутто и Капицей помогли, например, сдвинуть с места важные переговоры об оказании Советским Союзом содействия Пакистану в разведке нефти и газа, заключить соответствующее соглашение. Но, пожалуй, важнее всего было участие СССР в преодолении натянутых отношений между Пакистаном и Индией. Ведь в Ларкане Бхутто не раз подчёркивал (не только в беседах, но и на митингах), что только при помощи Советского Союза две эти страны могут стать добрыми соседями.

Люди старшего поколения хорошо помнят, какой резонанс в нашей стране и за рубежом в 1960-е годы вызывали посреднические усилия СССР в нормализации обстановки в регионе. В частности, в историю международных отношений вошла Ташкентская декларация 1966 года. Это соглашение, подписанное в результате инициированной Советским Союзом встречи в Ташкенте президента Пакистана Айюб-хана с премьер-министром Индии Л. Б. Шастри при участии председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, способствовало преодолению последствий отгремевшей накануне войны между двумя странами. Эффективная посредническая роль СССР стала тогда возможной благодаря его огромному авторитету и влиянию в мире. Увы, авторитет этот в 1990-е новые российские «хозяева» пустили с молотка — заодно с материальными богатствами великой страны...

Заканчивая тему, несколько слов следует сказать об исламском социализме, с идеями которого Шебаршину приходилось сталкиваться. Немало известных мусульманских политиков (кроме Зульфикара Али Бхутто можно, например, упомянуть президента Египта Гамаля Абдель Насера, лидера Организации освобождения Палестины Ясира Арафата, руководителя Ливии Муамара Каддафи) полагали, что учение Корана и пророка Мухаммеда совместимо с принципами социальной справедливости, равенства и перераспределения богатства.

Леонид Владимирович рассказывал, как во время первой своей командировки он подружился с имамом одной из крупных мечетей в Карачи и был у него желанным гостем. Во время их встреч и бесед обоим удивляло то, что коммунизм (в изложении Шебаршина) и ислам (в

толковании имама) были очень похожи. Но здесь, как догадывается читатель, вряд ли можно было чересчур обольщаться — ведь речь могла идти только о внешнем, поверхностном сходстве двух учений. По сути своей исламский социализм ничего общего с марксистскими идеями конечно же не имеет.

В связи с этим стоит заметить, что, судя по опубликованным воспоминаниям нашего героя, отношения Шебаршина с марксизмом нельзя назвать слишком тёплыми, во всяком случае, над трудами его основоположников он не корпел. Например, рассказывая о своей учёбе в разведшколе, где марксистская теория преподавалась в довольно большом объёме, он писал, что «марксизм-ленинизм в тогдашней трактовке был предельно далёк от науки. Его клишированные формулы и понятия имели характер ритуальных заклинаний, что-то вроде ежедневного и ежечасного подтверждения лояльности. Каждое учебное пособие даже в нашем, весьма специальном, учебном заведении начиналось с благочестивого тезиса о классовом характере разведки... Лекции по марксизму и время, отводимое на подготовку к семинарам, давали, однако, прекрасную возможность читать в своё удовольствие то, что тебе нравится».

Подобные суждения, когда они были им обнародованы, восприняли далеко не все бывшие коллеги Шебаршина по КГБ и разведке. Но в этом вопросе мы не будем брать на себя роль третейских судей. Отметим только, что недооценка классовой борьбы, марксистской теории как науки и метода познания социальных процессов отражалась на взглядах Леонида Владимировича. Порой в них проявлялись непоследовательность и противоречивость.

Например, Шебаршину принадлежит очень верная мысль о том, что «историческая неизбежность реализуется не сама собой, а через политических лидеров и ведомые ими массы». С такой точки зрения он анализировал развитие событий в Восточном Пакистане, которые привели к его отделению от Западного и образованию на его территории самостоятельного государства Бангладеш, а также к усилению конфронтации между Пакистаном и Индией, очередной войне между ними.

Однако это суждение носит, конечно, универсальный, а не только конкретно-исторический характер, связанный с индо-пакистанскими отношениями. Именно такой подход даёт возможность понять и оценить трагические события, происходившие в нашей стране в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Но вот в их анализе диалектическую связь исторической необходимости и субъективных факторов, всей совокупности сложившихся к тому времени социально-экономических и политических

условий, международных факторов Леонид Владимирович усматривал не всегда. Например, к оценке причин распада СССР он подходил порой однобоко, полагая, что Советский Союз распался самопроизвольно, лишь в силу исторической, объективной неизбежности, в силу своих, в основном внутренних, социально-экономических обстоятельств, что социалистическая система сама по себе оказалась нежизнеспособной. То есть он оценивал произошедшую трагедию как результат одних лишь объективных закономерностей, считая побочными и малозначащими в развале СССР подрывную антисоветскую работу западных спецслужб, деятельность «пятой колонны» внутри страны, предательство партийно-государственной группировки во главе с Горбачёвым.

Впрочем, не будем забегать слишком далеко вперёд — у нас ещё будет возможность поговорить об этом более подробно...

...В книге «Рука Москвы» Шебаршин подчёркивает, что в самом начале дипломатической карьеры ему крупно повезло, так как у него были великолепные наставники — советские послы в Пакистане. Начинал он службу в посольстве под руководством И. Ф. Шпедько, затем работал с М. С. Капицей и сменившим его А. Е. Нестеренко. Всех троих объединяли преданность делу, профессионализм, ясный ум и глубокое уважение к коллегам независимо от их положения в посольской иерархии. Причём требовательная забота о подчинённых сочеталась у них со снисходительным отношением к промахам, допущенным, как правило, молодыми сотрудниками по неопытности.

Кроме того, каждому из послов, под руководством которых довелось трудиться Шебаршину, был присущ свой индивидуальный почерк в работе. Например, Иван Фадеевич Шпедько обладал к тому времени немалым житейским и профессиональным опытом (что, кстати, подтвердила и его дальнейшая дипломатическая карьера). А для начинающего дипломата это очень много значило. Неторопливость, осмотрительность, хладнокровие, разборчивость в деловых контактах и знакомствах — такие качества, крайне необходимые в дипломатической работе, можно перенять только у зрелого наставника. Как говорится, только на ус наматывать!

Шебаршин отмечает, что на его профессиональное становление оказал влияние и второй секретарь посольства Б. И. Ключев, проработавший в Пакистане много лет. Глубокий знаток языка урду, он пробудил у него интерес к серьёзной страноведческой литературе, устраивал познавательные прогулки по городу, знакомил с интересными людьми.

Мы помним, что начинал свою трудовую деятельность Леонид Владимирович с должности помощника посла. Спустя некоторое время он

был назначен на место атташе. По сути, это была самая младшая должность в посольской иерархии, первый дипломатический ранг. Как вспоминал Шебаршин, «по этому случаю сшил костюм у лучшего пакистанского портного Хамида и почувствовал себя дипломатом». Конечно, он понимал тогда, что путь до настоящего дипломата ещё долг и тернист. Тем не менее за четыре года своей первой зарубежной командировки он вырос до третьего секретаря посольства. А незадолго до своего отъезда в Москву узнал, что посол направил в МИД представление о назначении его вторым секретарём. Это можно было считать, конечно, большим профессиональным ростом — ведь Шебаршину было тогда только 27 лет.

Нельзя не упомянуть ещё об одном важном событии, которое произошло во время той командировки Шебаршина: в семье Леонида Владимировича и Нины Васильевны появилось пополнение — родился сын Алёша.

ПОВОРОТ СУДЬБЫ: ИЗ ДИПЛОМАТОВ — В РАЗВЕДЧИКИ

Работа в отделе Юго-Восточной Азии МИДа СССР, куда определили Шебаршина по возвращении в Москву, показалась ему неинтересной и тоскливой. Сухие официальные контакты с иностранными дипломатами, бесконечная нудная переписка и составление документов по трафаретам, канцелярская волокита...

И вдруг — приглашение на беседу в здание на площади Дзержинского, в Комитет государственной безопасности.

В то время представления Шебаршина о КГБ были отнюдь не романтическими, а в некоторой степени — и противоречивыми. Это организация казалась ему «какой-то грозной, вездесущей и всевидящей силой». А предложения пойти на работу в её структуры, которые получили некоторые его бывшие однокурсники по МГИМО, выглядели «таинственно, загадочно и немного зловеще».

Забегая вперёд скажем, что многолетняя работа Шебаршина в органах госбезопасности развеяла в его глазах многие обывательские мифы. Например, легенду под названием «всевидящее око КГБ», согласно которой в нашей стране существовала тотальная система слежки и контроля, под «колпаком» которой находились и добропорядочные люди. Он прекрасно знал, насколько беспочвенна эта выдумка. Во всяком случае, в чём он не раз убеждался, «око» ФБР и ЦРУ следило за своими гражданами не менее бдительно.

Ранее с сотрудниками КГБ, а точнее, его разведывательного подразделения — Первого главного управления (ПГУ), Леонид Владимирович общался лишь в Пакистане. С одним из них, который показался ему «не только обаятельным, но чрезвычайно осведомлённым и умным человеком», он даже подружился. Тот рассказал, что отец его жены был репрессирован и расстрелян в конце 1930-х годов (чем вызвал удивление Шебаршина, который считал, как и многие, что в КГБ не берут тех, чьи родственники были осуждены), резко высказывался о советской действительности. «...Речи моего друга, — отмечал Шебаршин, — казались волнующими, дерзкими, предвещающими какое-то совсем новое и действительно светлое будущее».

Эта короткая история, упомянутая нашим героем, — вполне в духе

того времени, о котором вёл речь Шебаршин. Ведь не случайно многие историки и политики полагают, что слом советского строя наметился как раз в период правления Хрущёва, попытавшегося перечеркнуть историческую роль Сталина, величие социалистических преобразований в довоенный период и многие важные слагаемые победы над фашизмом. Проявление «инакомыслия» при нём (естественно, в рамках дозволенного) вполне вписывалось в рамки господствующей в тот период официальной идеологии, а то, что не вписывалось в них, решительно подавлялось. Однобокий, исключительно критический подход к сталинской эпохе находил отклик главным образом у закоренелых противников советской власти и импонировал некоторой части молодёжи с её незначительным жизненным опытом и максималистскими устремлениями.

При чтении книг Шебаршина может показаться, что он иногда был чрезмерно восприимчив к критическим идеям, касающимся тех или иных сторон советской действительности. А ведь это, как правило, не свойственно людям его профессии. Отчего же возникает такое ощущение?

Думается, что когда Леонид Владимирович выступает в роли литератора, он нередко проецирует одолевавшие его сомнения, мысли и переживания, возникшие под воздействием разрушительных процессов конца 1980-х — начала 1990-х годов, на ранние периоды своей биографии. Связано это со свойствами человеческой памяти, которая с каждым может сыграть злую шутку. Однако стоит только нашему герою освободить память от более поздних наслоений, погрузиться в естественное русло тех или иных событий прошлого, как всё становится на свои места. Прежде всего, это касается воспоминаний, связанных с его оперативной работой за границей в качестве разведчика, — ведь сам характер службы в разведке раскрывает в людях лучшие качества, быстро выявляет подлинную суть человека, прочность его внутреннего стержня.

Предельной концентрации воли и мужества, невероятных физических усилий потребовала от советских разведчиков, находившихся в Пакистане, деятельность в экстремальных условиях так называемой Второй индо-пакистанской войны, разразившейся в 1965 году^[3]. Тяжёлый и опасный труд отодвинул далеко в сторону нередкие тогда среди разведчиков споры о том, что есть разведка — искусство или ремесло, дискуссии, связанные с корпоративной этикой и прочими вопросами сугубо профессионального характера, казавшимися на фоне происходящего вокруг надуманными и незначительными. Осталось только самое главное, то, что давало ответ на основной вопрос, который рано или поздно задаёт себе каждый разведчик — во имя чего? Во имя чего всё то, что делаешь ты, твои товарищи и

коллеги?

«Всё, что мы тогда делали, — читаем в книге Шебаршина „Рука Москвы“, — было нужно Отечеству, чьи интересы простирались до берегов Аравийского моря. Мы с какой-то неосознанной снисходительностью наблюдали чужую нестабильность, конфликты интересов, чужие слабости. Отечество стояло за нашей спиной — могучее, неколебимое, грозное для противника и великодушное к друзьям, первое в мире государство рабочих и крестьян. Конечно, и в нашей среде немало говорилось об ошибках, о недостатках нашего общества, нашей экономики, но была твёрдая уверенность, что мы идём в правильном направлении. Эта уверенность передавалась нашим явным и тайным единомышленникам. Мы гордились Отечеством, верили в его светлое будущее и трудились на его благо».

Такие слова в комментариях не нуждаются...

...После беседы в КГБ Шебаршин решил посоветоваться с И. Ф. Шпедько, который работал тогда в МИДе заместителем заведующего отделом Южной Азии. Иван Фадеевич ответил коротко и ясно: «Это большая честь. Соглашайся!»

За этим лаконичным ответом Ивана Фадеевича скрывалось то, что в общем-то было ясно для его молодого товарища: случайных людей в КГБ не брали. И негласный отбор кандидатов для работы в органах шёл в основном среди молодёжи, выросшей в простой, рабочей и крестьянской, среде, не избалованной тепличными условиями. Молодых людей из состоятельных семей, детей номенклатурных работников здесь не слишком жаловали. Естественно, подавляющее большинство будущих чекистов полагалось в жизни не на «мохнатую руку» и покровителей (у них их просто не было), а на собственную голову и способности. КГБ — не для «троечников». Людей, работавших здесь, действительно можно отнести к элите, пропуском в которую служили высокий интеллект и нравственные убеждения, преданность родине. Все они прекрасно сознавали, что КГБ — это передний край борьбы за безопасность страны.

Вот почему среди сотрудников КГБ в целом и ПГУ в частности мы постоянно встречаем не просто умных, но и очень часто талантливых людей, эрудированных, свободно владеющих иностранными языками, досконально знающих своё дело. Всё это в совокупности и определяло их высокий профессиональный уровень.

И дело здесь не только в специфике подготовки и образования чекистов. О незаурядных способностях Шебаршина, окончившего школу вопреки тяжёлым семейным условиям, нелёгкой жизни в военные и первые послевоенные годы с серебряной медалью, мы уже говорили.

Отвлечёмся на минуту и взглянем на тех людей, кто после него возглавлял Службу внешней разведки, в которую было преобразовано ПГУ.

Евгений Максимович Примаков — крупный и уважаемый в нашей стране политический деятель.

В семье рабочего авиационного завода, эвакуированного из Москвы в Иркутск, родился будущий руководитель СВР, Герой России Вячеслав Иванович Трубников. В юности он окончил с золотой медалью физико-математическую школу при МГУ им. М. В. Ломоносова.

С золотой медалью окончил школу и Сергей Николаевич Лебедев. Его отец прошёл всю войну солдатом и затем трудился водителем, а мать пережила блокаду.

Обучался в школе с физико-математической специализацией Михаил Ефимович Фрадков, для которого путёвкой в жизнь стал красный диплом Московского станкоинструментального института.

...Поначалу Шебаршину предстояло пройти годичный курс обучения в школе разведчиков, которая позже была преобразована в Краснознамённый институт КГБ им. Ю. В. Андропова.

Общежитие школы располагалось в старом деревянном доме. Домашняя атмосфера, в которой ничто не отвлекало внимания от главного, располагала к занятиям и, что очень важно, помогала сосредоточиться на углублённом изучении иностранных языков. Всё остальное давалось без особых усилий.

В разведшколе познакомился со своим тёзкой Леонидом Шебаршиным генерал-майор Л. А. Макаров, бывший начальник 1-го отдела ПГУ КГБ. Часто вспоминает он их совместное житьё-бытьё в небольшом лесном домике — уютные комнаты на несколько человек, жарко натопленные в зимнее время, ветки деревьев, стучащие по оконным стёклам, птичьи концерты по утрам, дружеские беседы за вечерним чаем.

Чай — любимый напиток, спиртным не увлекались. К чаю специально сушили сухари: на горячую батарею стелили несколько листов писчей бумаги и на них раскидывали ломтики чёрного и белого хлеба. Приучил всех к чаю Шебаршин, делившийся с товарищами приёмами приготовления этого ни с чем не сравнимого божественного напитка — ведь он успел к тому времени познать многие секреты восточной жизни.

Шебаршин всю жизнь собирал редкие сорта чая. Только у него в гостях можно было попробовать экзотические сорта, выращиваемые где-нибудь в Танзании на небольших полях, примыкающих к подножию горы Килиманджаро, или на вулканических плантациях острова Маврикий.

Макаров вспоминал, как однажды, в более позднее время, был в гостях

у Шебаршина, и тот, занятый бумагами, попросил его сходить на кухню и приготовить чай. Когда Леонид Алексеевич вернулся, Шебаршин посмотрел на наполненный стакан как-то подозрительно, схватил его и поднёс к носу:

— Ты какой чай заварил? Где взял его?

Макаров объяснил.

На лице Шебаршина застыл неподдельный ужас. Чай, который так неосторожно Макаров употребил для заварки, оказался очень редким. А Леонид Алексеевич, забыв прежние уроки, использовал его по-варварски...

Как вспоминает Макаров, почти все слушатели школы уже побывали за рубежом и привнесли в их среду свой опыт работы и впечатления от зарубежных командировок. Уровень развития и общеобразовательной подготовки большинства из них был довольно высоким. «И всё же среди слушателей отделения Леонид Шебаршин выделялся. Обаятельный, доброжелательно настроенный, эрудит-книжник, он приятно удивлял своими разнообразными знаниями, логикой рассуждений, культурой речи и дружелюбной иронией. Мысленно я отдавал ему пальму бесспорного первенства в нашем отделении».

По тому, как часто и увлечённо Шебаршин вспоминал время учёбы в школе, нетрудно сделать вывод: он не ошибся в выборе новой профессии. Она сразу пришлась ему по душе, полностью соответствовала его характеру и складу ума. Как говорят в таких случаях, человек нашёл себя.

Как он часто потом отмечал в воспоминаниях, учёба захватывала. «Невероятно интересными показались специальные дисциплины, то есть обучение основам и приёмам разведывательного ремесла... Фотография во всех её специальных вариантах, изготовление микроточек, тайнопись, средства связи, средства негласного съёма информации, основы приобретения источников и работы с ними, методика ведения наружного наблюдения и приёмы его выявления — всё это было ново и чрезвычайно увлекательно.

Венцом всего были практические занятия в городе, продолжавшиеся несколько дней. Надо было провести ряд операций по связи с агентом, включая личную встречу. Сложнейшая задача заключалась в том, чтобы убедиться, нет ли за тобой слежки („выявить наружное наблюдение“), чтобы не позволить контрразведке зафиксировать проведение операции и, упаси боже, не вывести её на источник».

С особой гордостью Шебаршин рассказывал, как во время практических занятий ему удалось придумать схему проведения тайниковой операции с использованием очень простого в изготовлении и

применении контейнера. Эта операция была отмечена премией. После этого, по его собственным словам, он почувствовал себя профессионалом. Идея была настолько удачной, что в дальнейшем применялась на практике и полностью себя оправдала.

Конечно, не всё, чему учили, пригодилось позднее Шебаршину и его товарищам в практической работе. Как считал Леонид Владимирович, явно был устаревшим и не оправдывал себя экстенсивный метод обучения по принципу «обо всём понемногу» — при подготовке офицеров разведки следовало бы больше уделять внимания индивидуальной работе, развитию навыков самостоятельного мышления и принятия решений. Ведь разведчик в поле одинок, во всех ситуациях он должен рассчитывать только на себя.

Однако, по мнению Шебаршина, при всех имевшихся недостатках старая школа воспитывала неоценимое чувство принадлежности к единственному в своём роде товариществу. В полной мере значение этого единения он оценил, находясь на оперативной работе.

ПАКИСТАН-2

Незаметно пролетело время учёбы, настала пора практического применения полученных знаний. В декабре 1964 года Леонид Владимирович отправляется во вторую свою заграничную командировку.

Снова он погружается в знакомую и завораживающую атмосферу восточной жизни.

И снова — Пакистан! И конечно же — Карачи, огромный город^[4], раскинувшийся под палящим солнцем на раскалённом каменистом побережье Аравийского моря.

Накануне командировки в его семье произошло новое пополнение — родилась дочь Таня. Нельзя не упомянуть и ещё об одном важном событии: Шебаршины наконец получили отдельную квартиру. Располагалась она в Кузьминках, на первом этаже «хрущёвской» пятиэтажки, но по сравнению с прежним, коммунальным жильём в Марьиной Роще казалась настоящим дворцом: две комнаты, своя кухня и ванная с горячей и холодной водой!

Из этого рая семья в полном составе, теперь вчетвером, и отправилась в очередной служебный вояж.

Что же представлял собой тогда Пакистан и какие основные задачи решала в этой стране наша разведка?

Как мы уже отмечали, страна эта принадлежала к двум военно-политическим пактам — СЕНТО и СЕАТО, созданным в разгар холодной войны и враждебным Советскому Союзу. По свидетельству Шебаршина, американцы чувствовали себя здесь полными хозяевами: они вооружали пакистанскую армию, оказывали стране экономическую помощь, контролировали её спецслужбы.

Осложняла ситуацию и конфронтация Пакистана с Афганистаном и Индией, которые поддерживали с СССР дружественные отношения. Но именно в этот период, о чём мы уже говорили, президент Пакистана Айюб-хан, внешнеполитические шаги которого активно поддерживал Зульфикар Али Бхутто, пошёл на сближение с Советским Союзом.

Задачи нашей резидентуры, как формулировал их в своих воспоминаниях Шебаршин, заключались в том, чтобы следить за деятельностью американцев, англичан и их союзников в Пакистане (эта деятельность обоснованно рассматривалась как враждебная Советскому Союзу), получать информацию о СЕНТО и СЕАТО, не упускать из виду отношения Пакистана с Индией и Афганистаном и, разумеется, уделять

самое серьёзное внимание китайцам и пакистано-китайским отношениям.

Цель основных усилий — ГП (главный противник), как на языке разведки именовались Соединённые Штаты. Содержание термина «ГП» иногда расширялось, но ядром его всегда были США.

Противостояние СССР и США на протяжении нескольких десятилетий, в том числе и в 1960-х годах, было не просто конфронтацией двух сверхдержав, не ладивших между собой. Эти две страны стояли во главе двух противоборствующих систем государственного устройства, бескомпромиссных идеологических концепций, двух образов жизни, различных нравственных и духовных ценностей. Жёсткий характер соперничества двух непримиримых лагерей — социалистического и капиталистического — определял тогда основные внешнеполитические процессы во всех уголках земного шара.

Здесь, пожалуй, стоит отметить, что для США и западных стран Россия во все времена, а не только в советскую эпоху, была главным геополитическим противником. И их враждебность по отношению к нашей стране связана не только с возникновением после Октябрьской социалистической революции первого в мире рабоче-крестьянского государства. Это можно подтвердить массой исторических примеров, но мы остановимся только на одном, из относительно позднего времени. Стоило только Николаю II в марте 1917 года отречься от престола (тогда ещё о захвате власти большевиками и речи не шло), как премьер-министр Великобритании Дэвид Ллойд Джордж заявил, что Россия отныне никогда не будет угрожать величию Британской империи, ибо отныне она больше не поднимется с колен.

В наши дни далеко не всем известно, что отнюдь не Советское государство было инициатором возведения так называемого «железного занавеса» между СССР и Западом — это всего лишь миф, который сочинили и взяли на вооружение те, кто раскачивал нашу страну и привёл её к распаду в начале 1990-х годов. Понятие «железный занавес» ввёл в оборот премьер-министр Франции Жорж Клемансо, который в 1919 году выступил с призывом к западным странам оградить им Советскую Россию, «чтобы коммунистическая ересь не распространилась по всем странам мира». Эти слова очень понравились руководителям других западных держав, которые не только повторяли их на все лады, но и восприняли как руководство к действию.

И это была отнюдь не кратковременная кампания. Не случайно советский писатель и журналист Лев Никулин опубликовал в 1930 году в «Литературной газете» статью под названием «Железный занавес», в

которой есть такие слова: «Когда на сцене пожар, сцену отделяют от зрительного зала железным занавесом. С точки зрения буржуазии в Советской России двенадцать лет кряду длится пожар. Из всех сил нажимая на рычаги, там стараются опустить железный занавес, чтобы огонь не перекинулся в партер... Буржуазия пытается опустить занавес между Западом и нами».

Полоса раздела, по которой проходил «железный занавес», стала и незримой линией фронта в холодной войне, развязанной вскоре после победы над фашистской Германией и её сателлитами. Бывшие союзники по антигитлеровской коалиции вновь оказались по разные стороны. Начало холодной войны берёт отсчёт от речи Уинстона Черчилля (на тот момент уже не занимавшего пост премьер-министра Великобритании) в Вестминстерском колледже в Фултоне (американский штат Миссури), произнесённой в марте 1946 года. В ней он выдвинул идею создания военного союза англосаксонских стран для борьбы с мировым коммунизмом, предварив её заверениями в том, что он якобы чтит «доблестный русский народ» и своего «товарища военного времени маршала Сталина».

«От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, через весь континент был опущен „железный занавес“, — сокрушался Черчилль, словно забыв, кто его опустил. — За этой линией располагаются все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы: Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София, все эти знаменитые города с населением вокруг них находятся в том, что я должен назвать советской сферой, и все они, в той или иной форме, объекты не только советского влияния, но и очень высокого, а в некоторых случаях и растущего контроля со стороны Москвы... Коммунистические партии, которые были очень маленькими во всех этих восточноевропейских государствах, были выращены до положения и силы, значительно превосходящих их численность, и они стараются достичь во всём тоталитарного контроля». Опасность коммунизма, продолжил Черчилль, растёт везде, «за исключением Британского содружества и Соединённых Штатов, где коммунизм ещё в младенчестве».

Здесь не мешает ознакомиться и с характером ответа Сталина, изложенного через несколько дней в газете «Правда»:

«По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок — у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединённых

Штатах Америки. Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира...

Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.). Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжёлые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надёжными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов».

Антикоммунизм — вот что составляло основное содержание холодной войны, развёрнутой Западом^[5]. Ведь давно уже всем стало ясно, что коммунистические идеи, против которых объявил крестовый поход мировой империализм, оказались не фантазиями фанатов-заговорщиков, а доказали свою жизненность и привлекательность для многих миллионов людей. В то время ещё невозможно было скрыть, что именно коммунизм в лице СССР выдержал основную тяжесть в жестокой схватке с фашизмом и нанёс ему смертельный удар. Замалчивание и фальсификация этого факта станут одним из главных направлений холодной войны.

Послевоенное возрождение России, возникновение на политической карте мира новых социалистических государств и создание социалистического содружества происходили в обстановке нового нагнетания антикоммунистической истерии. Роль вдохновителя послевоенного мракобесия в США взял на себя сенатор Джозеф Маккарти.

Его сторонники обвиняли коммунистов в причастности практически ко всем возникающим внутри страны и за рубежом проблемам. Маккартизм проник во все сферы жизни американского общества, в стране развернулась «охота на ведьм» и стало подавляться любое политическое инакомыслие. Летом 1950 года в американских СМИ был опубликован доклад «Красные каналы», требующий проведения «коммунистической фильтрации» на радио и телевидении. Доклад содержал свыше полутора сотен имён деятелей литературы и искусства, которым предлагалось покинуть работу. В сентябре 1950 года в США был принят закон Маккарена — Вуда о внутренней безопасности, а в 1954-м — закон Браунелла — Батлера. Эти документы создавали юридическую основу для контроля над деятельностью коммунистических организаций, для грубого преследования не только коммунистов, но и представителей демократических, всех левых объединений.

Холодная война усиливала накал вооружённого противостояния. В апреле 1949 года в США была основана Организация Североатлантического договора — НАТО (*North Atlantic Treaty Organization*), чтобы «защитить Европу от советского влияния». Кстати, заметим: прошло уже более двух десятилетий, как Советский Союз прекратил своё существование, а Россия перестала быть советской. Но тем не менее этот крупнейший в мире военно-политический блок, действующий под эгидой США, расширяется, усиливая своё воздействие на страны, находящиеся в непосредственной близости от границ нынешней России.

Долгие годы эффективным противовесом НАТО служил Варшавский договор, оформивший в мае 1955 года создание военного союза европейских социалистических государств при ведущей роли Советского Союза.

Холодная война подстёгивала гонку вооружений и стремление двух главных противоборствующих сил к укреплению своего влияния в различных регионах мира. Карибский кризис^[6], ставший логическим результатом такой политики, едва не привёл мир к непоправимой трагедии, поставив его на грань ракетно-ядерной войны. Случилось это в октябре 1962 года — незадолго до того, как Шебаршин был направлен в Пакистан в качестве разведчика.

После Карибского кризиса хождение по канату над пропастью на некоторое время прекратилось. Однако наивно полагать, что положение дел на фронтах холодной войны улучшилось. Вот только противостояние у берегов Кубы заставило США пересмотреть методы давления на Советский

Союз: была разработана программа борьбы с СССР невоенными средствами. Американская доктрина была ясной и лаконичной — она занимала не более двух страниц машинописного текста и включала три основных пункта.

Пункт первый. Необходимо внушить советским людям, что им тесно жить в одной стране, пробудить у них стремление к обособленности, заставить разбежаться по национальным квартирам.

Пункт второй. Следует всеми средствами доказывать миру, что вклад русских в победу над гитлеровской Германией не был решающим, более того, их злодеяния вполне сравнимы с преступлениями фашизма.

И третий пункт. Надо разжечь в СССР национализм и религиозный экстремизм.

В полном соответствии с этими установками в Советском Союзе заработала либеральная машина, которая последовательно наращивала обороты. И сейчас её маховик продолжает крутиться — пропаганда ведётся так же беспощадно и кощунственно.

...Леонид Владимирович пишет, что основными объектами ГП на территории Пакистана были посольство США, американская военная миссия, информационная служба (ЮСИС) и конечно же резидентура ЦРУ. Опутавшее своей сетью весь земной шар, ЦРУ представляло вполне реальную, опасную и коварную силу, способную в любой момент нанести противнику ответный удар.

В момент учреждения Центрального разведывательного управления (*Central Intelligence Agency*), в июле 1947 года, предполагалось, что главным направлением его деятельности будет сбор разведывательной информации. Однако уже в 1948 году в директиве 10/2 Совета национальной безопасности США были определены принципы так называемых тайных операций, ставших на долгие годы одним из главных средств американской внешней политики. В соответствии с этой директивой «тайные операции» предполагали «пропаганду, экономическую войну, превентивные прямые действия, в том числе саботаж, разрушения... подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам... поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой». Этот перечень означал, что власти США предоставили ЦРУ практически неограниченное поле подрывной деятельности.

Усиление влияния СССР в Восточной Европе и укрепление позиций коммунистических партий в ведущих западноевропейских странах

вызывали животный страх у американской элиты. Авторитетный разведчик (полковник ПГУ КГБ СССР) и специалист в области борьбы с терроризмом О. М. Нечипоренко в предисловии к российскому изданию книги Франка Даниноса «Повседневная жизнь ЦРУ. Политическая история. 1947–2007» (М.: Молодая гвардия, 2009) рассказывает о том, как министр обороны США Джеймс Форрестел не выдержал этого страха и в марте 1949 года выбросился с 16-го этажа психиатрической клиники. Перед этим он неоднократно предупреждал окружающих: «Русские идут, русские идут! Они везде. Я видел русских солдат».

В странах Восточной Европы, которые рассматривались как «плацдармы „красной угрозы“», создавались «группы сопротивления коммунизму». А необходимая подготовка польских, румынских, венгерских и чехословацких эмигрантов осуществлялась в рамках секретной операции «Красная шапка — красные носки».

ЦРУ организовало и курировало главный рупор информационной, идеологической и психологической войны — радиостанцию «Освобождение», а затем холдинг «Радио „Свободная Европа“» и «Радио „Свобода“».

«В нашей стране, — пишут в своей книге „ЦРУ и культ разведки“ В. Маркетти и Дж. Маркс (в прошлом — высокопоставленные сотрудники Центрального разведывательного управления и Госдепартамента), — существует могущественный и опасный тайный культ — культ разведки. Смысл этого культа — в достижении целей внешней политики правительства США тайными и обычно незаконными средствами»...

Мы постарались воссоздать лишь характерные штрихи портрета нашего главного противника, с которым пришлось иметь дело Шебаршину в своих первых зарубежных командировках.

То, чем занимался Леонид Владимирович в Пакистане, на языке разведчиков называется работой под дипломатическим прикрытием. Однако служба в посольстве при этом не являлась чем-то уж совсем формальным. За несколько лет оперативной деятельности Шебаршин выработал для себя основные принципы поведения в коллективах сотрудников посольств и других советских учреждений за рубежом и впоследствии, находясь уже на руководящей работе в Первом главном управлении КЕБ СССР, пытался придать им форму официальных рекомендаций для разведчиков. Приведём несколько из них с комментариями самого Шебаршина.

Прежде всего, следует исполнять в полном объёме и с предельной добросовестностью все обязанности, которые возлагаются на разведчика в

посольстве. Как считал Шебаршин, в посольствах не было людей, которые бы «ломались под непосильным грузом работы». Ведь обычно если у какого-то сотрудника и растёт ворох дел, образуя завалы, то связано это только с его неорганизованностью, несобранностью, неумением отделить важное от пустяков. Разведчик должен уметь справляться с любыми обязанностями, нести двойную нагрузку.

Важно, чтобы человек, находящийся под прикрытием, с неизменным уважением относился к «чистым» сотрудникам (не связанным с разведкой), не жалел времени и сил для того, чтобы помогать им. Это всегда приятно окружающим и окупается сторицей.

Никоим образом нельзя вмешиваться в дела посольства и пытаться наводить в них свой порядок — разведчик находится за рубежом не для этого. Посол должен быть уверен, что резидентура помогает ему или, по меньшей мере, не мешает его работе.

Наконец, ни при каких обстоятельствах — ни в служебной обстановке, ни в дружеской компании офицер разведки не должен даже намекать на свой особый статус. Такой искус чаще всего испытывают люди молодые и неопытные, забывая, что скромность и неприметность — важнейшие профессиональные качества, условия успеха разведчика.

Конечно же от других сотрудников посольства скрыть полностью свою принадлежность к ведомству разведки человеку бывает просто невозможно. Ведь приходится работать с ними на очень ограниченной территории, по сути дела, на «пяточке», где друг о друге знают всё или почти всё. Или делают вид, что не знают. К тому же в старом здании советского посольства в Карачи, в самых его недрах, в комнатах, расположенных под самой крышей, размещалась резидентура. Вели туда скрипучие деревянные лестницы, по которым трудно подняться наверх и остаться незамеченным или неслышанным. Обычным дипломатам делать там было нечего, следовательно, догадаться о характере занятий тех, кто бывает «на чердаке», не составляло особого труда.

Работа под прикрытием означала для Леонида Владимировича, что у него в Пакистане — два непосредственных начальника. В посольстве его определили во внутривополитическую группу, которая работала под руководством посольского советника В. Ф. Стукалина. «Виктор Фёдорович, — писал позднее Шебаршин, — новичок в мидовской системе, он взят на дипломатическую работу из партийного аппарата и распределён в Пакистан по окончании Высшей дипломатической школы. Это не первый кадровый партийный работник, с которым к тому времени мне пришлось познакомиться. Виктор Фёдорович мне сразу понравился. У него живой ум,

располагающая спокойная манера держаться, искреннее стремление разобраться в море сложных пакистанских проблем...»

Ну а поскольку Стукалин был благожелателен к подчинённым, старался во всём помогать Шебаршину, то очень скоро Леонид Владимирович сблизился с ним. Как часто бывает в таких случаях, разница в возрасте (Стукалин был на десять лет старше) не замечалась и не влияла на их дружеские отношения.

...Виктор Фёдорович спустя почти полвека после работы в Пакистане считает, что Шебаршин тогда заметно выделялся среди других сотрудников внешнеполитической группы своей эрудицией и подготовкой. Он прекрасно знал английский и урду, свободно общался на фарси и французском, был очень начитанным человеком. При этом английским языком он владел так хорошо, что составлял документы в пакистанский МИД, сам редактировал и перепечатывал их на машинке. Это обычно поручалось только специалистам очень высокого класса.

Конечно, руководителю всегда импонируют такие качества людей, работающих под его началом, как дисциплинированность, собранность, исполнительность. Но Леонид Владимирович наряду с этими свойствами обладал ещё одним неоспоримым достоинством: он был очень внимательным человеком, например, никогда не перебивал своего собеседника, всегда выслушивал его до конца. (Была у него такая манера — слушать человека, немного склонив голову набок.)

Приходилось Виктору Фёдоровичу оказывать Шебаршину и содействие в решении вопросов сугубо оперативного характера. Как-то у главы Пакистана Айюб-хана состоялось большое совещание руководителей дипломатических миссий ряда стран, на котором с нашей стороны участвовал посол А. Е. Нестеренко. После этого Шебаршин получил распоряжение достать магнитную плёнку с записью всех выступлений участников этого совещания.

В тот же день Шебаршин обратился за помощью к Стукалину — ему было нужно любой ценой проникнуть в МИД Пакистана.

Стукалин начал ломать голову, как же это лучше сделать. Следовало найти такой повод, чтобы он был и не очень серьёзным (ведь по серьёзным поводам в МИД обычно ходит посол, в крайнем случае — советник-посланник, замещающий его) и одновременно не вызывал никаких подозрений у пакистанской стороны.

В МИДе у Стукалина был хороший знакомый по имени Бхати — он заведовал отделом, ведавшим вопросами отношений с СССР, а раньше работал в Москве. В то время Бхати занимал в министерстве солидную

должность и готовился к очередному назначению на работу за границей.

Стукалин позвонил ему и попросился к нему на приём вместе с переводчиком. Как и ожидалось, Бхати отозвался приветливо, назначил день и время встречи. Посетителей — Стукалина и Шебаршина — он принял довольно тепло, беседа протекала неторопливо, за чаем и восточными сладостями.

После обмена взаимными любезностями Стукалин перешёл к теме, которая якобы и стала причиной его визита в МИД. По его мнению, на фоне заметного потепления отношений между СССР и Пакистаном вызывает недоумение демонстрация на экранах кинотеатров Пакистана художественного фильма «Из России с любовью», в котором чересчур много выпадов против Советского Союза. Бхати пообещал переговорить на эту тему с министром и сообщить Стукалу и ну о результатах беседы.

Добавим, что во время нахождения в здании МИДа Шебаршину удалось заполучить интересующую его плёнку...

По свидетельству Стукалина, очень хорошо относился к Шебаршину и посол — Алексей Ефимович Нестеренко. Кстати, именно он помог Шебаршину обзавестись и своим транспортом, точнее сказать — средством передвижения. По распоряжению Нестеренко представительство ССОДа (Союза советских обществ дружбы) в Пакистане передало ему во временное пользование старенький «москвич», который очень здорово помогал в работе, насыщенной всевозможными встречами за пределами посольства. Правда, теперь каждое утро Леониду Владимировичу приходилось заливать воду в прохудившийся радиатор, но жизнь его в Карачи, где температура нередко зашкаливала за пятьдесят, значительно облегчилась. «В отличие от прошлых лет, — записал он в своём дневнике, — мне уже не приходится пользоваться ни ужасным местным такси, ни ещё более ужасным моторикшей — трёхколесным мотоциклом с задним сиденьем на двоих и пластмассовой крышей над головой. После пятнадцатиминутной поездки по летнему Карачи пассажир выглядит так, будто бы его полили из шланга»...

Как о человеке необыкновенном рассказывал Леонид Владимирович о своём основном начальнике — резиденте советской разведки. На первых порах его очень удивляло, что у того на рабочем столе постоянно лежала Библия, которую, судя по всему, он хорошо знал и при случае цитировал. Резидент не брал в рот спиртного. Это тоже, как говорил Шебаршин, не укладывалось в привычные рамки, в некоторой степени даже противоречило существующим традициям. Говорил он несколько старомодным языком, очень грамотными, складными и выразительными

фразами, никогда не опускался до ругани в отличие, скажем, от некоторых руководителей и сотрудников Центра. Но главное заключалось в том, что резидент доброжелательно и терпеливо выслушивал своих работников, вникал во все детали многочисленных дел, помогал им разобраться в сложных ситуациях и учил не отчаиваться от неудач. «Будет день, будет пища» — это была одна из его любимых поговорок. Казалось бы, простые, даже заезженные слова. Но произнесённые спокойным и уверенным тоном, они всегда успокаивали и подбадривали людей.

К сожалению, в начале 1966 года резидент был заменён. Его сменщик считался ветераном разведки и когда-то, как говорили, неплохо работал. Но, вспоминая Шебаршин, в это трудно было поверить. Нельзя сказать, что у него не было положительных качеств — он заботился о своих подчинённых и всячески опекал их. Однако, по словам Шебаршина, «получить что-либо полезное от этого руководителя мало-мальски опытный работник не мог. Сосредоточиться на мысли, оценить информацию, грамотно сформулировать задание тот был не в состоянии... Резидент питал неодолимую тягу к спиртному, пил в любое время суток, быстро хмелел и во хмелю нёс околесицу, густо пересыпанную матом. Не уверен, что... он прочитал хотя бы одну книгу.

Оказавшись под началом такого руководителя, резидентура стала утрачивать наступательность, способность к вдумчивой, аналитической работе, естественная убыль источников не восполнялась, работники сторонились своего вечно подвыпившего босса».

Дело кончилось тем, что долго терпевший пьянство резидента посол М. В. Дегтярь не выдержал и сообщил о его недуге в Москву. Тот был отозван. Но, по мнению Шебаршина, всё же успел нанести урон делу. На какое-то время наша резидентура ослабила концентрацию усилий, сосредоточенных на ГП — главном противнике.

Леонид Владимирович отмечал, что сотрудники ЦРУ в общем-то всегда действовали более открыто, напористо, а порой и просто нагло. Если со стороны наших сотрудников то же вербовочное предложение готовилось, как правило, долго и тщательно, по крупицам, то американская разведка в основном действовала проще и довольно стандартно. Её агенты выбирали любого советского дипломата, подозреваемого в разведывательной деятельности, или установленного разведчика, выходили на него, в чёрных красках представляли экономическую и политическую ситуацию на его родине и предлагали деньги за сотрудничество. При этом последствия могли быть совершенно непредсказуемыми. «Был случай, — пишет Шебаршин, — когда в ответ на предложение о сотрудничестве,

сделанное во время дружеской беседы в баре, наш товарищ вместе с остатками пива послал в физиономию коллеге и пивную кружку. Подобные инциденты получали широкую огласку в обеих службах и подсказывали необходимость соблюдать определённый декорум даже в столь острых ситуациях».

Поскольку в поисках информации прямые контакты с американскими разведчиками были малоперспективными (столь же малую надежду на удачу сулили и связи с американскими дипломатами и военными), приходилось искать обходные пути к интересующим нашу сторону объектам ГП. Нужных людей находили в неофициальной американской колонии, среди бизнесменов, иностранных граждан третьих стран, а также местных жителей — посредников в различных спекулятивных махинациях и участников контрабандистских сделок, которых американские служащие различных представительств не слишком стеснялись.

Важным каналом получения нужных сведений считалась агентура из числа прислуги, обслуживающего персонала. Особо ценились связи с местными и иностранными журналистами, к которым разведчики (естественно, не только наши) тянулись «как к живому источнику информации».

В своих воспоминаниях Шебаршин приводит типичный пример оперативной работы, когда резидент поручил ему «принять на связь» одного местного жителя:

«Поздний вечер. Почти ночь. Из тех душных, непроглядных южных ночей, когда кажется, что вязнешь, тонешь в этой чёрной душистой массе, которую хочется мять, рвать на части, резать ножом — такая она плотная, густая, эта тьма. Я еду на дальнюю городскую окраину на встречу с Ахмедом.

...Ахмед занимает маленькую техническую должность в одном из здешних департаментов. Нам он интересен тем, что имеет доступ к документам, проливающим свет на истинные отношения Пакистана и США в военной области. Работа с Ахмедом ведётся по всем правилам строжайшей конспирации. Личные беседы крайне редки. Главный способ контакта с источником — МП. МП — моментальная передача. Суть этого способа связи состоит в том, что разведчик вступает с партнёром в мимолётное соприкосновение, достаточное, однако, чтобы обменяться пакетами или какими-то другими предметами. В пакетах документы, деньги, изредка краткие инструкции, исполненные непременно в тайнописи...

Мелькает освещённое фарами дорожное полотно. Больше ни огонька

вокруг, как ни всматривайся, ни напрягай глаза. Выехал я заблаговременно, маршрут отработан заранее, машина идёт хорошо. Как будто всё чисто и можно выходить к месту контакта. На душе спокойно. Относительное, конечно, спокойствие. То спокойствие, которое посещает разведчика, когда всё идёт по плану, всё продумано, верно организовано. Смотрю на часы. Светящиеся цифры показывают, что до назначенного времени осталось несколько минут. Вот они-то мне и нужны, чтобы проверить обстановку на месте, выражаясь профессиональным языком, а если попросту, то чтобы окончательно убедиться: всё в порядке. Проезжаю мимо назначенного места два километра, разворачиваюсь. Дорога узкая. Колёса попадают в песок и начинают буксовать. Машина вздрагивает и остаётся на месте, а мой друг уже приближается по узкой тропинке туда, где мы должны встретиться. Что делать? Выскакиваю из машины и бегу что есть духу в полной темноте.

Ноги сами угадывают дорогу. Пот заливает глаза. Душно, очень душно... Конечно, я опаздываю, но — какое счастье! — Ахмед ещё здесь. Мы обмениваемся материалами. Ахмед не спеша уходит по той же узкой тропинке, я по шоссе возвращаюсь к машине. Машина легко, с первой попытки выбирается из песка.

Ночь уже не кажется такой чёрной, а духота такой тягучей. Откуда-то появился чуть слышный ветерок, и запахи, любимые пряные запахи Азии напоминают о том, что жизнь не так уж и плоха...»

Конечно, приходилось иметь дело не только с резидентурой ЦРУ. Не упускала из виду наши разведывательные службы и пакистанская контрразведка. Как вспоминал Шебаршин, нельзя было допустить, чтобы контрразведка вышла на твою связь, а тем более на действующий источник. Это означало, что нельзя пользоваться телефонами, установленными у советских граждан. Нельзя попадаться вместе с интересующим тебя лицом на глаза посторонним. Нельзя встречаться с ним у себя на квартире. Нельзя выходить на встречу без проверки: нет ли наружного наблюдения? Остаются тёмное время суток, отдалённые малолюдные места, выезды за город.

Наша резидентура в Карачи установила, что все до единого посольские телефоны, и вообще все телефоны советских граждан, круглосуточно контролируются пакистанцами, действующими в теснейшем контакте с резидентурой ЦРУ. К счастью, замечает Шебаршин, демократизация и гласность в ту пору ещё не коснулись советских учреждений за рубежом, порядки в том, что касалось бдительности в отношении происков противника, были жёсткими, и к телефону все советские граждане

относились настороженно. Получить существенную информацию по этому каналу было трудно, хотя в совокупности даже крупницы сведений о контактах советских дипломатов, взаимоотношениях в посольстве могли представлять интерес для любой разведки.

Мог принести беду и любой «жучок», особенно если он оказывался в служебном кабинете и прилипал к какому-нибудь креслу или столу. Приходилось бороться с привычкой людей диктовать конфиденциальные и секретные материалы, проводить регулярные совещания, на которых откровенно излагаются все точки зрения. Если эти люди к тому же не слишком заботятся о безопасности своих помещений, то задачи разведки и контрразведки (не нашей, естественно, — чужой) заметно упрощаются. Однажды установленное устройство может работать очень долго.

Небольшой, но неприятный конфликт на этой почве возник между нашей резидентурой и послом. Вот как описывает его Леонид Владимирович:

«Здание посольства ветшает, не держится краска на стенах, отваливаются куски лепнины с потолков. Не в лучшем состоянии и главный кабинет посольства, и у кого-то появляется мысль обшить его стены деревянными панелями. В дело вмешивается резидентура, которая даёт заключение о недопустимости реконструкции кабинета с точки зрения безопасности. Возникший спор кончается телеграммой МИДа, запрещающей послу намеченные работы. Не знаю, кто был прав в этом споре. Несомненно, у резидентуры должны были быть веские резоны для возражений. Мы знали, что наши американские оппоненты, работавшие в теснейшем контакте с местными спецорганами, искали малейшие возможности, чтобы внедрить устройства для негласного подслушивания в жилые и особенно в служебные помещения советских учреждений. Любые ремонтные работы в советском посольстве такую возможность давали.

Мне показалось тогда, что резидентура высказала свои возражения недостаточно тактично, не попыталась найти какой-то вариант, который позволил бы удовлетворить желание посла и соблюсти все требования безопасности. Посол обиделся, стены его кабинета оказались окрашенными масляной краской безобразнейшего коричневого цвета. Служба своими руками оттолкнула от себя порядочного и доброжелательного человека»...

И всё же, несмотря на пристальное внимание пакистанской контрразведки к деятельности советских учреждений и граждан СССР, главным противником Пакистана (с самого момента его образования в 1947 году) и, соответственно, объектом приложения основных сил его спецслужб была Индия.

Семена взаимного недоверия двух стран и враждебности между ними были посеяны в 1947 году, когда Индия, освободившаяся из-под британского колониального владычества, оказалась разделённой. И семена эти сразу же дали печальные всходы — вскоре началась Первая индо-пакистанская война. Сказался скорый уход из Индии британской колониальной администрации, который произошёл под напором ширившегося национально-освободительного движения. Причиной раздора был, собственно, не сам уход англичан, а то колониальное наследие, которое оставила стране Британия, действовавшая долгие годы по принципу «разделяй и властвуй». В результате крайне остро встал вопрос о будущем сосуществовании приверженцев двух основных религий Индии — индуизма и ислама.

Сыграло свою роковую роль то, что положенный в основу колониального управления страной признак вероисповедания был одним из главных инструментов сохранения британского господства. Так, в 1930–1940-х годах выборы в законодательные органы Индии проходили по куриям, образованным по конфессиональному принципу. Такой подход только подогревал исторические противоречия, существовавшие между мусульманами и индусами со средневековых времён. Действуя по отработанному и удобному для себя сценарию, британское правительство положило религиозный принцип в основу раздела Индии в 1947 году. Вместо единого государства был создан доминион Пакистан, к которому отошли территории, населённые преимущественно мусульманами, и Индийский Союз (собственно Индия), где большинство населения составляли индуисты. При этом территория Индии клином разрезала Пакистан на две части — Западный Пакистан (современный Пакистан) и Восточный Пакистан (ныне — Бангладеш).

Раздел сопровождался массовыми кровопролитиями, вызванными переселением индусов и сикхов в Индию, а мусульман — в Пакистан. По разным оценкам, погибло от полумиллиона до миллиона человек. Главный спор возник из-за принадлежности княжества Кашмир. В октябре 1947 года с пакистанской территории в Кашмир, населённый преимущественно мусульманами, вторглись пуштунские племена, чтобы помешать переходу княжества под суверенитет Индии. Разгорелся вооружённый конфликт,

переросший в Первую индо-пакистанскую войну. В результате вмешательства ООН летом 1949 года Индия и Пакистан подписали соглашение о линии прекращения огня. Большая часть Кашмира перешла под контроль Индии (индийский штат Джамму и Кашмир), а меньшая (около 40 процентов) оказалась под контролем Пакистана (Азад Кашмир).

Пожар войны был потушен, но угли его продолжали тлеть, чтобы с новой силой вспыхнуть через несколько лет. Не случайно Шебаршин писал, что «фурия войны и насилия» никогда не покидала края, где довелось ему провести долгие и, пожалуй, лучшие годы своей жизни. Вторая индо-пакистанская война, которая разразилась в 1965 году, по воспоминаниям Леонида Владимировича, «не нарушила мирного течения жизни в Карачи^[7], хотя и взбудоражила общественное мнение. В городе изловили немалое число индийских „шпионов“, которые оказывались впоследствии честными обывателями, случайно навлёкшими на себя подозрение. Приходилось видеть, как базарная толпа вдруг бросалась в ту сторону, откуда раздавался крик: „Джасус!“ — и через несколько секунд торжествующие патриоты волокли в полицию очередного шпиона-джасуса. На улицы были выпущены стайки школьников, которые останавливали машины и замазывали чёрной краской фары. На несколько дней в городе было введено затемнение, и раза два объявлялась воздушная тревога. Индийские самолёты в небе не появлялись, но зенитные орудия открывали стрельбу, видимо, для поддержания боевого духа населения».

Это было первое после 1945 года соприкосновение Шебаршина хотя и с чужой, но войной — гибли люди. «Мы искренне переживали всё это, гонялись за крупными информациями, волнуясь, предсказывали развитие событий, горячо спорили, писали многословные депеши и отвечали на экстренные запросы».

Отметим, что, по мнению историков, тот вооружённый конфликт между Индией и Пакистаном был одним из немногих (в большой череде столкновений послевоенной эпохи), не имевших отношения к холодной войне. И СССР, и США сохраняли в ходе боевых действий нейтральную позицию.

Вторая индо-пакистанская война завершилась без убедительной победы какой-либо из сторон, хотя и в Индии, и в Пакистане было объявлено об успешном её исходе...

В конце 1965 года советское посольство готовилось к постепенному переезду на север, во временную столицу Пакистана Равалпинди, рядом с которой уже начал возводиться Исламабад^[8]. От Равалпинди до

строящегося Исламабада было совсем недалеко — километров двадцать пять, не более.

Шебаршины стали первой советской семьёй, переехавшей в Равалпинди. Поселились они в районе Айюб-парка, в арендованном доме, стоявшем последним в ряду городских особняков и строений. Дальше шла заросшая полынью равнина, изрезанная оврагами. К равнине подступали горы, уступами поднимавшиеся ввысь. По ночам едва ли не к самому порогу подходили голодные шакалы и начинали громко и очень тоскливо выть. Они даже не выли, а рыдали и смеялись жуткими, непривычными русскому слуху голосами.

В углу примыкавшего к дому довольно просторного участка располагалось жилище, в котором обитал с бездетной женой сторож Калахан. Свои обязанности он считал исчерпанными с заходом солнца, и вместо того чтобы сторожить имущество, этот добрейший человек засыпал сном праведника. Зимой Калахан приносил смолистые, мелко наколотые дрова и затапливал печку. Шебаршин до того и не ведал, что в Пакистане могут быть морозы. Когда температура в Равалпинди падала ниже нуля, город замирал и, казалось, съёживался от холода. Над улицами нависал дым — жители усиленно топили печи: большинство — кизяком, те, что побогаче, — деревянными поленьями.

Запахи Востока. Они всегда волновали Шебаршина, будили его воспоминания. «Вечерний, прохладный, отдающий дымком воздух — это зима в Лахоре и Равалпинди, — находим мы в его записных книжках. — Парфюмерный аромат вьющихся по стенам мелких белых цветов — дипломатические виллы в Карачи; розы — Айюб-парк в Равалпинди; смолистые орешки чильгоза на железных противнях, под которыми медленно тлеет древесный уголь, — Элфинстон-стрит в Карачи; цветущие олеандры — сад у реки Раваль и посольский парк в Тегеране, свежий запах камыша, тины, костра — озерцо Джхабджхар под Дели; чадающее конопляное масло, перец, корица — любой уголок любого азиатского городка, где активно готовится еда...»

К моменту переезда семьи Шебаршина в Равалпинди советское посольство должно было временно разместиться в противоположном от Айюб-парка конце города. Леониду Владимировичу было поручено представлять советское посольство в Равалпинди — до тех пор, пока помещение для него не будет оборудовано и обустроено. Этот период, который длился более шести месяцев, стал временем полной самостоятельности нашего героя. Ни до него, ни после не работалось Шебаршину с таким вдохновением!

В январе 1966 года весь мир следил за тем, как при посредничестве А. Н. Косыгина в Ташкенте шли переговоры между президентом Пакистана Айюб-ханом и премьер-министром Индии Л. Б. Шастри.

После радостного известия о подписании Ташкентской декларации пришло печальное сообщение о смерти индийского руководителя, который скоропостижно скончался в Ташкенте на следующий день после заключения соглашения — 11 января. Шебаршину, как единственному советскому представителю в новой столице, предписывалось немедленно связаться с МИДом Пакистана и запросить разрешение на пролёт советского самолёта, следующего из Ташкента в Дели с телом покойного премьера. Как в таких случаях водится, в западных СМИ прошёл слух об отравлении, но экспертиза установила, что Лал Бахадур Шастри скончался от инфаркта. Вот таким неожиданным образом завершалась Вторая индо-пакистанская война...

...В Равалпинди в период подготовки к эксплуатации здания посольства часто наезжал В. Ф. Стукалин. Совсем недалеко от Равалпинди возвышались величественные горы с вершинами, покрытыми льдами и вечными снегами. В предгорьях Гималаев находилось прелестное местечко Марри, где в летнее время предпочитали жить богатые люди, — здесь царила прохлада даже в самые жаркие дни.

В Марри снимало небольшой коттедж советское посольство, и сюда часто приезжали отдохнуть другие дипломатические работники, в том числе и Стукалин с Шебаршиным. Здесь можно было отдышаться, прийти в себя после дневного зноя и тяжёлого рабочего дня. Воздух в этих местах был удивительно прозрачный, и горы, которые располагались отсюда за десятки километров, были видны как на ладони.

В Марри в ту пору жил и Зульфикар Али Бхутто. Он к тому времени уже находился в оппозиции, неожиданно утратив доверие Айюб-хана. Несмотря на это, он сохранял внушительный вес в пакистанском обществе. Однако в тот период пакистанские чиновники общения с ним избегали, чего не скажешь о советских дипломатах. Бхутто обладал огромной информацией и был отличным собеседником. Дом Бхутто находился немного ниже дачи советского посольства, по склону надо было пройти метров семьдесят. Виктор Фёдорович и Леонид Владимирович не раз проделывали этот путь, зная, что Зульфикар Али охотно встречается с теми, кто приезжает на нашу дачу. В гостях подолгу беседовали, пили удивительно душистый чай, выращенный в горах. Замечательные были вечера...

В конце 1966 года, вспоминал Леонид Владимирович, произошло

событие, нарушившее привычное течение жизни. На него вышел ответственный сотрудник местной контрразведки и представил весьма убедительные доказательства того, что ему известно о действительной служебной принадлежности Шебаршина. Казалось, что в такой ситуации неизбежно последует предложение о сотрудничестве. Но его не было. Сотрудник пакистанской спецслужбы мотивировал свои действия следующим образом. Он сказал, что о служебной работе Шебаршина известно от американских представителей в Пакистане. Деятельность американцев, их вмешательство во внутренние дела страны беспокоят государственное руководство. Поэтому ему поручено через Шебаршина выяснить, готова ли советская разведка пойти на установление негласного контакта с пакистанскими спецслужбами с целью обмена информацией по американцам.

Все сотрудники советской разведки должны быть всегда готовыми к возможным провокациям. Как пишет Шебаршин, «именно так, рефлекторно, воспринималось любое неожиданное действие любого иностранца. Подобная автоматическая реакция действительно во многих случаях предупреждала серьёзные неприятности, но зачастую не позволяла использовать представившуюся интересную возможность. Я был типичным рядовым сотрудником, поэтому, вновь отвергнув утверждение о своей принадлежности к КГБ, сказал, что знаю человека в посольстве, которому это предложение может показаться интересным».

О состоявшейся беседе Шебаршин подробнейшим образом доложил в Центр. Там тоже поступившее ему предложение показалось заманчивым, но боязнь попасть в ловушку мешала действовать решительно. Ведь в Центре работали люди, мыслявшие теми же штампами, что и разведчик. В многостраничной ответной телеграмме педантично разбиралась вся ситуация, выстраивались версии, высказывались предположения о возможности провокации. Указания Шебаршину о линии поведения выглядели расплывчатыми, но разрешение на продолжение встреч было дано. Одновременно ему предписывалось прекратить оперативную деятельность и бдительно контролировать обстановку вокруг себя.

Последнее решение было полностью оправданным. Если есть конкретные признаки, что контрразведка вплотную заинтересовалась разведчиком, он не имеет права рисковать безопасностью источников, обострять ситуацию. Что же касается сути дела и позиции Центра, то в ней не было ничего неожиданного — инструкции составлялись так, чтобы в случае неудачи вина ни в коем случае не пала на их авторов.

Шебаршин подчёркивал, что в дальнейшем он, находясь уже на

руководящей работе в ПГУ, решительно воевал с такой манерой. Люди, работающие *в поле*, должны твёрдо знать, что Центр полностью их поддерживает и готов нести ответственность при любом повороте событий. Доверие — это единственная основа, на которой может действовать разведывательная служба. Подчинённый обязан доверять своему начальнику, а для этого начальник должен быть компетентен, доброжелателен и не бояться ответственности за свои решения.

Леонид Владимирович не исключал, что случившаяся с ним история отражала искреннее стремление пакистанских спецслужб наладить контакты с советской разведкой. Ведь значительная часть руководства страны в то время стала заметно тяготиться характером отношений, сложившихся с США. Айюб-хан искал пути к проведению более независимой политики и имел основания полагать, что американцы поддерживают его противников. Негласная помощь советской стороны в этой обстановке могла бы быть полезной. Прощупывая почву, Шебаршин провёл ещё несколько встреч с сотрудником пакистанских спецслужб, но дальше дело не пошло. Тот дал знать, что дальнейшие встречи невозможны. Причин он не разъяснял.

Тем не менее основная работа Шебаршина прервалась, а его источники пришлось законсервировать. Неопределённость положения тяготила и беспокоила — Шебаршин был готов к тому, что либо Центр, либо пакистанские власти потребуют его выезда из страны. Однако ничего серьёзного и подозрительного не происходило, и через несколько месяцев работа возобновилась.

«Соприкосновение с контрразведкой, — пишет Шебаршин, — заставило заново взглянуть на самого себя. Видимо, в чём-то я стал проявлять беспечность, слишком полагаться на свою удачу, пренебрегать жёсткими требованиями конспирации. Размышления по этому поводу привели к другой опасности — я стал робеть. При выходах на встречи с источниками, а они проводились, как правило, поздно вечером или на рассвете, я стал замечать слишком много подозрительного. Остаётся одна-две минуты до контакта, и вдруг слишком медленно проехала какая-то машина или показался прохожий там, где, кажется, некуда идти пешком. Решение целиком принадлежит тебе. Ты можешь отказаться от операции, и это будет совершенно правильно. Но если ты начинаешь страдать мнительностью, пугаться каждого куста и поддаёшься своей слабости, ты пропал, тебе надо менять

профессию.

Профессия мне нравилась, менять её ни в коем случае не хотелось, и приходилось ломать себя».

Четыре года службы в Пакистане не прошли даром. Не каждый начинающий разведчик мог похвастаться такими результатами: три вербовки, восстановлена связь с ценным агентом, поддерживались контакты ещё с тремя агентами. И всё же один из завербованных оказался двойником.

«С его помощью, — вспоминал Шебаршин, — я проникал в американское посольство, а пакистанская контрразведка с его же помощью контролировала все мои хитроумные ходы. На последней встрече (поздно вечером, в машине, меж пологими исламабадскими холмами) „Хасан“ — таков был псевдоним агента — плакал настоящими слезами, клялся, что никогда не забудет русского друга и готов продолжать работу. Мой голос тоже, кажется, срывался от волнения. В темноте я трогал лежавшую под сиденьем тяжёлую монтировку и думал: как хорошо бы обрушить её на голову моего плачущего приятеля...»

Именно в Пакистане Шебаршин стал впервые получать чужие совершенно секретные документы, делая снимки или обычной «Экзактой», или специальными, приспособленными для особых условий «Алычой» и «Гранитником». Плёнки закладывались в тайничок, оборудованный в старой кирпичной кладке, и забирались оттуда курьером. В этот период Шебаршин не имел почтовой и телеграфной связи с резидентурой в Карачи.

А главное, как считал Леонид Владимирович, — именно в Пакистане после удач, чередующихся с печальными срывами, в нём окрепла уверенность, что он может быть разведчиком, что эта профессия ему по душе и по плечу...

В июне 1968 года Шебаршин вернулся в Москву, а незадолго перед этим стал свидетелем такого важного события, как визит в Пакистан председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина. Переводчиком при Алексее Николаевиче был В. М. Суходрев — человек известный: ему довелось работать со всеми советскими руководителями послевоенной эпохи. А Шебаршин тогда выполнял роль дублёра — переводчика от посольства.

Косыгин прилетел больным — где-то простудился, и, когда пришёл черёд посещения крупной текстильной фабрики, у него поднялась температура. Помощник премьера обратился за помощью к Стукалину:

— Виктор Фёдорович, отговорите Алексея Николаевича от поездки. В таком состоянии надо лежать в постели.

Стукалин попытался было это сделать, но Косыгин был твёрд:

— Надо ехать.

И действительно, на фабрике для такого крупного специалиста в текстильной отрасли, каким был Косыгин, было много интересного. Как правило, всё связанное с переработкой хлопка и производством хлопковых изделий на ведущих предприятиях Пакистана находилось на высоте. К тому же рабочие фабрики устроили советскому премьеру восторженный приём.

Косыгин остался доволен и, несмотря на недомогание, стойко перенёс невероятную духоту, пыль и грохот текстильного производства. Наверное, помогло то, что он почувствовал себя на фабрике в родной стихии.

В тот же день Косыгин выступал перед большой аудиторией, собравшейся прямо на улице. На встрече с ним присутствовало примерно две тысячи человек. Чтобы защитить собравшихся от беспощадного солнца, хозяева соорудили навесной шатёр. В руках у Косыгина, когда он выступал, был крохотный листок с перечнем вопросов, которых премьер касался. При этом говорил он, как всегда, блестяще, хотя в некоторых местах речь казалась суховатой.

В первом ряду, под навесом, сидел американский консул. Он же, как хорошо было известно нашим дипломатам и работникам спецслужб, являлся и резидентом разведки США. По национальности резидент был поляком, очень неплохо знал русский язык. В руках он держал диктофон. Когда говорил Косыгин, американец включал диктофон, когда шёл перевод Суходрева — выключал: очевидно, предпочитал иметь дело только с оригиналом выступления.

Когда встреча закончилась, он подошёл к Стукалину:

— Виктор, у вас отличный премьер!

— Генри, когда вам понадобится отличный президент, скажите — мы поможем!

Американец засмеялся.

Шебаршин был очевидцем этого короткого диалога.

Перед возвращением в Москву А. Н. Косыгин выступил в Генеральном консульстве в Карачи перед советскими дипломатами и журналистами, руководящими работниками загранучреждений:

«Сделан — не преувеличиваю — новый шаг на пути развития делового сотрудничества и взаимопонимания. Пакистан повернулся к нам лицом. Военный режим и участие Пакистана в военном блоке СЕАТО не является помехой для сотрудничества с этой страной. Айюб-хан — трезвый политик и не стремится покорно следовать во всем указаниям из Вашингтона. Определённый прагматизм должны проявить и мы.

Советское руководство дорожит характером отношений, складывающихся с Исламабадом. Конечно, не по всем аспектам сотрудничества позиции обоих государств совпадают. Важно другое — налицо стремление Советского Союза и Пакистана сохранить и упрочить мир в этом районе земного шара. Мы сотрудничаем с Пакистаном, оказывая ему техническое содействие в развитии нефтяной промышленности и энергетики. Отмечаю: Пакистан — надёжный торгово-экономический партнёр, расплачивается аккуратно и в сроки.

К сожалению, не все дружественные нам государства поступают так, как сеатовский Пакистан. Наглядный пример тому — Индия, долги которой по кредитам и другим видам нашей экономической помощи растут и растут. Затягивая расплаты по долгам, Индия вместе с тем настаивает на новых советских вливаниях в свою экономику и ревниво относится к набирающему силу деловому сотрудничеству с Пакистаном...»^[9]

Эту характеристику, отражающую положение дел и особенности нашей политики в регионе, Шебаршин не раз вспоминал в последующие годы...

Ну а когда командировка Леонида Владимировича закончилась, он записал в своих блокнотах: «Я люблю Пакистан и могу со спокойной совестью сказать, что никогда не сделал ничего, что нанесло бы ущерб этой стране. В добрых же отношениях между нашими народами есть частица и моих усилий».

Наверное, в этом и заключается главная награда человеку, завершившему очередную нелёгкую вахту за рубежом.

В СТРАНЕ ЧУДЕС: МИФЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мрачная тень войны преследует Шебаршина. Она неизбежно создаёт в работе разведчика, которая и без того мирной не бывает, дополнительные трудности, усиливает напряжение и обостряет угрозы, с которыми приходится постоянно сталкиваться.

Если во время Второй индо-пакистанской войны Леонид Владимирович находился на территории Пакистана, то очередной вооружённый конфликт между двумя азиатскими странами — так называемую Третью индо-пакистанскую войну — он встретил, можно сказать, по другую сторону фронта, в Индии. В череде жестоких столкновений между Индией и Пакистаном война 1971 года оказалась самой масштабной и кровопролитной.

...Перед командировкой в Индию у Шебаршина — три года передышки в оперативной работе. Из них год он проводит на курсах усовершенствования — УСО. Курсы — важная ступенька служебной лестницы, а учёба не доставляет ему особых трудностей. «Честно говоря, — пишет Шебаршин, — мы отдыхаем, много читаем, готовимся к дальнейшим трудам».

Пока наш герой и его товарищи по службе в непринуждённой обстановке готовят себя к новому этапу нелёгкой работы, возьмём на заметку некоторые детали, связанные с биографией Леонида Владимировича этого периода.

Во-первых, отметим, что у Шебаршина появляется новое увлечение — стрельба из пистолета в тире. Невольно вспоминается известное чеховское высказывание: «Если в первом акте на стене висит ружьё, то в последнем оно обязательно выстрелит». Биография Шебаршина подталкивает к мысли, что человеческие драмы в жизни и на сцене часто развиваются по одним и тем же законам. И в реальной действительности, и в театральном действе безобидные на первый взгляд явления нередко влекут за собой роковые последствия.

Во-вторых, обратим внимание, что после окончания УСО, в период работы в Центре и подготовки к очередной командировке, произошла первая встреча Шебаршина с В. А. Крючковым. В то время у Леонида Владимировича куда-то запропастился «документ деликатного

содержания», поиски которого и привели его к начальнику секретариата КГБ, генерал-майору Крючкову — будущему начальнику ПГУ, а затем — председателю КГБ СССР. Шебаршин вспоминал: «Владимир Александрович удивил меня своей памятью. Услышав название документа, попавшего к нему несколько месяцев назад, он немедленно открыл сейф и из толстенной пачки бумаг сразу же достал именно то, что требовалось. Мне показалось, что я имею дело с человеком в каком-то отношении необыкновенным». Постараемся запомнить эти слова, так как в воспоминаниях Шебаршина позитивные высказывания в адрес В. А. Крючкова встречаются не так уж часто.

...Индия, весна 1971 года.

Первые впечатления Шебаршина можно передать двумя словами: Индия ошеломляет.

Страна многокрасочна, полна запахов — чего только нет в воздухе, какие только ароматы не витают в нём вместе с «золотой пылью веков»! «Пахнет спелыми манго и дорогими камнями, тёртым карри и перцем, цветущими садами и прохладой прудов, плещущихся за высокими заборами состоятельных людей. В прудах тех неспешно плавают, красуясь и сверкая, крупные золотые и красные рыбы, слышен дух орехов и Ганга и благовоний древних рукописей... Индия — это Индия».

После провинциального Пакистана с его беспросветной нищетой, босыми ногами, грязью на улицах, старыми автомобилями, рикшами и оборванными мальчишками, беззастенчиво залезающими в карман к прохожим, Индия показалась Шебаршину страной света и добра. Контрастность восприятия усиливал совершенно разный ритм городской жизни. К примеру, пакистанский Карачи — это спокойствие, неспешное созерцание окружающего мира, патриархальность; Дели же поражал совершенно иным, почти лихорадочным темпом. От пестроты постоянно меняющихся картин рябило в глазах...

Начало работы Шебаршина в Индии, куда он прибыл в качестве заместителя резидента, совпало с периодом расцвета советско-индийских отношений. Именно в это время Индийский национальный конгресс во главе с Индирой Ганди одержал очередную убедительную победу на выборах. Но ещё с 1967 года, став премьер-министром и заняв ряд других важных государственных постов, Ганди стала проводить политику, направленную на ослабление американского влияния в регионе, и выступать за развитие всесторонних отношений с Советским Союзом. Она последовательно проводила в жизнь принципы своего отца — выдающегося политического деятеля Джавахарлала Неру, провозгласив

неучастие Индии в военных блоках, её стремление к миру и международному сотрудничеству, развитие экономики страны на плановой основе. Так, в 1969–1970 годах в Индии, вопреки сопротивлению реакционных сил, была осуществлена приватизация четырнадцати крупнейших банков.

Всё это, безусловно, находило позитивные отклики в нашей стране, самым благоприятным образом сказывалось на позиции советского руководства. Но, как известно, работа разведки носит специфический характер, её всегда отличает прагматический подход к делу, очищенный от романтических наслоений и иллюзий. Именно так и воспринимал окружающую его действительность Леонид Владимирович. Вот что он пишет в книге «Рука Москвы»:

«В цивилизованном западном мире многими десятилетиями создавался миф о каком-то особом миролюбивом, ненасильственном характере индийского общества и его культуры. „Люди там задумчивы и нежны, а с неба льётся золотая пыль“, „жрецы в белоснежных одеждах“, ахимса, Махатма Ганди, Рамакришна, мать Тереза, задумчиво бродящие по улицам Дели и Калькутты священные коровы и дымок благовоний, курящийся на алтарях храмов, джайны в марлевых повязках, чтобы ненароком не лишить жизни комара, вдохнув его с воздухом, размышляющие о божественных тайнах бытия садху и загадочные вечные отшельники в высокогорных пещерах у истоков Ганга, древние книги на санскрите — вся эта экзотическая, кружащая голову смесь неотразимо действует на... обывателя, страдающего от скучной благоустроенности своей жизни...

Миролюбие индийского народа (без различия национальности, веры, местной традиции, касты) становится общепризнанным штампом. Штамп кочует из брошюры в брошюру, из статьи в статью, из речи в речь, пробирается в официальные документы. Хитроумные индийцы умело подпитывают это мнение.

Первое же серьёзное соприкосновение с индийской действительностью развеивает этот миф. Индийцы ничуть не миролюбивее и не воинственнее любого другого народа, их отвращение к насилию представляет собой интеллигентскую выдумку. Жизнь в Индии жестока к тем, кого она не милует и в

других странах, — к неимущим, к национальным меньшинствам, к чужакам, к слабым вообще.

Не питает отвращения к насилию индийская политика на всех уровнях и во всех проявлениях. Война для Индии такое же продолжение политики, как и для любого другого государства. Моральные устои, общечеловеческие ценности, философия ненасилия, идеи миролюбия и гуманизма и прочий пропагандистский ширпотреб никогда не фигурировали в реальных политических выкладках индийского руководства.

Трезвый расчёт, прагматизм с изрядной долей цинизма, строгий учёт государственных интересов — таков стальной стержень индийской политики, замаскированный гирляндами цветов, ворохами философских трактатов, фонтанами высокопарной риторики. Умение индийцев добиваться своих целей не может не вызывать уважения и даже зависти. За их плечами цивилизация, насчитывающая пять тысяч лет».

К сказанному следует добавить, что у Индии — глобальные внешнеполитические интересы и огромный международный авторитет. Она ощущает себя великой державой, добивается признания своей доминирующей роли на субконтиненте и в регионе Индийского океана, требует должного места в мировых делах. Однако остаётся много нерешённых проблем с Китаем, большого мужества требует проведение твёрдой линии, вокруг которой выстраиваются отношения с США, ещё более обострившиеся в результате конфликта с Пакистаном. Успешная кампания в Восточной Бенгалии, создание государства Бангладеш, внезапно превратившегося из союзника в противника, унижение исторического противника — Пакистана только усложнили характер внешнеполитических проблем страны.

Находясь в Центре, Шебаршин почти три года вникал в индийские дела. Естественно, интересовался он ими ещё в период работы в Пакистане, изучал эту страну в институте, несколько раз проездом бывал в Дели. И тем не менее очень многое оказалось для него неожиданным.

Круг людей, в котором приходилось вращаться, жил политикой, в первую очередь — внутренней. На первых порах казалось, что не хватит жизни, чтобы освоиться с многоцветной палитрой десятков крупных партий и организаций, которые делились на фракции и группы. И все они взаимодействовали, образовывали блоки, соперничали друг с другом. И у каждой партии и группы был свой взгляд на международную политику, на

отношения с Советским Союзом, США, Китаем. Сходились они, за незначительными исключениями, лишь в одном — неприязненном отношении к Пакистану.

В стране периодически вспыхивают кровавые столкновения между индусами и мусульманами, острой остаётся проблема безработицы, безудержно, на 15 миллионов в год, растёт население. Редкий день проходит без того, чтобы полиция не стреляла в бунтующих по разным поводам людей.

Личные и групповые разногласия преследуют индийское руководство, и лишь железная воля Индиры Ганди сплачивает соперничающих политиков. Как в то время остроумно заметил один публицист, среди индийских конгрессменов есть только один мужчина — Индира Ганди.

Когда 27 марта 1971 года Восточный Пакистан провозгласил образование независимого от Пакистана государства Бангладеш, Индира Ганди сразу же выступила в его поддержку: Индия была заинтересована в ослаблении Пакистана, своего давнего недруга.

Напряжение между двумя странами нарастало, а индийские войска подтягивались к границе. Несмотря на многочисленные заверения политиков о решимости предотвратить братоубийственную войну, сведения, получаемые нашей разведкой, ясно указывали на неизбежность крупномасштабного вооружённого конфликта. Предгрозовая атмосфера не давала Шебаршину времени для постепенного вхождения в дела — события развивались стремительно, а Центр требовал свежей и достоверной информации.

Леонид Владимирович хорошо помнил, как начинались боевые действия.

В начале декабря 1971 года посол Н. М. Пегов устроил приём в честь первого заместителя министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецова, который прибыл в Дели, чтобы вместе с индийской стороной изыскать возможность предотвратить надвигающуюся войну с Пакистаном.

Приём в посольстве проходил в чрезвычайно тёплой обстановке. Присутствующие на нём индийские гости мило улыбались любезным хозяевам, говорили много приятных слов и озабоченно хмурили брови, упоминая о пакистанской угрозе. С обеих сторон высказывалась надежда, что здравый смысл восторжествует и кровопролития удастся избежать.

Всё шло прекрасно, как вдруг в зале приёмов погас свет. Оказалось, что свет погас не только в посольстве, но и во всём городе. Это могло означать только одно — началась война.

Шебаршин через своего хорошо осведомлённого знакомого выяснил,

что два неизвестных, предположительно пакистанских, самолёта нанесли удар по базе индийских ВВС под Агрой, повредив взлётно-посадочную полосу. Индийские самолёты немедленно нанесли ответный удар, а сухопутные силы пошли в наступление на западной границе и одновременно начали марш на Дакку на восточном направлении.

«Было в этой истории с налётом на Агру, — считал Шебаршин, — нечто шитое белыми нитками. Какой военачальник пошлёт всего два самолёта для того, чтобы бомбить крупную авиабазу в момент наивысшей опасности для своей страны? Почему самолёты прилетели в сумерках, а не на рассвете, как это делается всегда, если нападающая сторона развязывает войну и стремится получить преимущество внезапности? Почему пакистанская сторона не предприняла вслед за налётом других действий?

Ничего загадочного не произошло. Индия изготавилась к войне, провела массированную пропагандистскую подготовку, тщательно прозондировала политическую ситуацию, сконцентрировала силы на главных направлениях. Нужен был повод, но напуганный, затравленный противник его не давал. Так и появились самолёты над Агрой...»^[10]

4 декабря Индира Ганди выступила с радиообращением к нации, в котором сообщила о начале войны. В Индии было объявлено чрезвычайное положение и началась мобилизация.

Один из знакомых Леонида Владимировича устроил ему встречу с крупным индийским военачальником. Генерал был настроен оптимистично и заявил, что война закончится 16 декабря сдачей Дакки и капитуляцией пакистанской армии. Прогноз генерала был основан на точном расчёте: именно к этой дате пакистанские части отойдут к столице Восточного Пакистана, но оказать сопротивление и защищать Дакку они не смогут, поскольку им неоткуда ждать помощи. Именно так и развивались события.

17 декабря в Дели — всенародное ликование по случаю победы. Все улицы забиты людьми и машинами. В этот день в дорожной суете Шебаршин задел крыло чужого автомобиля. Разъярённый водитель, узнав, что виновник аварии — русский, из советского посольства, расплывается в широкой улыбке и отказывается от каких-либо претензий. Говорит, что в этот великий день может только поблагодарить СССР за оказанную помощь!

...Работа в Дели выдалась напряжённой, рабочий день начинался в шесть утра и часто заканчивался за полночь. В дни войны приходилось работать с невероятной нагрузкой: Москва теребила по три-четыре раза в сутки. И тем не менее в череде неотложных дел необходимо было выделить главное, определить те проблемы, в которые предстояло вникнуть как можно глубже. Прежде всего — политика США и Китая в отношении Индии, противостояние Индии и Пакистана, советско-индийские отношения. Главные вопросы в области внутренней политики: насколько прочны позиции правящей партии Индийский национальный конгресс и Индиры Ганди, каковы ближайшие и отдалённые перспективы их деятельности.

Всё это относилось к приоритетным направлениям информационной работы советской резидентуры, которую возглавлял в то время генерал Я. П. Медяник. Шебаршин очень высоко ценил своего непосредственного начальника и считал, что тот обладал недюжинным оперативным чутьём, умел разбираться в людях, сразу же располагал к себе дружелюбием и, что важно в человеческом общении, искренним и нескрываемым интересом к собеседнику.

«Мы подружились, — вспоминал Леонид Владимирович, — хорошо работали вместе, иногда спорили. Яков Прокофьевич считал себя спорщиком и с удовольствием вспоминал, как однажды заспорил с самим Андроповым, да так горячо, что председатель даже упрекнул его за это. Я тоже частенько и помимо своей воли ввязывался в споры. У нас всё кончалось мирно, а ход событий, случалось, доказывал мою неправоту.

Примерно раз в месяц Медяник и я направлялись в какой-либо из близлежащих ресторанов, обычно в барбекю, расположенный во дворе отеля „Ашока“. Жареное мясо, лепёшки, салат — и наслаждайся жизнью. Было в этих вылазках некоторое нарушение оперативных порядков. Сотрудникам резидентуры настоятельно рекомендовалось не демонстрировать внешнему миру своё близкое знакомство. Один из демаскирующих моментов — принадлежность к компании установленных разведчиков. Этот признак фигурирует во всех известных мне наставлениях иностранных контрразведок».

Любопытными воспоминаниями о Медянике поделился один из наших знаменитых разведчиков Виктор Иванович Черкашин^[11], который приехал

в Индию в 1972 году. Человеком он был опытным и знающим — до этого ему пришлось поработать несколько лет в Австралии, затем в Ливане, потом в Центре — в Москве, где он был начальником направления.

Черкашин подчёркивал такое качество в Медянике, как его исключительная скромность и неприхотливость. В частности, коллеги по посольству давно намекали ему, что пора бы сменить мебель — и в квартире, где он проживал, и на работе: негоже-де дипломату находиться в окружении уж слишком ветхих вещей. Но Яков Прокофьевич молча сопротивлялся, хотя однажды в его кабинете развалился стул. Но тогда дело закончилось мелким ремонтом, а полная замена мебели произошла лишь накануне визита в Индию Л. И. Брежнева, состоявшегося в конце 1973 года. Предлог был серьёзный — ведь генеральный секретарь мог зайти к Медянику. Визит, как говорится в таких случаях, прошёл на высоком уровне. После него недовольно ворчал лишь Яков Прокофьевич — Леонид Ильич в его кабинет так и не заглянул.

Кстати, Черкашин отвечал за безопасность визита, организация которой была признана безупречной. По его воспоминаниям, работали в те дни практически круглосуточно — ведь в период таких мероприятий деятельность резидентуры достигает своего крайнего напряжения. Впрочем, добавил он, и в более «спокойные» времена наша резидентура в Индии совсем не знала выходных.

Следует заметить, что в Индии Шебаршин и Черкашин довольно близко сошлись и подружились. Они нередко встречались семьями, вместе отмечали праздники. Иногда вместе с сыновьями выбирались на охоту — на зайцев и на гусей. По ночам, перед рассветом, когда земля ещё скрывалась в темноте, окружающее охотников пространство казалось огромным и бесконечным, а небо над головой было усыпано крупными яркими звёздами.

Как ни жалко было Виктору Ивановичу прощаться с Индией, но пришлось — Черкашина вызвали в Центр, оттуда он через некоторое время уехал в Вашингтон, заместителем резидента.

Страсть к охоте сблизила Шебаршина с А. А. Масленниковым — корреспондентом «Правды» в Индии. Но отдыхать выезжали они не только с ружьями. Знали они одно заповедное место, которое называлось «Сурадх Кунд», что в переводе на русский означает «Пруд солнца». От шоссе на дороге вела туда едва приметная тропинка, петляющая вокруг непроходимых зарослей. Обычно машину оставляли в тени какого-нибудь большого дерева, а сами углублялись в густые джунгли, среди которых и находилась древняя гигантская постройка. Походила она на древнеримские

каменные театры, в которых зрительские ярусы опоясывали расположенную внизу сцену, и в целом сохранилась очень неплохо. Нижняя часть здания была облицована мастерски отёсанным тёмным гранитом, уходившим под воду большого пруда, затопившего подножие строения. Царила здесь атмосфера вечного спокойствия, передававшаяся душе и телу. Посидишь в «Сурадх Кунде» полчаса, полюбишься старыми развалинами на фоне буйной зелени, ярких цветов лотоса на водной глади и голубого, прозрачного неба — глядишь, и настроение совсем другое.

Дом Шебаршиных, как отмечает А. А. Масленников, отличался гостеприимством, и посольские работники часто собирались в нём на вечерний чай. Дочь Шебаршиных Танюша была очень живой и подвижной девочкой, постоянно пыталась втянуть взрослых в свои шумные игры, но в девять часов вечера её отправляли спать. Иногда, часов в десять, хозяин поднимался из-за стола и объявлял собравшимся, что он отправляется спать, так как завтра рано вставать. Извинившись, он уходил в спальню. К этому уже привыкли, и застолье обычно продолжалось, тем более что в распоряжении гостей всегда был бар, к которому имелся открытый доступ. Мало кто знал, что Леонид Владимирович покидал дом через другую дверь и уезжал на встречу со своими тайными агентами...

...Во всём многообразии проблем, с которыми пришлось столкнуться в Индии, выделялось основное направление работы разведки. Оно оставалось прежним — всё внимание, все усилия были сосредоточены на главном противнике. Тема ГП — Соединённых Штатов — в воспоминаниях Шебаршина постоянно находится на первом плане. Вот несколько выдержек из них:

«Мы постоянно ощущаем американское влияние на индийскую политику, знаем круг людей, на которых опирается посольство США, — проамериканское лобби, выявляем сотрудников ЦРУ в посольстве и за его пределами, а также кое-кого из американской агентуры в классическом смысле этого слова.

Деятельность американцев беспокоит и индийское правительство. В сентябре 1972 года президент правящей партии Ш. Д. Шарма публично обвинил ЦРУ в организации беспорядков в Индии, подрыве отношений Индии с Бангладеш, Непалом и другими соседними странами. Развёртывается яростная пропагандистская кампания. Её подпитка, несомненно, политическая, антиамериканские настроения в Индии

традиционно сильны, и позиция США в период недавно закончившегося конфликта с Пакистаном их основательно подогрела. Сотрудники ЦРУ и пропагандистских американских ведомств дали повод для этой официальной вспышки антиамериканизма. Не удаётся остаться в стороне и нам. В парламенте раздаются требования провести расследование деятельности ЦРУ в Индии. Наши политические недоброжелатели и оппоненты конгрессменов требуют одновременно расследовать и деятельность КГБ...

Рука ЦРУ ощущалась и в публикациях некоторых индийских газет. Мы, разумеется, платили той же монетой... Наша служба отслеживала американских разведчиков, выявляла их агентуру и контакты, анализировала состояние их отношений с сослуживцами и „чистыми“ дипломатами, интересовалась их привычками, финансовыми делами. Задача нелёгкая, но выполнимая. Накопив достаточный объём данных, мы анализировали их и определяли, есть ли основания предложить американцу сотрудничество с советской разведкой. Был и другой вариант — компрометация активного разведчика, по возможности, с последующей пропагандистской шумихой. Первый вариант был несравнимо выгоднее. Цель второго скромнее — нанесение политического урона противнику и временная дезорганизация работы его резидентуры. Кроме того, в случае скандала с американским разведчиком местным спецслужбам волей-неволей приходится усиливать работу по резидентуре ЦРУ, у посла США появляются основания быть недовольным своим резидентом. Испорченные отношения с послами парализовали не одну резидентуру и ЦРУ, и КГБ. Это правило».

Шебаршин описывает, как незадолго до его приезда в Дели было проведено не слишком удачное мероприятие в отношении одного молодого американского разведчика, который помимо прочих занятий специфического свойства вёл разработку советского гражданина. Для беседы с этим сотрудником ЦРУ из Москвы прибыл тоже молодой, но уже высокопоставленный работник Центра, прекрасно владеющий английским, уверенный в себе, имеющий репутацию специалиста по американцам. Беседа продолжалась долго и давала основания рассчитывать на успех. Утром следующего дня, однако, посол США явился с гневным протестом к

послу СССР. Попытка сорвалась. Американский разведчик ещё долго работал в Азии и Африке, но контактов с советскими людьми избегал.

Вывод: не каждый день приносил удачу нашей разведке, нужны были терпение и труд.

Конечно, ЦРУ вело работу по советским специалистам в Индии не менее настойчиво. Костяк американской резидентуры в Дели составляли эксперты по Советскому Союзу. И эксперты не политические, а оперативные, специалисты по разработке советских учреждений. Их попытки выходить на советских граждан иногда пресекались сразу, в некоторых же случаях установленные контакты развивались под контролем нашей резидентуры.

Но порой американцам удавалось добиваться успеха. Так, в советском посольстве работал американский агент — военный атташе генерал Д. Ф. Поляков. В отношении этого человека в Центре были определённые подозрения, но, как нередко случалось, потребовались годы, чтобы они подтвердились. Поляков работал активно, передавал американцам и ту информацию, которой с ним делился резидент КГБ, — ведь отношения с военными разведчиками у сотрудников ПГУ всегда были отличные, хотя, как отмечает Шебаршин, существовал чёткий предел тому, чем можно было с ними делиться и чем нельзя.

Внешне Поляков демонстрировал своё полное расположение к чекистам, но было известно, что он не упускал возможности настроить своих сотрудников против КГБ и исподтишка преследовал тех, кто дружил с коллегами Шебаршина.

Но ни один шпион не может избежать просчётов. Поляков был разоблачён, когда работал в нашем посольстве в США. Говорят, денег он не брал — принимал только подарки. В деле его фигурировал серебряный сервиз, который он получил в подарок от самого шефа ЦРУ — за «прилежность и добросовестную работу»...

Одно время среди сотрудников ПГУ существовало мнение, что контрразведывательный режим в Индии слаб. Как считал Шебаршин, это вело к проявлению легковесности в подходах к вопросам конспиративности, проработки технических аспектов деликатных операций. Но со временем выяснилось, что индийские коллеги (они же и оппоненты) заслуживают самого глубокого уважения, а жизнь заставила службу заплатить за имевшиеся заблуждения. Здешняя контрразведка время от времени наказывала нас не только за неосторожные соприкосновения с носителями индийских государственных секретов. Выдворялись и те, кто активно работал и по американскому, и по другим

иностранным посольствам.

Индийцы выдворяли наших работников без объяснения причин. Посольство при этом ритуально протестовало, но наша разведка хорошо знала, на чем работник действительно «прокололся». Индийцы — надо отдать им должное — в этих случаях всегда действовали корректно, но решительно. За выдворяемым выставлялось демонстративное наружное наблюдение. В день отъезда его провожали крупные силы «чистых» дипломатов во главе с офицером безопасности.

Выдворение сотрудника — это серьёзное происшествие. Как правило, этому подвергаются полезные и работающие люди. Пятном в биографии разведчика такой эпизод не становится, хотя, разумеется, возможности его дальнейшего использования сужаются, особенно если дело получило огласку.

Итак, дружественные отношения между Советским Союзом и Индией отнюдь не означали, что индийская контрразведка относилась терпимо к активности нашей службы. Однако существовали как бы неписанные правила, по которым не возбранялись контакты с политическими и общественными деятелями, журналистами, естественно, не выходящие за рамки официальных отношений. За небольшим исключением это распространялось на посольства и разведывательные службы всех стран.

Вот почему Шебаршин настойчиво расширял круг своих связей в политической и журналистской среде. И большинство его новых знакомых составляли люди, отношения с которыми можно было квалифицировать как «официальные связи». Это означало, что оснований рассчитывать на установление специфических разведывательных отношений с ними нет, а следовательно, нет и необходимости каким-то образом скрывать контакты с ними. Об этих связях знал посол, таких знакомых можно было приглашать на приёмы.

Леонид Владимирович часто встречался с отставным главным министром штата Мадхья-Прадеш Д. П. Мишрой. Он уже отошёл от активного участия в политике, но сохранял к ней живой интерес, знал всех и каждого. Индиру Ганди он ласково называл «дорогая девочка» и регулярно отправлял ей послания по разным политическим поводам. В гостях у Мишры можно было застать известных министров и политиков, крупных бизнесменов.

Иногда, чаще по утрам, Шебаршин заглядывал к другому знакомому — государственному министру Р. К. Кхадилкару. Этот ветеран индийской политики был известен своими прогрессивными взглядами и добрым отношением к Советскому Союзу. Помимо всего прочего он отличался

своей интеллигентностью и начитанностью, охотно делился с Шебаршиным редкими книгами из своей библиотеки. За совместными завтраками они часто обсуждали текущие события. Иногда на какой-нибудь сложный вопрос министр отвечал: «Это секрет», но не выдерживал и начинал обстоятельно излагать суть дела.

Порой он так увлекался рассказом, что забывал о времени. Многословие, замечает Леонид Владимирович, — индийская слабость, и этим грешат почти все его знакомые. Долгие экскурсы в историю, бесконечные разъяснения несущественного, уход в сторону от предмета разговора и возвращение к нему с совершенно неожиданной стороны, личные переживания — всё это связано какой-то причудливой логикой. Для того чтобы выбрать из беседы нужные сведения, необходимы терпение и время.

В числе друзей Шебаршина оказался и весьма влиятельный, ещё молодой политический деятель, занявший в 1974 году пост министра кабинета, Л. Н. Мисра. Он постоянно находился в центре всех крупных событий и, следовательно, в центре всех интриг, а временами и скандалов. У него были обширнейшие связи с индийским бизнесом, и существовало мнение, что он создал основные каналы тайного финансирования Индийского национального конгресса. Министр пользовался доверием Индиры Ганди, и она прислушивалась к его советам. Шебаршин знал, что Мисра докладывал Индире Ганди о встречах с ним, но вскоре они прервались. В январе 1975 года на Мисру было совершено покушение во время его выступления на предвыборном митинге...

Как гром среди ясного неба — военный переворот в Бангладеш 15 августа 1975 года, во время которого был убит президент Муджибур Рахман. Страна была объявлена мусульманской республикой. Новое руководство Бангладеш резко и неожиданно сменило политику в отношении Индии: безоблачные отношения между соседями заволокло мрачными тучами.

Этот неприятный «сюрприз» Индира Ганди получила в то время, когда в Индии нарастал политический кризис, а Индийский национальный конгресс утрачивал своё влияние внутри страны. Результат — сокрушительное поражение на выборах в марте 1977 года и Национального конгресса, и самой Индиры Ганди.

Возможность того, что утратит свои позиции такой, казалось бы, популярный в стране премьер, никем не допускалась. Не прогнозировался подобный исход ни индийскими политиками, ни дипломатическим корпусом, ни прессой. Но для нашей резидентуры, которую к тому времени

Шебаршин возглавил^[12] (после отъезда на родину Я. П. Медяника), это было слабым утешением — просчёт есть просчёт.

Как считал Леонид Владимирович, падение Индиры Ганди было неприятным эпизодом, но не трагедией с точки зрения интересов Советского Союза. Оно не сказалось сколько-нибудь заметным образом на советско-индийских отношениях. Сближали наши страны объективные факторы — экономические, стратегические, военные. Они и определяли в дальнейшем отношение индийских руководителей к нашей стране и государственную политику Индии...

В Индии произошла смена власти, и Центр счёл благоразумным ускорить отъезд Шебаршина на родину. В Москву Леонид Владимирович вернулся весной 1977 года.

Из записных книжек Шебаршина видно, что именно в ту пору, во время командировки в Индию, он определил для себя ряд важных принципов профессиональной этики. Собственно, работа по составлению своеобразного кодекса поведения разведчика, в которой соединились его размышления, накопленный опыт, жизненные принципы, специфика профессии, началась ещё в Пакистане и не прекращалась до окончания службы. Оставленные Шебаршиным записи, рекомендации и наставления свидетельствуют, что аналитический склад его ума дополняла высокая дисциплина мышления. Это помогло ему в последующем: на высокие руководящие посты в разведке он пришёл с бесценным багажом знаний, которые нельзя почерпнуть из одних только учебников и служебных инструкций.

Ниже мы задержимся лишь на некоторых принципиальных моментах, представляющих, по нашему мнению, интерес не только для сотрудников разведки, но и для широкого круга читателей.

Все наши дела, писал Шебаршин, взаимосвязаны и нельзя увлечься каким-то одним из них. Необходимо основательно познакомиться с каждым сотрудником, узнать его не по бумагам, а в реальной рабочей обстановке, выяснить, на что он способен, можно ли положиться на его здравый смысл, находчивость, решительность в сложных ситуациях. Чрезвычайно важно сделать так, чтобы младшие коллеги были уверены в компетентности и порядочности своего начальника. Они обязательно должны видеть, что руководитель способен не только дать толковые рекомендации, но и сам работает в поле, что у него есть личные контакты и источники, что он может квалифицированно выявить наружное наблюдение и самостоятельно решать другие оперативные вопросы.

Деловая репутация руководителя — это важнейший компонент в связке «начальник — подчинённый».

В идеальном варианте сотрудники резидентуры не должны быть осведомлены о работе друг друга, каждому положено знать лишь то, что ему необходимо. Это золотое правило, но соблюсти его в полной мере чрезвычайно трудно. Служебные инструкции и профессиональная этика запрещают проявлять любопытство к чужим делам. Строжайшим образом засекречиваются имена, адреса, служебное положение источников и контактов, условия связи с ними...

Наша служба, подчёркивал Шебаршин, как своеобразный общественный институт покоится на трёх китах: взаимное доверие действующих лиц, преданность делу и требовательность. Она не может не только нормально функционировать, но и просто существовать, если источник и офицер, офицер и резидент, резидент и Центр не будут доверять друг другу. В нашем деле, где очень много кропотливой, даже скучной работы, в любое время могут возникать ситуации, когда под угрозой оказывается судьба человека.

Разведчик должен быть уверен, что никакая правда, даже самая неприятная, никакая его ошибка не будет обращена начальником ему во вред. Только при этом условии и начальник может быть уверен, что подчинённый всегда будет доверять ему, ничего не утаивая и не искажая.

Доверие не исключает требовательности. Именно требовательность позволяет стимулировать работу, выделять способных и добросовестных, избавляться от тех, кто не оправдывает доверия. Требовательность — это один из ликов человеческой справедливости, она должна быть одной для всех — от начальника разведки до самого младшего, начинающего работника. Требовательность не может идти только сверху вниз — она должна быть всеобщей и взаимной.

И наконец, самое важное — это преданность делу. Наша служба, отмечал Шебаршин, не может предложить сотруднику материальных благ, быстрой карьеры, общественного признания. Разведчик должен быть скромным и неприметным, его главный побудительный мотив — в преданности делу и своему товариществу, в служении отечеству.

ШАХ УШЁЛ, ИМАМ ПРИШЁЛ

Поработав недолгое время в Москве в должности заместителя начальника отдела Первого главного управления КГБ, Шебаршин начинает готовиться к очередной заграничной командировке.

Впереди — Иран. Пока Леонид Владимирович знакомится с книгами по истории и литературе страны, изучает её экономику и овладевает новым для себя языком — фарси, в Иране разгорается исламская революция. Мохаммед Реза Пехлеви, правивший страной с 1941 года, был вынужден бежать, а власть под многотысячные возгласы толпы «шах ушёл, имам пришёл!» захватили исламские фундаменталисты во главе с их лидером аятоллой Хомейни.

Первым делом новое правительство ввело шариатские законы и прекратило отношения с Западом. Но разрыв с проамериканской политикой не означал сближения Ирана с СССР и другими социалистическими странами — все они также были объявлены «дьявольскими державами», враждебными исламу.

«Америка хуже Англии, Англия хуже Советского Союза, а Советы хуже Америки и Англии вместе взятых!» — заявлял Хомейни. Однако причины и характер такой враждебности были различными. Если США и Англия олицетворяли для исламистов нечто вроде всеобъемлющего зла, то в Советском Союзе они усматривали своего главного идеологического соперника в борьбе с империализмом. Исламская республика не могла примириться с тем, что СССР поддерживал на Востоке национально-освободительное движение, действовавшие там партии и организации левого толка, которые, по мнению сторонников Хомейни, должны были уступить место религиозному движению, основанному на идеях шиитского фундаментализма.

Нетрудно представить обстановку, в которую попал только что прибывший в Тегеран новый резидент. Город гудит, будто потревоженный улей, кругом толпы людей с горящими глазами скандируют лозунги, прославляющие Хомейни, шлют проклятия в адрес Америки и Советского Союза. Антиамериканские и антисоветские лозунги красуются на заборах и стенах домов.

«Зловещий старец», «чёрное наваждение»... Короткие фразы в записях Шебаршина точно передают его первые впечатления от происходившего вокруг. В голову невольно приходили мысли о том, что много лет назад,

зимой 1829 года, охваченная религиозным экстазом толпа разгромила русскую миссию в Тегеране, устроила на её территории резню и зверски убила российского посланника в Персии — великого писателя А. С. Грибоедова, автора бессмертной пьесы «Горе от ума».

Советское посольство расположилось среди старых, довоенной постройки зданий различных дипломатических представительств в Тегеране. За глухими кирпичными стенами — просторный парк. Высокие платаны и сосны, пережившие не одну иранскую смуту, бросают густую тень на аккуратные лужайки и подстриженные кустарники, посыпанные мелким красным щебнем дорожки. В безветренную погоду кажется, что деревья, окутанные дрожащим знойным воздухом, тихо дремлют под монотонное журчание арыков, несущих прохладную воду с гор.

Леонид Владимирович часто любовался панорамой Тегерана, открывавшейся с территории посольства, от подножия памятнику Грибоедову, сооружённому в 1912 году на средства, собранные русской колонией. На невысоком постаменте в кресле сидит наш бронзовый соотечественник и читает что-то написанное на бронзовом листке, слегка, почти неприметно, улыбаясь.

Здесь острее представляются, принимают почти реальные очертания события давно минувших лет. Чудится страшный рёв толпы, окружившей русскую миссию и пытающейся тяжёлыми брёвнами разворотить прочные засовы кованых ворот. Страшны бессмысленные и яростные лица, неразборчивые крики людей, жаждущих крови неверных. Вот эти крики слились в одно, всё громче и громче звучащее слово «марг!» — «смерть!».

О чём думается Шебаршину в эти минуты? Может, о том, что если толпу лишить человеческих чувств и разума, тогда разговор с ней невозможен. Она разрушит любую крепость, сожжёт всё, что может гореть, растерзает на куски любого, кто выйдет ей навстречу. Бессмысленно увещевать бушующий пожар. С толпой нельзя ни разговаривать, ни винить её за совершённое злодейство.

Толпа — излюбленное и древнее орудие иранских политиков, которое они используют с большим искусством. Шебаршин ещё не раз вспомнит об этом. Не только вспомнит, но и с удивлением обнаружит: российские «архитекторы» и «прорабы» горбачёвских времён, искусственно накаляя атмосферу в обществе, особенно в период августовских событий 1991 года, преуспели в манипулировании толпой не меньше восточных правителей. Во всяком случае, тысячи обезумевших людей в центре Москвы, встретивших злобным улюлюканьем низвержение памятника Дзержинскому и рвавших громить главное здание КГБ, ничем не

уступали исламским фанатам.

...Первая попытка налёта на советское посольство в Тегеране была предпринята в новогоднее утро 1980 года. Нападение не было неожиданным. Группа налётчиков проникла на территорию посольства, однако полиция выкинула нападавших за её пределы.

Но вот следующий налёт заставил сотрудников посольства изрядно поволноваться. Произошёл он 27 декабря 1980 года, в годовщину ввода в Афганистан наших войск.

...Чёрный людской поток неумолимо приближался. Опередив его, к воротам посольства подкатили грузовики с полицией и стражами исламской революции. Наткнувшись на заслон, гудящая, негодующая толпа замешкалась. Но в это же время большая группа молодых людей, укрывавшаяся в одном из соседних переулков, рванулась к воротам и дружно перемахнула через металлическую ограду. Никто погромщикам не помешал, лишь истерично взывала сирена, установленная в комендатуре посольства.

Толпа продолжала бурлить за воротами, выкрикивая лозунги: «Марг бар Брежнев!», «Марг бар шурави!» («Смерть Брежневу!», «Смерть русским!»). А тем временем передовой отряд налётчиков ворвался в представительский корпус, круша всё на своём пути. Стражи с полицейскими начали гоняться за ними, напуская на себя грозный вид и выказывая готовность грудью стать на защиту иностранных дипломатов. В конце концов совместными усилиями они сумели вытеснить нападавших с территории посольства.

Люди не пострадали, но посольству был нанесён ощутимый материальный ущерб. Пострадал и зал, в котором в 1943 году проходила знаменитая Тегеранская конференция трёх лидеров стран антигитлеровской коалиции — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Кстати, на ней помимо выработки окончательной стратегии борьбы с фашистской Германией и обсуждения широкого круга вопросов, связанных с послевоенным устройством мира, были определены перспективы предоставления независимости Ирану и принята так называемая декларация об Иране.

По свидетельству Шебаршина, отношение местных властей к налётам на посольство было известно — они заранее знали о них. Причём точными данными о времени нападения и замыслах хомейнистов располагала и наша разведка. Демарши посольства по этому поводу чиновники МИДа Ирана встречали с вежливыми улыбками, заверяя, что, разумеется, все необходимые меры будут приняты.

Степень угрозы, нависшей над советским посольством в связи с

провокациями, определить было сложно — ждать можно было чего угодно. Всему миру уже были известны бесчинства исламистов во время штурма посольства США в ноябре 1979 года, который закончился захватом нескольких десятков заложников. Налётчики удерживали тогда американских дипломатов более года, и Иран согласился освободить их только в обмен на размораживание его счетов, в сумме составлявших около восьми миллиардов долларов. Считается, что неудачная операция по освобождению пленников, при которой столкнулись два вертолёт и погибли восемь американских солдат, стоила карьеры Джимми Картеру, проигравшему очередные президентские выборы Рональду Рейгану.

Последствия исламской революции, тяжёлую пору безвременья усугубляли трудности ирано-иракской войны, вспыхнувшей в сентябре 1979 года и продолжавшейся целых восемь лет. Это была война на истощение. Она обернулась для страны и её народа новыми несчастьями и страданиями, большими людскими потерями и экономическим ущербом в сотни миллиардов долларов. Хотя Иран и называл эту войну «навязанной» и часто употреблял при этом термин «священная оборона», считая агрессором Ирак, подлинные причины масштабного вооружённого конфликта крылись в непримиримой борьбе двух стран за господство в регионе, в политическом и экономическом соперничестве, в этнических и религиозных противоречиях. Сказались и неразрешённые пограничные проблемы, уходившие своими корнями во времена раздела Османской империи после Первой мировой войны.

Чтобы читатель лучше ощутил атмосферу, царившую в стране, обратимся к выдержкам из впечатляющего описания Шебаршиным уличных столкновений, относящихся к лету 1981 года:

«По бывшей улице Резы Шаха, а ныне — улице Исламской революции идёт демонстрация моджахедов^[13]. Мы наблюдаем за происходящим с крыши. Выходить на улицу небезопасно...

Первые пулемётные очереди раздаются со стороны университета. Нервно вздрагивает движущаяся вниз чёрная людская масса. Пока нельзя понять, стреляют ли в толпу или над головами. Вскоре ситуация проясняется. Стражи исламской революции пытаются блокировать демонстрацию, перекрыть её со всех сторон, отогнать спешащие на помощь отряды моджахедов.

На перекрёсток с рёвом вылетают два огромных военных грузовика. С грузовиков спрыгивают вооружённые люди в

чёрных мундирах, с чёрными касками на головах, с автоматами и ручными гранатомётами. Они рассыпаются в цепь и быстрым шагом идут в наступление. Раздаются глухие хлопки — полетели гранаты со слезоточивым газом. Меж домами вспыхивают клубочки сизо-голубого, прозрачного дымка. Побежали плачущие, чихающие, пытающиеся закрывать лица тряпками люди. Стрельба раздаётся со всех сторон. Облачка газа доносятся до крыши, но спасает ветер. Побойще внизу разгорается. Отряды стражей рассекают толпу на части, сминают группки отбивающихся парней, теснят их в переулки.

Слышны громкие пронзительные вопли. Из переулка к посольской стене выкатывают возбуждённые бородатые молодцы в защитных куртках, за ними несколько десятков маленьких фигурок в длинных платьях и низко повязанных платках. Их окружают плотным кольцом, девушки пытаются цепляться друг за друга, отбиваются, кричат. Мелькают приклады автоматов, дубинки, кулаки. Здоровенные парни хватают хрупкую, визжащую, сопротивляющуюся девушку и с размаху перебрасывают её в кузов грузовика. Одну, другую, третью. Через десяток минут переулок пуст. Валяются растоптанные очки, тряпка — похоже, оторванный рукав, а вопли доносятся уже из соседнего переулка. Там идёт расправа с другой группой...

Город тяжело погрузился в пучину гражданской смуты, ночных арестов, расстрелов, избиений, пыток. „Расстреляны... враги Ирана и ислама... слуги империализма... отступники от ислама... враги народа и ислама..." — десятки фамилий ежедневно публикуются в газетах и ещё сотни остаются безвестными».

На моджахедов было направлено остриё хомейнистского террора. За каждого убитого хомейниста уничтожались десятки и сотни моджахедов. А те на террор могли ответить только террором. Каждый день — расстрелы и убийства, потоки человеческой крови.

Но, как подчёркивал Леонид Владимирович, работа дипломатов и разведчиков продолжалась, несмотря на взрывы и стрельбу в городе, оружие толпы, банды погромщиков, угрозы нападения на посольство, воздушные тревоги.

Естественно, читателя прежде всего интересует, как себя вела в таких условиях наша разведка. Заметим, что в большинстве случаев она

срабатывала чётко и своевременно предоставляла необходимую информацию. Так, на основании её данных ещё в августе — сентябре 1978 года ПГУ пришло к выводу, что дни монархии в Иране сочтены. Прогноз подтвердился: произошла исламская революция, и жесточайшая деспотия сменилась анархией, фактическая власть перешла в руки вооружённых, соперничающих между собой группировок самой различной ориентации.

Ещё накануне командировки в Иран перед Шебаршиным, как перед резидентом, была поставлена задача внимательно следить за внутренней ситуацией в Иране, определить расстановку внутривластных сил, приобрести источники в наиболее влиятельных, в первую очередь религиозных, организациях.

Предметом особой заинтересованности ПГУ были отношения Ирана с США и странами Западной Европы, деятельность в Иране американцев. Москва постоянно, изо дня в день, требовала свежие сведения. Центр можно было понять. Дело в том, что была создана специальная комиссия Политбюро ЦК КПСС по Ирану во главе с Л. И. Брежневым, в которую входили председатель КГБ Ю. В. Андропов, секретарь ЦК по международным вопросам Б. Н. Пономарёв и министр обороны Д. Ф. Устинов. Этот рабочий орган собирался регулярно и анализировал складывающуюся ситуацию.

Со временем на первый план вышли вопросы политики Ирана в отношении СССР, экспорта исламской революции, ирано-иракской войны, круг проблем, связанных с Афганистаном. Но при этом главным неизменно оставалось развитие внутривластной ситуации в стране.

А обстановка в стране менялась так стремительно, с такими неожиданными поворотами, что за событиями бывало трудно уследить. И в этой сумасшедшей и опасной гонке, как считал Шебаршин, некоторые его коллеги были недостаточно активны и пытались прикрывать случайными связями отсутствие выходов на действительно интересных нам людей.

Слабы оказались контакты среди духовенства. А ведь муллы почти всегда ввязываются в политику, у них давние и тесные отношения с базаром, а значит, они досягаемы для разведки.

Непечатый край информации — армия, которая выступает на политической арене страны как грозная и загадочная сила. Надо было более интенсивно развивать связи с офицерами, которые удалось установить в дни революционной неразберихи. И несмотря на утраченные позиции в стране, к ней продолжают тянуться американцы.

Американцы — постоянная проблема, задача из задач. Конечно, захват посольства США и ликвидация легального американского присутствия в

Иране несколько подорвали отлаженную деятельность и влияние ЦРУ в стране. Однако американская агентура в Иране осталась, вот только установить контакты, наладить работу с ней было неимоверно трудно. Американская разведка в полной мере использовала иранскую эмиграцию. Эмигранты — хотя и не слишком надёжный, но неисчерпаемый источник информации.

Обобщая положение дел в резидентуре, Леонид Владимирович пришёл к выводу, что его никак не могут удовлетворить уровень осмысления событий, качество информационных сообщений. Многие из них приходилось коренным образом перерабатывать. При этом не только его, но и всех сотрудников тревожили неопределённость ситуации, зловещая расплывчатость силуэтов, невнятные политические образы главных действующих лиц иранской драмы. Трещат привычные рамки анализа, разваливаются стройные умозаключения. Только-только начинается более или менее понятная для всех линия политического развития, только вздохнёт дипкорпус с облегчением, как тут же события идут кувырком, исчезают, растворяются в мутной дымке прогнозы.

Сильно затрудняла работу деятельность САВАК^[14]. Заметим, что после революции подразделения тайной полиции были очищены от наиболее одиозных фигур шахского режима, переформированы и перешли на службу новой, исламской власти. Но, пожалуй, самое важное и тревожное для нас — сохранился советский отдел САВАК, сотрудники которого были нашими прямыми оппонентами. Временное бездействие отдела, связанное со сменой режима, к маю — июню 1979 года сменилось резким повышением его активности. У саваковцев, которых готовили американские и израильские инструкторы, была прекрасная выучка, так что любая оплошность могла обернуться для наших разведчиков большой бедой. К тому же техническое оснащение спецслужб было превосходным — оно досталось хомейнистам от шаха, которого охотно снабжали современной техникой американцы (они — в первую очередь), а также израильтяне и турки.

Естественно, в сложных условиях иранской действительности наша резидентура не могла допустить каких-либо послаблений в своей работе и подходила к её организации в соответствии с самыми жёсткими требованиями конспирации и безопасности — по меркам военного времени. Тщательно разрабатывались маршруты движения, рассчитанные на то, чтобы выявить наружное наблюдение, которое в Тегеране было очень сильным. Было известно, например, что любого сотрудника советского посольства, покидавшего его территорию, иранские спецслужбы старались

не выпускать из поля своего зрения ни на минуту. Если кто-нибудь выходил из посольства, к нему тут же пристраивался «хвост» из нескольких человек, часто — из двух и даже трёх бригад.

Шебаршину с коллегами приходилось ломать головы, составляя комбинации отрыва от наружки. Очень сложно было «проверяться», определять, не «сидит» ли кто у тебя на «хвосте». Работник резидентуры должен приходиться на встречу с агентом уверенным, что он «чист», иначе можно поставить под угрозу жизнь своего помощника. Чтобы обеспечить безопасность сотрудника резидентуры или агента, чего только не делали: и страховки надёжные придумывали, и эфир прослушивали, и двойников посылали...

Вопреки сложившимся тяжёлым обстоятельствам, вспоминает Шебаршин, каждый день проводились встречи с источниками. В кромешной тьме кто-то из работников выходил в город, ехал по пустынным улицам, шёл пешком, отыскивая заветную дверь, за которой его ждал наш помощник, или поднимал в условленном месте брошенную смятую сигаретную пачку и извлекал предназначенное для него сообщение. Надо было не только убедиться в отсутствии наблюдения, но и не попасть на глаза патрулям исламских комитетов или стражам исламской революции. Время было такое, что патрули нередко сначала стреляли и лишь потом спрашивали: «Кто идёт?»

Ночные выходы были особенно тревожными. С закатом солнца огромный город погружался в непроглядную тьму. Ни одного огонька вокруг — налёты иракской авиации всех повергали в смятение и страх.

Из воспоминаний Шебаршина:

«Мы несём потери. Наши иранские помощники гибнут на иракском фронте в болотистой пустыне Хузистана, пропадают два старинных агента, власти выдворяют одного за другим моих заместителей. Москве нужна информация, и она её получает. Для этого надо двигаться, думать, рисковать. Постоянно двигаться, иначе мы умрём в защитной скорлупе конспирации. Начальник должен быть примером для подчинённых. Тегеранской ночью, надев зелёную куртку и разношенные башмаки на мягкой подошве, я выскакиваю из машины в непроглядную тьму, в узкие переулки, в мир тревожных шорохов для того, чтобы встретиться со своим источником. Ровным и быстрым шагом, вглядываясь в темноту, проверенным заранее маршрутом — вперёд, вперёд, вперёд! Лишь бы не нарваться на исламский патруль, не

услышать истошный вопль „Ист!“ („Стой!“). Исламские стражи почему-то всегда кричат истошными голосами».

Интересными воспоминаниями поделился с автором книги Игорь Сабиров — коллега Шебаршина по Ирану, который прибыл в Тегеран через несколько дней после начала исламской революции. Дело дошло до того, что человеку со славянской внешностью стало опасно появляться на улице. Но разведчик не имеет права отсиживаться в опасные времена на территории посольства. Игоря выручало то, что он великолепно владел фарси и, отпустив бороду, стал похож на перса. Удачно меняли внешность и двое его коллег, один из которых был туркменом, другой — армянином. Сабиров отмечал, что с наступлением темноты в город выходил и сам Шебаршин, хотя рисковать так ему, может быть, и не следовало.

Нередко разведчики попадали в армейские облавы. Идти в армию, на войну с иракцами, никто из жителей не горел желанием, поэтому специальные армейские части набрасывали свои «сети» на целые районы. Почти весь «улов» отправляли на фронт. Ускользнуть от армейской облавы было очень сложно, а удостоверение сотрудника советского посольства не давало гарантии безопасности — подобные «корочки» можно было купить и на базаре. При этом задержание наших сотрудников сопровождалось проявлениями крайней враждебности и агрессии.

Как-то в один из выходов Сабирова в город сложилась критическая ситуация. Вначале всё шло нормально, потом район неожиданно оцепили стражи революции. Кольцо было очень плотным, и Игорь не сумел выскользнуть из него. В посольстве была поднята тревога, в работу включился консульский отдел. Но глубокой ночью Сабиров всё же вернулся.

Когда суматоха немного улеглась, Шебаршин скомандовал:
— А теперь за стол — работать!

Надо было составлять очередное донесение в Москву, которое там с нетерпением ждали. Хотя Шебаршин мог бы предложить после пережитого и по стопке. Но — работа прежде всего.

Прибавляли хлопот резидентуре и заботы, связанные с обеспечением безопасности советских специалистов, которых в стране было около двух тысяч. Помощь Ирану оказывали строители, нефтяники, газовики, монтажники электростанций, агрономы, врачи. Непосредственно от Советского Союза и через его территорию от третьих стран в Иран поступала и гуманитарная помощь. Более того, Иран продавал и свою нефть в основном через СССР, поскольку большинство западных стран

соблюдали эмбарго на покупку иранской нефти.

Нередко наших людей пытались вербовать. Занимались этим в основном переводчики, предоставляемые иранской стороной. Из поступавшей от советских специалистов информации сотрудники резидентуры хорошо знали, кто из переводчиков «чистый», а кто получает деньги в кассе местных спецслужб. Людей, не поддавшихся вербовке, приходилось немедленно вывозить из Тегерана — иранская контрразведка ни перед чем не останавливалась...

Выходя в город, Шебаршин не раз удивлялся, до какой степени хомейнистская пропаганда задурילה народ. Как-то недалеко от посольства ему навстречу попала персиянка. Была она гибкая и тоненькая, с книгами в руках — явно студентка. Поравнявшись с Шебаршиным, она негромко спросила:

— Скажите, вы из этого посольства?

— Из этого.

— Объясните тогда, почему вы — социал-империалист?

Честно говоря, Шебаршин не ожидал такого вопроса и сразу не нашёлся что ответить. А вступать в дискуссию на улице было бессмысленно и небезопасно — подобные разговоры могли носить провокационный характер и иметь нежелательные последствия.

Сабиров рассказывал, как ему довелось вместе с Шебаршиным наблюдать почти хрестоматийную картину: хомейнисты вручали двенадцатилетним мальчишкам автоматы Калашникова и назидательно говорили при этом: «Это ключи от рая, с которыми ты, правоверный, пойдёшь в бой!» И двенадцатилетний подросток шёл потом в атаку на иракские позиции. И погибал, сжимая тонкими детскими руками «ключи от рая».

Хомейнисты могли прийти к какому-нибудь несчастному отцу, потерявшему на войне сына, и сказать ему: «Мы поздравляем вас с гибелью сына! Он умер во имя Аллаха!»

В резидентуре невольно складывалось впечатление: едва ли не всякий иранец, родившись, желал умереть.

Это — не пустые слова. Шебаршин посетил в Тегеране выставку фотографий. Хорошая бумага, сочные цвета, работы в основном профессиональные. Зал увешан крикливыми транспарантами привычного содержания, суть которых сводится к одному: всем — смерть, да здравствует имам Хомейни! Такое же «жизнелюбие» отражают и фотографии: лежит убитый, на следующем снимке — группа убитых, далее — мулла с автоматом, девушка с автоматом, ребёнок с автоматом...

Над всем Ираном распростёрлась мрачная тень древнего седобородого старца в чёрной чалме.

«Для меня Хомейни, — пишет Шебаршин, — не абстрактная экзотическая фигура. Я вижу его сильные черты — нестигаемую волю, железную последовательность, практичный расчётливый ум, беспредельную преданность идее. Страшна его способность принести в жертву идее сотни тысяч, миллионы жизней. Не сомневаюсь, он мог бы принести в жертву всё человечество. Старик спокойно, хотя и мало, спит, часто по-отечески увещевает и наставляет мусульман, монотонно ругает врагов ислама, не ест мяса. В январе 1980 года в Куме, своём родном городе, славном глиняной посудой, священной гробницей девы Фатимы да медресе, Хомейни перенёс сердечный приступ и был перевезён в Тегеран, поближе к современной медицине. С тех пор он пережил десятки своих соратников, соперников и сподвижников — Моттахари застрелен на пороге мечети, Бехешти, Раджаи и Бахонар убиты взрывами, Готбзаде расстрелян, Банисадр с позором бежал за границу^[15]. Старец живёт».

Конечно, за воротами посольства наших сотрудников ждали не только ловушки, провокации, аресты и прочие опасности. Даже под тяжёлым духовным и политическим прессом, под мрачным покровом насилия и террора там продолжалась, текла, не останавливаясь, жизнь, полная обычных, повседневных людских забот. Шебаршина всегда влекли к себе непередаваемая атмосфера, восточный колорит шумных улиц, площадей и базаров, волновал этот загадочный, древний мир. Хотя он и хорошо представлял, что прогулки по Тегерану — сомнительный отдых. Однако тут же замечал, что для любознательного человека — это занятие весьма полезное. Особенно он любил бывать в книжных лавках, лучшие из которых, по его мнению, находились на улице Манучехри.

Манучехри — сугубо торговая улица. Чего тут только не было! Древние монеты и медные лампы, тяжёлые серебряные браслеты, украшенные узорами из перламутра, латунные и медные расписные шкатулки, блюда с позеленевшей чеканкой, которым насчитывалось не менее двухсот лет, массивная мебель, сработанная ещё в XIX веке, расшитые скатерти, фанерные чемоданы с наклейками отелей Парижа и Лондона и резные каменные печатки, которыми на ткань наносили рисунок... И ковры, ковры, ковры... Некоторым из них было по 150–200

лет, а выглядели они так, будто вытканы только вчера.

Волшебное словосочетание «персидские ковры» с раннего детства у Шебаршина было связано с представлением о чём-то сказочном и непостижимом. Ему и в голову не могло прийти, что когда-то он будет жить и работать на земле, где рождаются эти произведения искусства. И рождаются они не по мановению волшебной палочки, а носят самый что ни на есть рукотворный характер, являясь воплощением неимоверно тяжёлого, кропотливого труда.

Раньше ковры покупали в основном иностранцы. Покупали охотно. Ведь в любом европейском доме персидский ковёр — свидетельство довольства и зажиточности. Но хомейнисты вымели из страны иностранцев — уехали ни много ни мало около трёхсот тысяч человек. Это сразу же сказалось на благосостоянии различных слоёв населения Тегерана, торговле и мелком бизнесе.

Обеднели с отъездом иностранцев антиквары — некому стало продавать старинные вещи, отмеченные печатью времени. Когда Леонид Владимирович проходил мимо их лавок, то вспоминал большой торг, развернувшийся в первые месяцы правления хомейнистов — исламисты распродавали по дешёвке имущество шахского двора, стараясь, чтобы оно попадало в руки своих людей. Был известен случай, когда один делец умудрился купить скрипку Страдивари всего за 400 долларов, а через некоторое время продал её в Нью-Йорке за полтора миллиона.

Книжные лавки — особый разговор. Это — настоящий праздник души. Больше других привлекала Шебаршина лавка Ноубари. «Кругленький, длинноносый старик в чёрном пиджаке и традиционной персидской шапке пирожком из чёрного каракуля» в 1930-х годах жил в СССР, в Кировабаде. По-русски Ноубари говорил с небольшим акцентом.

Несколько картонных ящиков с книгами он обычно выставлял на тротуаре, изредка прохожие останавливались и рылись в них. Две внушительные стопки книг, словно колонны перед входом, высились у дверей. Одна «колонна» состояла из томов, изданных на фарси, другая — из изданий на французском, английском, немецком, русском и прочих языках. Внутри лавки были видны беспорядочные груды книг. К этому завалу Ноубари подпускал только постоянных покупателей, и Леонид Владимирович оказался там не сразу, а только после третьего или четвёртого посещения, после того как уже изрядная сумма его денег перекочевала в карман торговца.

«Я ныряю в тёмную узкую дверь, натыкаюсь на завал.

Хозяин включает свет — жёлтую слабосильную лампочку без абажура, висящую на неряшливых, покрытых клочьями изоляционной ленты проводах. Кромешный книжный ад, куда брошены за какие-то грехи сотни и тысячи этих лучших друзей человека. Стеллажи до самого потолка, рухнувший под тяжестью стол в середине этого склада (всего в нём квадратных метров пятнадцать-шестнадцать), книжная залежь на полу по колено, а кое-где и по пояс. Ноубари — жадюга и старьёвщик по натуре. Вместе с книгами валяются скелет старого радиоприёмника, изодранные абажуры, половинка нового плаща, изношенные брюки и один ботинок, пара сломанных стульев, окаменевший кусок лаваша (он пролежал около двух лет, я специально следил за ним), несколько пластмассовых канистр с керосином и помятое ведро».

Результаты длительных копаний в лавке были незначительными, а вот процесс захватывал нашего книголюбца по-настоящему. Это было ни с чем не сравнимое блаженство!

Книги были сухие, бумага от времени стала ломкой и могла вспыхнуть от малейшей искры. А Ноубари хранил в лавке запасы керосина, причём не только в канистрах, но и в открытых вёдрах. Когда было особенно холодно, он прямо среди томов устанавливал небольшую керосиновую печку и разжигал её на полную мощность. Шебаршин в таких случаях прикидывал пути к отступлению — вдруг вспыхнет огонь. Но азарт книгоискателя побеждал опасения, имевшие под собой реальные основания.

Другая книжная лавка, в которую заглядывал Шебаршин, располагалась также на улице Манучехри. Владел ею некто Пазуки, выходец из Исфахана. Как «настоящий перс» (формулировка Шебаршина), был он «хитроват, словоохотлив, разумен, любознателен, вежлив, предупредителен». Родной брат Пазуки был из тех, кто поддерживал хомейнистскую власть и в одном из провинциальных городков командовал гарнизоном исламских стражей. Леонид Владимирович знал также, что при случае и сам Пазуки не прочь будет сдать его первому же патрулю. Но это не мешало ему покупать у торговца книги, тем более что плату тот взимал весьма умеренную, да и книги здесь были поинтереснее, чем у Ноубари, попадались и раритеты.

Когда Шебаршин появлялся у Пазуки, тот непременно угощал его крепким чаем. В ответ Шебаршин, как правило, предлагал ему сигарету «винстон», но хозяин лишь вежливо морщил лицо: настоящий

революционер не принимает ничего американского!

Однажды Ноубари куда-то пропал, а его место занял младший сын, который оказался юношей неразговорчивым и вёл себя с гостем из Москвы настороженно. Примерно через год владелец лавки появился — похудевший, со скорбно опущенным носом и потухшими чёрными глазами.

Оказывается, исламские власти упекли его в тюрьму, а за что именно — он так и не признался Шебаршину. Впрочем, Леонид Владимирович особенно и не допытывался — слишком выразителен был плакат в соседней парикмахерской: «Просим уважаемых клиентов не говорить о политике».

В ряды резидентуры затесался предатель... Для резидента такое известие — страшный удар. Измена — худшее из того, что может случиться в разведке. За этим — сломанные судьбы разведчиков, провалы, трагедии. Для Центра — катастрофа, после которой часто приходится всё начинать сначала.

Кто такой Владимир Кузичкин? Обычный сотрудник, ничем не примечательный, мягкий и обходительный. Правда, иногда эта доброжелательность превращалась в угодливость, но... все разведчики — люди, у всех — свои недостатки. Чувствовалось, что не нравился Кузичкин послу (интуиция, жизненный опыт?), но Шебаршин его защищал, как и всех других своих сотрудников, попадавших начальству под горячую руку. Разумеется, никто при этом и мысли не мог допустить, что Кузичкин — самый настоящий предатель.

То ли тот что-то почувствовал, то ли его хозяева — англичане, у которых в Иране была мощная агентурная сеть, решили вывести своего подопечного из игры, — сказать трудно. Только решил Кузичкин бежать. А за год до его исчезновения из Тегерана наши оппоненты разыграли оперативную комбинацию, в центре которой оказался очень толковый сотрудник и великолепный оперативник, заместитель Шебаршина Владимир Гурский.

На одном из приёмов Гурский познакомился с обаятельным иностранным бизнесменом, который дружелюбно относился к Советскому Союзу и мог стать полезным помощником. Вместе с Шебаршиным они проанализировали ситуацию и решили, что контакты с бизнесменом надо продолжать. Однажды вечером Гурский отправился на встречу, но в условленное время не вернулся. Появился он в посольстве лишь под утро и рассказал, что с ним произошло.

Когда он приехал к бизнесмену, то ничего тревожного возле его дома

не заметил. Людей вокруг почти не было, привлекал внимание лишь один довольно необычный молодой человек — весь какой-то дёрганый, напоминающий разлаженную механическую куклу. Немного поразмыслив, Гурский решил, что такому странному типу вряд ли доверят наружное наблюдение, и вошёл в дом.

Хозяин принял его приветливо, но обмен любезностями продолжался недолго — в дом ворвались вооружённые люди, заявив, что они являются сотрудниками местного исламского комитета. Гурского скрутили и доставили... нет, не в участок, а сразу же (!) в протокольный отдел МИДа. После короткого допроса его отпустили.

Наутро в советское посольство из МИДа пришла бумага: Гурский был объявлен персоной нон грата. На состоявшемся «разборе полётов» сотрудники резидентуры пришли к выводу, что всё случившееся — дело рук местной контрразведки: очень уж мешал ей Гурский, который хорошо владел обстановкой, знал обычаи, людей, прекрасно говорил на фарси и английском, имел обширные связи и знакомства в различных кругах.

То, что это была хорошо продуманная операция иностранной разведки с целью расчистить дорогу для своего «крота», для его продвижения по служебной лестнице, выяснилось позднее — ведь для Кузичкина оперативная активность Гурского создавала большую угрозу. Приём этот известный и распространённый.

...В один из июньских дней 1982 года Кузичкин не вышел на работу. Когда приехали к нему на квартиру, выяснили, что исчезнувший вместе с автомашиной хозяин ещё несколько часов назад был дома. К вечеру стало известно, что Кузичкина видели в районе Базаргана, на границе с Турцией. Стало понятно: ушёл.

Шебаршин был в отпуске, отдыхал с женой Ниной Васильевной в подмосковном санатории, когда его спешно вызвали в Москву и сообщили эту неприятную новость. Первым же самолётом Леонид Владимирович вылетел в Тегеран — надо было спасти своих людей, над которыми нависла угроза оказаться в руках хомейнистов.

Кузичкин выдал почти всех, за исключением Игоря Сабирова. Может, вспомнилось ему, как холодными ночами они вместе колесили по неприветливым и опасным улицам Тегерана, может, питал он к нему какие-то симпатии — неизвестно. Чужая душа — потёмки, душа предателя — тем более. Через некоторое время Центр счёл возможным вернуть Сабирова в Иран, и он успешно продолжил там свою работу.

Раскрыл Кузичкин и все контакты резидентуры с работавшей в подполье и сотрудничавшей с КПСС партией Туде^[16]. Один из её

нелегальных руководителей не сумел уйти по отработанному каналу за кордон, вернулся в Тегеран и ночью перемахнул через стену советского посольства. К посольству подъехали несколько автомашин с иранскими контрразведчиками, которые шли по следу, но наши дипломатические работники не дрогнули и не сдали его. Но не всем удалось спастись. Начались аресты руководителей Народной партии Ирана, сданных Кузичкиным. Обстановка накалялась, и Шебаршин получил приказ из Москвы возвращаться — дипломатическая неприкосновенность не давала никаких гарантий безопасности.

...Восстановили историю предательства Кузичкина. Выяснили, что ещё в студенческие годы, на практике, он познакомился с одной миловидной англичанкой и та очень быстро склонила его к предательству, связала с английской разведкой. Работал за деньги — продавал наши секреты, выдавал людей. А потом у него возникли подозрения, что его «вычислили». Бежал он с английским паспортом на имя Майкла Рода. Известно, что после побега он пристрастился к алкоголю — так большинство предателей глушат неотступный страх перед возмездием.

Шебаршин потом горько сожалел, что в некоторых ситуациях выгораживал Кузичкина перед послом В. М. Виноградовым.

«Посол был более мудрым, более опытным и, несомненно, более проницательным человеком, чем я, — признавался Леонид Владимирович. — Он распознал в будущем предателе нечто подловатое, точнее, чем я, оценил его грубость в отношении товарищей, угодливость в отношении начальников, то, что по-русски называется хамоватостью».

Известный российский дипломат Владимир Викторович Гудев, который в 1987–1993 годах был Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР (с 1991 года — России) в Иране, хорошо знал Шебаршина и был, естественно, осведомлён о драме, которая разыгралась в Тегеране. По этому поводу он высказал такое суждение:

«Шебаршин Леонид Владимирович — это фигура для разведки хрестоматийная: именно таким должен быть работающий за границей разведчик. Есть резиденты, к которым послы относятся, скажем так, настороженно, есть резиденты, которым перестают доверять в силу тех или иных причин, — и такое было, а есть резиденты, к которым относятся с огромным

уважением и очень доверительно... Верят им, как и разведчики верят дипломатам, всё должно быть построено на взаимности.

Так вот, ни от одного из послов я не слышал, чтобы они хоть в чём-то, в малой малости, не доверяли Шебаршину. Шебаршин был не просто разведчиком, а разведчиком-дипломатом. Таких профессионалов у нас немного, их, если хотите, можно по пальцам пересчитать.

С другой стороны, именно такая блестящая черта характера, как способность доверять, верить, помешала, наверное, Леониду Владимировичу разглядеть предателя Кузичкина. Есть поэтическое выражение: „Лицом к лицу — лица не увидеть“. Когда люди работают вместе, в одном пространстве, лицом к лицу, локоть к локтю, понять зачастую трудно, а иногда и просто невозможно, кто есть кто...

Вот и получается, что один гнилой помидор способен испортить весь ящик. Такой след оставил и Кузичкин на всей резидентуре, работавшей в Тегеране.

В том, что произошло, Шебаршин не виноват нисколько, но отвечать пришлось ему. У нас как ведь повелось: у всякой беды должен быть виновник. Конкретный человек. И я очень жалею, что за прокол в тегеранской резидентуре заставили отвечать практически одного Шебаршина».

...Стоял февраль. Над заливом Мурбад, забитым рыболовецкими лодками, нависли свинцовые тучи. Моросил холодный мелкий дождь. На улицах Энзели^[17] было пустынно — в такую погоду люди без нужды из дома не выходят. Теплоход «Гурьев», на котором Шебаршин покидал Иран, отдал швартовы и взял курс на Баку.

Настроение у Леонида Владимировича вполне соответствовало погоде, на душе скребли кошки. Вряд ли на этот раз в Центре он услышит привычные слова благодарности за профессионально выполненный долг. Успокаивал он себя тем, что сделал в сложившейся ситуации всё, что мог. Сохранил всех людей, надёжно законсервировал значительную часть источников информации.

Иранская страница биографии Шебаршина была перевёрнута. Закончился ещё один памятный период его жизни и работы. Осталось позади, как записал Шебаршин в своём дневнике, «тревожное, интересное и тяжёлое, порой невыносимо тяжёлое время».

В ЦЕНТРЕ

Вопреки ожиданиям Шебаршина никаких серьёзных головомоек в Москве ему не устраивали. Однако он чувствовал, как изменилось отношение к нему.

Из книги Шебаршина «...И жизни мелочные сны»:

«После не очень удачного возвращения из командировки в Иран в 83-м я увидел, что многие прежние знакомые и даже приятели как-то перестали меня замечать. Кто холодно кивнёт, а иной и пройдёт мимо, не подав виду, что ещё недавно мы были на дружеской ноге. Это задевало...»

И всё же к моменту возвращения Леонида Владимировича в Центр напряжение вокруг тегеранских дел там заметно спало. Однако долго ещё тяготило его сознание, что в одночасье рухнула с таким трудом и риском возводившаяся структура разведки в Иране. Чувство собственной вины за это не покидало. Поэтому первое же предложение начальства занять вакантную должность заместителя начальника небольшого оперативно-аналитического подразделения ПГУ он принял без каких-либо возражений и без лишних разговоров, которые в тот момент выглядели бы неуместно.

Лаконично, но довольно ёмко Шебаршин описал свою работу в тот период:

«Маленький кабинет на шестом этаже, великолепный вид на окрестные рощи, неспешная, без рывков, спланированная загодя работа — разбор оперативной деятельности отдельных подразделений: изучение документов, беседы с оперативными работниками, анализ работы с агентурой. Дело, требующее большого внимания, тщательности. Несложно найти огрехи в той или иной операции. Ни один вид человеческой деятельности невозможен без упущений и ошибок. Важно разобраться, где эти упущения вызваны стечением обстоятельств, объективными причинами, а где — недобросовестностью, легкомысленным отношением к делу, несоблюдением требований оперативной работы. Такой разбор и доведение его результатов до непосредственно заинтересованных лиц требовали такта.

Разведчики сдержанны и дисциплинированы, они спокойно выслушают любое деловое замечание. Но ни в коем случае нельзя недостаточно квалифицированным выводом, грубостью, снисходительностью затрагивать их самолюбие».

Шебаршин — из когорты тех порядочных людей, которые никогда не выпячивают и не превозносят своё «я». Такие люди с неподдельным вниманием и уважением относятся к окружающим, товарищам по работе, умеют ценить их жизненный и профессиональный опыт, помогающий избежать собственных ошибок и просчётов, плата за которые в разведке иногда бывает слишком высокой.

«Было интересно и приятно общаться с коллегами — такими же, как я, битыми-перебитыми, тёртыми жизнью оперативными работниками, — рассказывал Шебаршин. — Часто собирались вместе, как правило за чаем. Поговорить было о чём. Как вёл себя коллега, когда контрразведка организовала его захват и пыталась вербовать. Как не повезло другому коллеге, когда его прошили автоматной очередью в Бейруте и он несколько часов истекал кровью в своей машине. Как явился к нашему работнику в ночное время незнакомый иностранец, оказавшийся шифровальщиком американского посольства. Как сунул человек руку в тайник и был укушен скорпионом и т. п. Множество примеров мужества и робости, находчивости и глупости, везения и неудач — живая ткань нашего существования...»

Эту неофициальную, но чрезвычайно полезную сторону своей работы Леонид Владимирович всегда вспоминал с удовольствием и благодарностью.

В очередной раз повезло ему и с руководством. В этом отношении везёт многим, но не все это ценят, а порой просто и не хотят признавать чьё-то превосходство над собой. Наш герой всегда подмечал сильные стороны начальства, с благодарностью говорил о своих учителях и наставниках, оказавших влияние на его формирование как разведчика и руководителя, способствовавших его служебному росту.

Управление, в структуру которого входил оперативно-аналитический отдел, возглавлял ветеран службы разведки, генерал-майор М. Г. Котов. По характеристике Шебаршина, Михаил Григорьевич — «натура волевая, организованная, с желчной стрункой. Его до крайности раздражали

поверхностные суждения, попытки ввести в работу непродуманные конъюнктурные новации. Михаила Григорьевича уважали за широкую разведывательную эрудицию, способность отсеять зёрна от плевел, несколько побаивались за прямоту, а кое-кто и недолюбливал за нетерпимость к глупости и разболтанности».

В этот период Леонид Владимирович знакомится с документом, содержащим ряд замечаний о разведке, которые он охарактеризовал как «толковые». Речь идёт о замечаниях, высказанных И. В. Сталиным в конце 1952 года в ходе подготовки проекта постановления ЦК КПСС «О Главном разведывательном управлении МГБ СССР».

Вслед за Шебаршиным приведём этот документ полностью — он заслуживает того. Итак, Сталин о разведке:

«В разведке никогда не строить работу таким образом, чтобы направлять атаку в лоб. Разведка должна действовать обходом. Иначе будут провалы, и тяжёлые провалы. Идти в лоб — это близорукая тактика.

Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать иностранца против своего отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств, это будет ненадёжный агент.

Полностью изжить трафарет из разведки. Всё время менять тактику, методы. Всё время приспосабливаться к мировой обстановке. Использовать мировую обстановку. Вести атаку манёвренную, разумную. Использовать то, что Бог нам предоставляет.

Самое главное, чтобы в разведке научились признавать свои ошибки. Человек сначала признаёт свои провалы и ошибки, а уже потом поправляется.

Брать там, где слабо, где плохо охраняется. Исправлять разведку надо прежде всего с изжития лобовой атаки.

Главный наш враг — Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку.

Нелегальные резидентуры надо создать прежде всего в приграничных государствах.

Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия.

Нельзя быть наивным в политике, но особенно нельзя быть

наивным в разведке.

Агенту нельзя давать такие поручения, к которым он не подготовлен, которые его дезорганизуют морально.

В разведке иметь агентов с большим культурным кругозором — профессоров (привёл пример, когда во времена подполья послали человека во Францию, чтобы разобраться с положением дел в меньшевистских организациях, и он один сделал больше, чем десяток других).

Разведка — святое, идеальное для нас дело.

Надо приобретать авторитет. В разведке должно быть несколько сот человек — друзей (это больше, чем агенты), готовых выполнить любое наше задание.

Коммунистов, косо смотрящих на разведку, на работу ЧК, боящихся запачкаться, надо бросать головой в колодез.

Агентов иметь не замухрышек, а друзей — высший класс разведки.

Филёрская служба, по-моему, должна быть разбита по различным управлениям».

Сталин сумел предугадать, предвидеть те проблемы, которые придётся решать в последующие годы, те сложные вопросы организации разведывательной работы, которые будут подтверждены практическим опытом.

Кстати, в этой связи уместно будет вспомнить и другой, более ранний документ, подготовленный на основе выступления И. В. Сталина на совещании руководящего состава Разведывательного управления Рабоче-крестьянской Красной армии 21 мая 1937 года. Сохранилась краткая запись основных установок из сталинского выступления, в котором разведка подверглась резкой критике: «Мы имеем крупные победы, мы сильнее всех политически, мы сильнее экономически, но в разведке нас разбили. Поймите, разбили нас в разведке». Большинство положений, подчёркнутых Сталиным, сохраняет актуальность и сегодня:

«...Нужно иметь в разведке правильную цель и установку, определить, кто наши враги. Немцы знают, кто их враги, поэтому они устремились к нам насаждать свою сеть.

Мы забыли основные правила разведки: есть враги прямые и есть враги возможные. Все союзники — возможные враги, и союзников тоже надо проверять. С точки зрения разведки у нас не

может быть друзей, есть непосредственные враги, есть враги возможные.

Поэтому никаких секретов никому не давать...

Необходимо поставить пропаганду разведки и контрразведки.

Издать контрразведывательную литературу, не скрывать её от читателей. На западе буржуазия вокруг своих шпионов создаёт ореол.

У нас в стране мало знают разведчиков, они стыдятся своей работы и своего звания, поэтому у нас нет притока новых сил.

Надо популяризовать работу разведки и контрразведки. Пропагандировать разведку — значит привлечь молодёжь, талантливых людей, девушек, учёных...

Разведчик — настоящий патриот, герой, деятель своей страны. Надо разъяснять значение разведки и роль разведчика. Дать ряд хороших статей, брошюр. Переработать и издать некоторые хорошие книжки по разведке. Нужно изучить иностранный опыт разведки и богатую технику этого дела...

Необходимо провести грань между социалистической разведкой и буржуазной, между социалистическим и буржуазным разведчиком.

Нам нужна идейная разведка, необходимо определить мораль нашей разведки, например двойничество нам не подходит.

Буржуазные шпионы бесчестны, беспринципны, продажны, их вербуют на страхе, на их пороках, широко используют проституцию.

Наши провалы в большинстве своём происходят из-за отсутствия идейности. Мы, подбирая своих людей, должны основательно прощупать идейность и преданность их.

Разведчик принципиальный, идейный, честный и преданный своей Родине...

Надо усиленно готовить разведчиков. Необходимо школ побольше, необходимо количество школ увеличить. Школа не даёт готового разведчика. Необходимо иметь два вида разведчиков: один вид — организация разведчиков замкнутая, состоящая из опытных, проверенных, активных разведчиков; другой вид людей, которые находятся в сфере разведки, подготавливаются к работе в разведке исподволь, составляют большую среду вокруг разведки, посылаются за границу, эти

люди изучают страну, осваиваются, совершенствуют свои знания языка, приобретают необходимые навыки, они наблюдают, выполняют исключительно задания, на которых не могут провалиться. После одного-двух лет этих людей вызывают обратно, проверяют, дают дополнительную подготовку, наиболее способных можно будет отправить на активную разведывательную работу. Если из ста человек таких людей можно будет отобрать 10 или 20, будет хорошо.

...Хорошая разведка может отсрочить войны. Сильная разведка врага и наша немощь — провокация войны».

Будем откровенны: размеренное и неторопливое течение службы не приносило Шебаршину того удовлетворения, которое он получал на оперативной работе. Но тут уж ничего не поделаешь. Леонид Владимирович хорошо понимал, что последствия предательства Кузичкина в Тегеране не могут пройти бесследно, что они так или иначе отразятся на его репутации и служебных перспективах. И всё же любые, даже косвенные напоминания о провале возглавляемой им резидентуры он воспринимал болезненно.

Именно поэтому напряжённо прошла его первая беседа с начальником информационно-аналитической службы ПГУ^[18] генералом Н. С. Леоновым, во время которой тот предложил Леониду Владимировичу перейти работать к нему заместителем. Думается, что Шебаршин чересчур остро воспринял слова Николая Сергеевича о том, что новая должность для него — шанс проявить и реабилитировать себя. Во-первых, в службе разведки любой руководитель обязан называть неприятные и горькие вещи своими именами. А во-вторых, Леонид Владимирович тогда и не представлял, сколько усилий проявил Леонов, чтобы заполучить нового сотрудника!

До Леонова не раз доходил слух, что в соседнем управлении «прозябает» очень способный разведчик и одарённый аналитик. А ему был очень нужен толковый помощник по региону, в котором работал Шебаршин. Надо было найти подходящий случай, чтобы переговорить, желательно — в неформальной обстановке, с В. А. Крючковым, который был в то время начальником ПГУ и, естественно, хорошо знал, что произошло в Тегеране. Такой случай скоро представился... в Афганистане, куда Леонов прилетел вместе с Крючковым в очередную командировку. «100 грамм для дезинфекции» (существовало твёрдое убеждение, что в Кабуле без них не обойтись) располагали к откровенному разговору. Но

Владимир Александрович не был готов к окончательному решению вопроса по Шебаршину и обещал вернуться к этой теме в Москве. В конце концов под нажимом Леонова своё обещание Крючков сдержал — согласие начальника ПГУ было получено. Так Шебаршин оказался заместителем у Леонова.

Интенсивность новой работы Леонида Владимировича оказалась неизмеримо большей, чем на предшествующем месте. И он был несказанно рад этому после периода вынужденного «застоя».

Поток информации не останавливался ни на минуту. Надо было не просто отслеживать огромное число информационных сообщений, поступающих из-за рубежа по каналам разведки, но улавливать и выделять в этом потоке самое важное. Для этого необходимо было следить за ещё более обширной открытой информацией — сообщениями телеграфных агентств, печати, радио и телевидения. Как отмечал Шебаршин, нельзя было допустить, чтобы информационная лавина увлекла тебя за собой. Нужно было разобраться в хаотичном нагромождении событий, уметь отличать главное от второстепенного. В большинстве случаев это было невозможно без видения происходящего в историческом и культурном контекстах, без знания особенностей того или иного региона. Поэтому приходилось знакомиться с иностранной и отечественной фундаментальной литературой, научно-исследовательскими материалами, специализированными журналами.

Составить представление об объёме только официальных материалов, проходящих через управление, можно по такому факту: документы здесь переводили с тридцати двух языков мира. При этом несколько языков, например язык африкаанс, были очень редкими.

Управление работало на полную катушку и по ночам. Специалисты отбирали наиболее важные телеграммы резидентов, с которыми либо сам Леонов, либо его дежурный заместитель шёл к начальнику ПГУ с докладом. Всегда надо было быть готовым к ответу на вопрос о достоверности информации, так как дальше телеграммы шли к председателю КГБ и направлялись в политическое руководство страны. Вариантов ответа было несколько:

«надёжный источник» — это значило, что содержание телеграмм не вызывало сомнений;

«материал требует проверки» — в этом случае осуществлялись необходимые мероприятия для дополнительной проверки;

«источник сомнительный, пахнет провокацией» — самый сложный случай, который требовал пояснений, почему источник вызывает недоверие

(замалчивать информацию, не докладывать о ней было нельзя).

Шебаршин замечал, что некоторым оперативным работникам было свойственно довольно снисходительное отношение к сотрудникам информационной службы, на профессиональном языке — к информаторам. Когда-то и ему не удалось избежать этого греха. Работа в информационном управлении коренным образом меняла отношение к этой исключительно важной службе. В последующие годы Шебаршин не раз предостерегал оперативных работников от недооценки информаторов. По его мнению, это совершенно удивительные люди, своеобразная корпорация мыслителей, безотказных, знающих абсолютно всё, что только можно знать в разведке. Ведь важно не только добыть секретную информацию — необходимо осмыслить её, сопоставить с тем, что уже известно, привести сведения в понятный и удобный вид.

Как показали уже первые месяцы работы, Шебаршин был аналитиком от Бога. В этом убедился не только Леонов. И Крючков довольно быстро понял, что имеет дело с профессионалом высокого класса.

Это и определило его последующий быстрый рост: за сравнительно короткое время пребывания в новой должности он получил генеральское звание, а когда весной 1987 года ушёл на пенсию уже хорошо знакомый нам Я. П. Медяник, стал заместителем начальника ПГУ.

В то же время прошедший период ознаменовался для нашего героя не только профессиональным ростом и быстрым продвижением по служебной лестнице. Минувшие годы стали для Леонида Владимировича временем горьких личных потерь.

Омрачился трагедией конец 1983 года. Скончался от тяжёлой болезни его самый близкий друг, разведчик Юрий Васильевич Нефёдов. Этот жизнерадостный, беспредельно добрый, талантливый человек, который для Шебаршина был опорой в тяжёлые минуты жизни, угасал долго и мучительно. Он ушёл из жизни полностью парализованным, лишившимся дара речи.

А буквально через несколько дней последовал новый страшный удар судьбы: в январе 1984 года от приступа астмы скончалась дочь Таня. Ей было всего 19 лет. За год до трагедии она вышла замуж, а умерла, когда её сыну Серёже, внуку Шебаршиных, было всего полтора месяца.

Вскоре последовало ещё одно трагическое событие, которое стало общим несчастьем для большинства советских людей и конечно же для тех, кто олицетворял щит и меч Страны Советов, — смерть Ю. В. Андропова. Шебаршин отмечал, что в разведке его уважали, и он высоко ценил разведку. Будучи председателем КГБ, занимая высочайшее партийное и

государственное положение, Андропов поддерживал постоянный контакт с ПГУ.

Леониду Владимировичу в течение 1974–1981 годов довелось побывать у Юрия Владимировича шесть раз. Об этих посещениях он оставил воспоминания:

«Можно представить себе душевный трепет рядового оперативного работника, который идёт на приём к председателю. Ощущение скованности, волнение исчезли сразу же после первого крепкого рукопожатия. Юрий Владимирович, думаю, мне, обладал даром располагать к себе людей своей безыскусной, абсолютно естественной манерой общения. Коллега разговаривал с коллегой. Его интерес к мнению собеседника был искренним, вопросы задавались по делу, по тем проблемам, которые именно в тот момент требовали выяснения. Андропов допускал возражения, кажется, не прочь был поспорить и охотно шутил.

Он принимал меня накануне и во время моей иранской командировки. „Смотри, брат, — напутствовал он меня перед отъездом, — персы такой народ, что мигом могут посадить тебя в лужу, и охнуть не успеешь!“ Как бы продолжая какой-то спор, Юрий Владимирович предупредил против иллюзий по поводу непрочности и недолговечности власти шиитского духовенства (Хомейни лишь недавно вернулся в Иран). И добавил, что надо внимательно разобраться в потенциале демократического движения: „Думается мне, что перспективы у левых в Иране нет“. Юрий Владимирович оказался прав».

...Жизнь продолжалась.

В 1984 году состоялась первая служебная поездка Шебаршина в Афганистан, за которой последовала длинная череда командировок в страну, в которой ни на минуту не прекращались боевые действия. Думаю, что в оценках афганских событий сказалось сложное положение Леонида Владимировича как высокопоставленного сотрудника советской разведки. С одной стороны — чувство долга, высокой ответственности за важные участки работы, связанные с Афганистаном. С другой — негативное отношение к происходящему: всё предприятие, начиная со штурма дворца афганского лидера Хафизуллы Амина и ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 года, он называет авантюрой.

Речь идёт отнюдь не только о просчётах советского руководства,

которые, безусловно, были и нанесли ощутимый урон престижу страны. Нетрудно заметить другое: важнейшие внешнеполитические проблемы Шебаршин выводит из контекста холодной войны. Упоминание о ней есть, но упоминание это проникнуто сарказмом: по мнению Шебаршина, мир холодной войны, в котором жили «кремлёвские вожди», вовлекал их «в безвыходные ситуации».

Впрочем, Леонид Владимирович замечает:

«Если учесть общую международную ситуацию 1979 года и менталитет советских руководителей, то их решение вмешаться в афганские дела вполне объяснимо. Американцы терпели неудачу в Иране, и их флот появился в Персидском заливе. Военно-политическая конфронтация между Западом и СССР нарастала. Страхи перед возможностью проникновения американцев в Афганистан были реальными, хотя преувеличенными».

Обращает на себя внимание и изменившийся характер терминологии, к которой прибегает наш герой, и его попытка дистанцироваться от понятия «холодная война», которая, как известно, определяла основное направление, содержание и характер деятельности КГБ на протяжении нескольких десятилетий. Здесь, видимо, сказалось агрессивное воздействие либеральной пропаганды в период перестройки. Либерал-демократы считали холодную войну «навязчивой идеей Кремля», захлѐб славили и до небес превозносили «миролюбие» США, а вкупе с ним — «демократию» и «права человека» по-американски, насаждавшиеся в различных регионах мира огнѐм и мечом. Кончилось это тем, что авторитет и обороноспособность России её тщеславные правители с «новым мышлением» променяли на «дружбу» с американскими президентами («мой друг Билл»), сомнительные титулы и премии («лучший немец года») или просто на улыбки Маргарет Тэтчер. Афганистан в результате такой «политики» был оккупирован Соединѐнными Штатами и превращѐн в крупнейший плацдарм нарковойны против России. И просто так уходить отсюда американцы, которые ведут войну в Афганистане уже на протяжении второго десятилетия, не намерены.

В позиции Шебаршина по Афганистану видны и некоторые противоречия. С одной стороны, он положительно и, думается, вполне заслуженно оценивает роль Комитета государственной безопасности СССР, который «играл активнейшую роль на всех этапах афганской эпопеи, от организации переворота до вывода войск».

Советники КГБ, рассказывал Леонид Владимирович, учили сотрудников афганской Службы государственной информации (переименованной позже в Министерство государственной безопасности), помогали им разрабатывать и проводить оперативные мероприятия, ставить деятельность СГИ на прочную организационную основу.

Шебаршин выделял одно очень важное направление в этой работе:

«Именно в ходе этого взаимодействия была разработана и практически осуществлялась концепция установления договорных отношений между афганскими властями и вооружёнными формированиями оппозиции. Это была сложная, кропотливая работа, требовавшая детальной осведомлённости о положении дел в стане противника, о взаимоотношениях предводителей отдельных племён, кланов, групп. Отыскивались посредники, которые помогали устанавливать нужные контакты, велись длительные переговоры. В обмен на согласие прекратить огонь оппозиционеры получали продовольствие, деньги, оружие. Договорённости часто нарушались обеими сторонами. Власти нередко не выполняли своих обязательств, оппозиционеры — своих. Война продолжалась по всему Афганистану, но работа СГИ давала существенный результат. Оппозиция не смогла создать единого антиправительственного фронта не только в силу своих внутренних органических разногласий. Усилия ЦРУ США и пакистанской военной разведки, направленные на сплочение оппозиции, уравнивались усилиями органов государственной безопасности Афганистана, опиравшихся на поддержку КГБ СССР. Военные разведчики устанавливали и успешно развивали отношения со многими лидерами оппозиции, в том числе и с известным Ахмад-Шахом Масудом».

Вместе с тем, когда знакомишься с опубликованными воспоминаниями Шебаршина, создаётся впечатление, что на этом перечень наших позитивных дел в Афганистане и заканчивается. А кроме советников и подразделений КГБ никакие другие службы и организации вроде бы и не имеют права претендовать на положительную оценку своей деятельности.

Видимо, на суждениях Шебаршина всё же сказалась специфика общения, круга людей (как с советской, так и с афганской стороны), с которым приходилось ему иметь дело в командировках. Только этим можно, например, объяснить такое высказывание:

«Потребовалось несколько лет, чтобы убедиться, никогда не признавая этого публично, что межведомственное соперничество способно парализовать любое действие. Что институт партийных, комсомольских и административных советников некомпетентен. Что армия не приспособлена к ведению боевых действий в афганских условиях. Что всё это вместе взятое является продуктом упадка нашей собственной системы».

Некомпетентного человека, обывателя подобные заявления способны повергнуть в ужас — ведь перед глазами встают картины всеобщего хаоса и анархии. И на этом фоне как-то кажется странным, что катастрофы в Афганистане всё же не случилось. И что за несколько лет военных действий ситуация в стране ни разу не вышла из-под контроля советской стороны. Хорошо известно, например, что противник исключительно высоко ценил боеспособность наших воинских частей и подразделений, которые несли в условиях войны минимальные потери и организованно вернулись на родину. Думается, существенный задел на будущее оставил «за речкой» и хорошо подготовленный к решению специфических задач советнический аппарат, в большинстве своём честно исполнявший свой долг, и большой отряд специалистов, поддерживавший (нередко с риском для жизни) жизнеспособность хозяйственного механизма страны, и, конечно, дипломатический корпус.

Мы не были завоевателями и не оставили после себя атмосферы ненависти, как предрекали наши недруги.

Об этом, например, свидетельствует рассказ самого Леонида Владимировича о его командировке в Герат — провинциальный центр Афганистана (состоялась эта поездка в ноябре 1989 года, через несколько месяцев после окончания войны):

«Мы уже побеседовали с генерал-губернатором Халекъяром. Провинция восстанавливается, народ работает, торгует, учится. Строится около шести тысяч личных домов. В городе, где живёт сто шестьдесят тысяч жителей, действует сто двадцать школ, и грамотность здесь выше, чем в любом другом районе Афганистана. Сунниты и шииты живут мирно, банды складывают оружие. Остаётся несколько непримиримых групп, но их дни сочтены. „У самого крупного главаря, закоренелого врага власти, Турана Исмаила, — говорит генерал-губернатор, — остался один выбор: бежать в Иран или сдаваться“...

Несколько лет назад в Герате вела ожесточённые бои Советская армия. Не оставили ли эти печальные события тяжёлого следа в сознании гератцев, как смотрят они сейчас на Север — со страхом, с ненавистью, с неприязнью?

„Ничего подобного, — в один голос утверждают собеседники, — была, конечно, война, были жертвы и разрушения, но всё это прошло. Советские войска оказывали помощь нуждающимся, давали хлеб и керосин, прикрывали от бандитов, лечили больных“... Была война — люди жили одними чувствами, кончилась война — надо забывать плохое, а без северного соседа Герату будет трудно.

Дауд-хан — предводитель крупного пуштунского вооружённого формирования. Долгие годы и воевавший с властью, и друживший с ней. Добрый друг Советской армии в последнее время её пребывания в Герате. Дауд-хан представитель, красив, как киноактёр, щеголеват, лихо сидит на его голове традиционный тюрбан племени нурзаев. И у него, человека, который бил нас и которого били мы, нет горьких воспоминаний о прошлом. С Советским Союзом надо дружить, без этого у Афганистана будущего нет».

ОДИН ДЕНЬ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДКИ

В апреле 1987 года Шебаршин был назначен на должность заместителя начальника Первого главного управления, которую, как мы уже говорили, перед ним занимал вышедший на пенсию генерал-майор Я. П. Медяник.

В круг обязанностей Леонида Владимировича входило руководство деятельностью службы в странах Ближнего и Среднего Востока и Африке. Забот, как отмечал Шебаршин, значительно прибавилось. Вот когда в полной мере потребовался его большой оперативный и аналитический опыт, приобретённый в зарубежных командировках и в Центре, — ведь замначальника ПГУ полностью отвечает за состояние работы в своём регионе. А для этого он прежде всего обязан разбираться в ней в деталях. Он должен постоянно следить за развитием событий в «горячих точках», которые разбросаны по всему региону, знать всех ведущих работников в Центре и на местах, контролировать работу с наиболее интересными источниками, особенно из числа граждан США и западных стран. К этому надо добавить поддержание контактов с различными внешнеполитическими и экономическими ведомствами, а также участие в качестве эксперта в разного рода комиссиях.

Не забывал Шебаршин и о своей личной оперативной работе, о чём следует сказать особо. Не все руководители и коллеги это воспринимали как должное, но для него это было делом чести, важным этическим принципом: он был убеждён, что каждый руководящий сотрудник разведки должен лично заниматься живой оперативной работой в самом прямом смысле этого слова. Он должен встречаться с источниками (как на территории своей страны, так и за рубежом), получать информацию политического и оперативного характера, работать со связями.

Можно назвать это предубеждением, но Леонид Владимирович считал, что телефоны и бумаги привязывают руководителя к письменному столу, документ нередко становится не результатом оперативного усилия, а лишь его суррогатом, рождённым в недрах кабинетов искусственным, казённо-канцелярским способом. Бумаги подавляют людей. Они живут самостоятельной жизнью, порождают другие бумаги, а за ними исчезают человеческие лица, не видится и не ощущается то нервное напряжение, ценой которого приобретаются источники, поддерживается связь с ними, добывается информация.

Если руководитель время от времени не будет погружаться в живое оперативное дело, он рискует выродиться в канцеляриста, администратора общего профиля, которому не место в разведке.

И ещё. Заместители начальника разведки — люди в службе чрезвычайно авторитетные. Они арбитры в трениях, которые могут возникать и нередко возникают между структурными подразделениями управления, их мнение является окончательным в сложных оперативных ситуациях и кадровых вопросах. Как считал Леонид Владимирович, особенно ответственное и тонкое дело — контакт с оперативными работниками, живое участие в их судьбе, поддержка в трудную минуту. Любые усилия здесь окупятся сторицей. Доброжелательное внимание со стороны начальника стимулирует работника, помогает разрешить какие-то его сомнения, уточнить жизненные ориентиры, поддержать веру в необходимость сложного и специфического дела.

«Обиженные в службе, — писал Шебаршин, — встречаются нередко. Людям вообще трудно даётся правильная самооценка, и мы в этом отношении не исключение. Сколько раз мне приходилось убеждать своих и старых, и молодых коллег, что мнение окружающих, их оценка твоей деятельности — это единственное зеркало, в котором можно увидеть самого себя; что следует искать причины своих трудностей не в обстоятельствах и не в других людях, а в первую очередь в самом себе. Возможно, кого-то подобные беседы-проповеди утомляли, но многим людям удалось помочь добрым участием в их судьбе».

В октябре 1988 года В. А. Крючков был назначен председателем Комитета госбезопасности СССР. Более трёх месяцев разведка оставалась без начальника, и всё это время умы сотрудников, естественно, занимал вопрос: кто же будет преемником Крюčkова? Задавался им конечно же и Шебаршин. И решил для себя, что в случае, если ему вдруг поступит такое предложение, ответит отказом — слишком велика ответственность, да и не было у Леонида Владимировича «желания менять ставшую привычной, освоенную работу на неизведанное, близкое к высоким сферам место».

Но всё решилось как-то быстро и неожиданным образом. Вечером 23 января 1989 года Шебаршину позвонил Крючков и предупредил, что ему надо явиться в приёмную генерального секретаря ЦК КПСС к девяти часам утра следующего дня. На этом разговор и закончился. Вот как описывает встречу с Горбачёвым сам Леонид Владимирович:

«В девять ноль-ноль я был на месте, появился Крючков, зашли вместе в приёмную. В кремлёвских коридорах физически

ощущаешь атмосферу власти — я там был во второй раз. Прошёл В. И. Болдин — неприметный человек с острым взглядом. Крючков на несколько минут отлучился с ним, вернулся, и мы проследовали в кабинет М. С. Горбачёва. Генеральный секретарь был сух, строг, поздоровался со мной без малейшего видимого интереса и дал короткое наставление. Суть его — Советский Союз идёт к очень серьёзным договорённостям в области разоружения. Важно не допустить, чтобы нас поставили в невыгодное положение. Это главная задача разведки. Примерно так. Я поблагодарил за доверие».

В тот же день было принято постановление Политбюро ЦК КПСС о назначении Л. В. Шебаршина заместителем председателя — начальником Первого главного управления КГБ СССР.

Внешне всё произошло довольно просто и обыденно.

Нашему герою сразу же пришлось столкнуться с массой новых обязанностей, с которыми раньше ему не приходилось сталкиваться. Перед ним был непечатый край проблем, многие из которых Шебаршину были абсолютно неизвестны. Совершенно иной круг всевозможных контактов. И к тому же должность заместителя председателя КГБ означала необходимость осваиваться с делами всего комитета.

Как вспоминает Шебаршин, первые недели он проводил на работе по 15–16 часов, плохо спал, просыпался среди ночи, додумывал какую-то мысль и поднимался утром с таким ощущением, что всего лишь на минуту закрыл глаза.

Однако «постепенно при поддержке коллег, с помощью Крюčkова^[19] всё стало вставать на свои места. Перестали путаться телефоны и кнопки на пульте прямой связи, налаживался распорядок дня. Жизнь вошла в колею».

У руководителей ПГУ есть и привилегии. К их услугам — в любое время дня и ночи автомашина, оборудованная засекреченной связью. У кого нет своей дачи, тот может жить в маленьком посёлке, расположенном поблизости от основного здания ПГУ. На служебной даче — в трёхкомнатном домике с верандой — и поселился Шебаршин с женой, лишь изредка заезжая на свою городскую квартиру.

...Октябрь 1990-го. Холодное осеннее утро.

Дачный посёлок.

Ещё полчаса до рабочего дня, который начинается в восемь.

Обязательная ежедневная прогулка от дома и до работы, когда можно обдумать намеченные дела и полюбоваться подмосковным лесом. Шебаршин любил это утреннее время — полчаса наедине с собой. Хорошо знакомая, изо дня в день повторяющаяся картина:

«По боковой дорожке бежит, размахивая руками, человек в синем спортивном костюме и пёстрой вязаной шапочке. Председатель КГБ Крючков занимается утренней гимнастикой. Владимир Александрович обладает железной волей, постоянством привычек и убеждений. Утренняя гимнастика для него не только (и я подозреваю, не столько) физическая, но и духовная потребность. Жизнь заставляла этого человека ложиться спать на рассвете или не ложиться вообще, но ни разу не смогла заставить его отказаться от зарядки. Вчера председатель уснул не раньше часа ночи. Я знаю это определённо — в половине первого он будил меня телефонным звонком из машины по дороге на дачу. Вежливо кланяюсь, Владимир Александрович машет рукой и, к моему облегчению, продолжает бег. Изредка бывает по-другому. Он приостанавливается и даёт какое-то поручение, как правило, срочное, и это означает, что спокойного дня не будет».

Ранним утром в здании ПГУ ещё тихо. Дежурный встречает Шебаршина докладом, затем приносит в кабинет стакан крепкого чая и пачку газет. Свежие новости, впрочем — ничего необычного: вооружённые стычки в Нагорном Карабахе, избиение палестинцев в Восточном Иерусалиме, развиваются советско-американские контакты, зарубежные газеты хвалят Горбачёва... Встречается одно любопытное сообщение: «Краснопресненский райсовет Москвы объявил объектами своей исключительной собственности не только землю и недра, но даже воздушное пространство, простирающееся над его территорией».

Курьёзная новость порождает невесёлые мысли. Демократия мутит людям рассудок. Что же с нами происходит? Куда же мы всем многомиллионным народом валимся, в какую пропасть, кто ведёт нас?..

Входит без стука шифровальщик — он имеет такое право, поскольку обязан докладывать срочные и важные телеграммы в любое время суток, независимо от того, что происходит в кабинете начальника управления и кто у него находится.

Телеграмм много. Всё чаще поступают сообщения о вербовочных подходах к советским гражданам. Работают грубо. Куда только девались

европейская деликатность и осторожность, которую всегда проявляли западные службы контрразведки в отношении наших сотрудников! Ещё совсем недавно грубость могла вызвать столь же грубые ответные меры, дипломатические скандалы, политические осложнения. Но политика нового мышления дала свои плоды. Шебаршин каждый день видит, как пренебрежительно относятся к Советскому Союзу, а наш МИД больше всего на свете боится обидеть западных партнёров. Упаси бог, как можно протестовать?!

И западные спецслужбы перестают стесняться. Наших специалистов, дипломатов, разведчиков отлавливают и говорят примерно следующее: «Вы молодой и способный человек, но перспектив в Советском Союзе у вас нет. Ваша страна разваливается, жизнь государственного служащего становится всё тяжелее, надежды на улучшение положения нет. Вы вернётесь домой и будете вынуждены каждый день думать, где добыть кусок хлеба для своей семьи».

Тональность и детали разговора могут меняться, канва же его неизменна — она разработана американцами и принята на вооружение их союзниками по НАТО. В западном разведывательном сообществе стараются не мешкать: «Русские вербуются! Не теряйте времени — вербуйте!»

По заданию Шебаршина ПГУ проанализировало работу американских и западных спецслужб с советскими гражданами. «Картина, — отмечал Леонид Владимирович, — получилась впечатляющая: за дымовой завесой о партнёрстве, новом мышлении, сотрудничестве вместо соперничества, человеческих контактов ведётся тотальное наглое наступление на Советский Союз. КГБ направляет доклад и предложения о контрмерах президенту Горбачёву и министру иностранных дел Шеварднадзе. Никакого решения по докладу не принимается...

Руководство всё дальше отрывается от реальности, зажимает глаза, чтобы не ослепнуть от жестокой правды. Что-то неладно в наших верхах и не только с точки зрения большой политики».

Из других сообщений внимание Шебаршина привлекает телеграмма из Берлина. Там идёт расправа над бывшими сотрудниками Министерства госбезопасности, коллегами-разведчиками. Они рассчитывают на моральную поддержку советского руководства. Это очень больной вопрос. Ещё год назад министр иностранных дел Шеварднадзе не без нотки искренности говорил в Верховном Совете о неразумности тех, кто советует повернуться спиной к старым друзьям. «Новое мышление, — наставлял он тогда неразумных, — прежде всего подразумевает такие вечные ценности,

как честность, верность, порядочность». За год много воды утекло, и теперь в Кремле о старых друзьях стараются не вспоминать...

На докладе — начальник нелегальной разведки Ю. И. Дроздов. Самое неприятное — в конце. Получено и расшифровано письмо от нелегала. «... Предательство социализма... развал Советского государства... бездумные уступки Западу... предательство союзников... непонятно, чем руководствуются в Кремле... люди ЦРУ в советских верхах...» И — вместо вывода: «Куда смотрите вы? Невыносимо тяжело наблюдать всё, что происходит в нашем Отечестве. Но вы можете быть уверены, что я выполняю свой долг до конца».

Прочитав, Шебаршин смотрит на генерала, сидящего напротив:

«Так что будем делать? Председателю это письмо пошлём, пусть почитает, может, что-то Горбачёву процитирует... Нашего сотрудника надо успокоить: ещё ничто не потеряно, наша работа нужна Родине, ну и так далее, потеплее. Но что же будем делать, дорогой товарищ генерал? Куда мы катимся? Куда нас, как стадо баранов, ведут? Почему игнорируют нашу информацию? Крючков докладывает наверх, а там всё бесследно растворяется?»

Леонид Владимирович понимает, что вопросы, которые он сейчас задаёт, — наивны. Ответ ясен, но его страшно сформулировать даже для себя. Трудно признать, что некоторые руководители разведки подпали под обаяние самовлюблённых, корыстных шарлатанов, что их подвела многолетняя привычка подчиняться и верить начальству, не подвергать сомнению его мудрость и честность...

Собеседник Шебаршина взрывается гневной тирадой. Генерал — не просто руководитель нелегальной разведки. Он — офицер-фронтовик, участник штурма Берлина, до глубины души уязвлён унижением своей родины. Он говорит сдавленным, дрожащим от ярости голосом. Повисает без ответа вопрос: «Что же делать?»...

Во второй половине дня — ежемесячное совещание руководства Первого главного управления, на котором присутствуют заместители начальника ПГУ, начальники управлений и служб — всего около двадцати человек. Основной вопрос: моральное состояние коллектива и меры противодействия пропагандистской кампании, ведущейся в Советском Союзе против Комитета государственной безопасности и его разведки.

На днях проводил совещание руководства КГБ Крючков. Председатель предельно откровенен: «В стране развёртывается кампания, целью которой является ликвидация КГБ как политического фактора». Положение обострилось до предела. КГБ клуют со всех сторон. В своей стране горы

небылиц нагромождают газеты и телевидение. За рубежом всё более чувствительные удары по нашей разведке наносит противник. Люди нервничают. Некоторые уходят из Службы, другие, даже закалённые и проверенные, начинают колебаться.

«Чужая рука дотягивается до нас в нашем собственном доме» — подобные мысли посещают не только Шебаршина. Все сотрудники тяжело переживают серьёзные издержки нового курса, которые с каждым днём становятся всё более тревожными и оборачиваются многочисленными опасностями для страны и народа.

На первый взгляд события приобретали всё более непредсказуемый характер. Но люди образованные и думающие без труда усматривали в их развитии вполне определённую последовательность, в основе которой лежал сложный и хорошо продуманный сценарий. В полной мере обнажили себя и те силы, которые этот сценарий осуществляли, «дирижировали» процессом развала великой державы, используя огромную и практически неприкрытую финансовую, политическую и моральную поддержку Запада. «Архитекторы» и «прорабы» внутри страны опирались на «пятую колонну», сформированную из врагов социалистического строя и ненавистников советской власти.

Дестабилизация положения в стране, конечно, не могла не сказаться на разведке. И всё же, как считал Шебаршин, раскола в сообществе разведчиков удалось избежать. Сказались привычка к дисциплине, чувство товарищества, профессиональная осмотрительность. Для того чтобы гасить потенциальные раздоры, иногда приходилось призывать людей к уважению чужих взглядов, предупреждать против проявлений нетерпимости по отношению к инакомыслящим.

Но главное, в КГБ и разведке не так-то просто было расшатать прочный идейный стержень, вокруг которого консолидировались внушительные силы сотрудников. Большинство людей оставались верными идеалам, на которых их воспитывали и которые они защищали от всевозможных посягательств. По словам Шебаршина, «была сильна надежда на возможность сохранения единого федеративного государства, вера в неисчерпаемые возможности социалистического строя». Как непосредственное руководство к действию все сотрудники ПГУ восприняли задачу, поставленную Крючковым: «Главное в нашей работе — не допустить разрушения Союза».

По воспоминаниям Леонида Владимировича, в среде разведчиков «серьёзное сопротивление вызывали попытки отказаться от понятия и термина „главный противник“», обозначавшего, как мы уже говорили,

Соединённые Штаты Америки. «Людям, которые десятилетиями работали по „главному противнику“, было трудно привыкнуть к тому, что советско-американские отношения утратили конфронтационный характер и эра холодной войны завершилась, а следовательно, и подход разведки к работе по США должен быть пересмотрен. Надо сказать, что аргументы противников отказа от привычного термина^[20] были весомыми. В выступлениях американских официальных лиц — вице-президента Куэйла, министра обороны Чейни, да и самого президента Буша — с удручающей регулярностью звучал тезис о том, что именно Советский Союз остаётся для США главным противником».

Кроме того, как отмечал Шебаршин, «разведка видела, что в условиях быстрого улучшения наших отношений с Соединёнными Штатами, невиданного развития человеческих контактов на всех уровнях наши коллеги из ЦРУ удвоили и утроили свои усилия, направленные на приобретение агентуры из числа советских граждан. К сожалению, эти усилия не всегда оставались безрезультатными...

Наконец, нельзя согласиться с тем, что участие, проявленное Соединёнными Штатами к делам Советского Союза, носило исключительно благотворный характер... Передачи радиостанции „Свобода“, финансируемой Конгрессом США, например, немало способствовали тому, что межнациональная рознь в нашей стране приобрела столь острый и непримиримый характер».

Чрезмерного доверия к так называемой «политике нового мышления» и разговорам о разрядке, к декларациям Запада о его готовности к открытым диалогам с СССР Леонид Владимирович никогда не испытывал. Руководитель советской разведки располагал материалами, которые заставляли его критично подходить и к политике руководства страны, и к деятельности либерально-демократических кругов, и к состоянию дел на международной арене.

Не верил Шебаршин в искренность руководителей страны и политических пигмеев, вынесенных откуда-то мутной волной перестройки. Не заблуждался он и по поводу стратегической линии США и НАТО. Для примера приведём отрывок из его доклада в ПГУ, посвящённого семидесятилетию советской разведки^[21]:

«...Не должно быть иллюзий, будто заверения об окончании холодной войны, о поддержке перестройки в СССР и готовности к сотрудничеству с ним означают окончательный отказ влиятельных сил в Соединённых Штатах от подхода к СССР как

к своему главному противнику. На это потребуется время. Пока же стратегия США на девяностые годы предусматривает модернизацию всех компонентов американской ядерной триады, развитие технологий стратегической обороны и укрепление обычных вооружённых сил, поощрение выгодных Западу преобразований в СССР, жёсткий контроль за передачей Советскому Союзу новейшей техники и технологии.

Сложную трансформацию претерпевает блок НАТО. Углубляя политический диалог с Советским Союзом, сокращая расходы на оборону и личный состав вооружённых сил, страны — члены блока оставляют в неприкосновенности военные структуры и ядерный потенциал НАТО. Североатлантический альянс создавался для войны, и процессы ослабления военного компонента его деятельности пока только декларированы...

Есть один специфический фактор, который, к сожалению, продолжает действовать, несмотря на очевидные позитивные изменения во всей атмосфере международной жизни. Хочу на нём остановиться несколько подробнее. Те негативные явления, которые мы наблюдаем в нашем обществе, межнациональная рознь, политический экстремизм, всеобщий упадок нравов, анархический нигилизм, интеллектуальная и публицистическая корыстная суэта уходят корнями в нашу отечественную действительность. Но не следует забывать и о том, что десятилетиями денно и нощно, во времена холодной войны и в периоды оттепелей и разрядок внешние силы делали всё возможное, чтобы расколоть наше общество, очернить историю нашей великой державы, настроить народ против народа, брата против брата, ввергнуть нас в смятение, заставить убивать друг друга. Эта явная и тайная работа продолжается и по сей день. Меняются обличья, меняются вывески, меняются средства, но не меняется цель этой деятельности — максимально ослабить наше государство, сделать его второстепенным членом мирового сообщества, объектом мелочной помощи и крупномасштабного грабежа».

Как видим, здесь Леонид Владимирович занимает чёткую и недвусмысленную позицию.

Но по некоторым принципиальным вопросам взгляды Шебаршина расходились с позицией руководства КГБ, прежде всего его председателя

Крючкова. Так, у них были серьёзные различия в понимании роли КПСС в государстве и обществе, её дальнейших перспектив. В упомянутом выступлении перед руководящим составом КГБ осенью 1990 года Крючков, в частности, отмечал:

«Партия перестала бороться за авангардную роль в обществе. Недопустимо говорить о деполитизации — органы госбезопасности не могут стоять вне политики, отсиживаться в сторонке. Что касается департизации, то сам коллектив должен решать, быть ли партийным организациям в стенах госбезопасности. Никто не может лишить человека права состоять в партии. Я против департизации. Партийные организации оробели. Разве они не имеют права спросить коммуниста, как он работает? Надо идти в коллективы, проявлять великое терпение, участвовать в выборных кампаниях. Мы должны отстоять социализм».

А теперь предоставим слово Шебаршину и процитируем его высказывание из книги «Из жизни начальника разведки» (М., 1994):

«Мои взгляды на положение и перспективы партии начинают заметно отличаться от взглядов председателя, и ему это известно. Я против того, чтобы партийные организации встречали, как это было раньше, в наши служебные дела, но думаю, что они могут играть полезную воспитующую и дисциплинирующую роль. Главное же не в этом — Крючков никак не может смириться с мыслью о том, что коммунистическая партия обречена на гибель, он полагает, что и органы госбезопасности могут погибнуть вместе с ней».

Ниже Шебаршин приводит довольно любопытные слова известного американского дипломата, бывшего посла США в СССР Дж. Кеннана:

«Если что-нибудь подорвало бы единство и эффективность партии как политического инструмента, Советская Россия могла бы мгновенно превратиться из одной из сильнейших в одну из слабейших и самую жалкую страну мира». Что ж, ничего не скажешь — иноземный политик глубже многих наших отечественных деятелей понимал значение партии как

важнейшего государственного механизма, исторически сложившуюся руководящую роль КПСС в стране и обществе. Но если мы были согласны с Кеннаном и понимали, к чему может привести (и привело, в конце концов) разрушение главного механизма управления страной, то чем можно объяснить упорное наше стремление избавиться от этого механизма и выбросить его на свалку? Откуда бралось желание как можно скорее похоронить партию у людей образованных, информированных, понимающих, к чему это приведёт? А ещё осенью 1990 года Шебаршин утверждал: «Партия уже погибла, её добились те лицемерные, тщеславные и бездарные люди, которых она сама вырастила. Попытки возродить КПСС бесплодны, они подпитываются иллюзиями».

Это было, мягко говоря, преждевременным заявлением. Ведь несмотря на предательство ряда высокопоставленных партийных функционеров и раскольническую работу в партии заблаговременно окопавшихся в ней «кротов», XXVIII съезд КПСС, прошедший накануне, показал, что в ней ещё сохраняется здоровое ядро, способное переломить упаднические настроения и возродить страну. При этом никто из последовательных сторонников и защитников КПСС не собирался возвращаться к прошлому, к тому, что было, что раздражало людей, что привело к застойным явлениям. (Правда, тогда ещё далеко не все поняли, что принятая в марте 1990 года III съездом народных депутатов СССР по инициативе Межрегиональной депутатской группы ^[22] поправка к конституции, отменяющая руководящую роль партии, — всего лишь первый шаг на пути к полному уничтожению советской политической системы.) Вопрос тогда стоял о возрождении страны на основе критической переоценки результатов достигнутого, всестороннего анализа накопившихся серьёзных недостатков в экономике, политике и идеологии, последовательной демократизации партийной и государственной жизни.

Заметим, что ко времени, о котором идёт речь, Шебаршин одним из первых среди руководителей управлений КГБ стал сворачивать деятельность парторганизаций. «В середине 1990 года, — пишет он, — я гласно и широко объявил по Первому главному управлению, что отныне партийные органы любого уровня не должны никоим образом вмешиваться в служебные дела разведки».

А кроме того, в начале лета 1990 года Леонид Владимирович отказался от предложения Крючкова выдвинуть его кандидатуру для избрания на

XXVIII съезде КПСС в состав Центрального комитета партии. По сути дела, речь уже шла о серьёзном размежевании начальника ПГУ с председателем КГБ СССР по политическим вопросам принципиального характера.

Позиция Шебаршина такова: «Органы госбезопасности должны реформироваться из инструмента правящей партии в национальный, чисто государственный институт».

Крючков же часто и с горечью цитировал слова председателя КГБ Грузии А. А. Инаури: «Зачем нам будет нужна разведка, если мы потеряем советскую власть?»

Конечно же мнение о неизбежности краха органов госбезопасности после гибели партии не являлось бесспорным. Однако нельзя было не видеть, что к власти прорывались силы, которые мечтали об этом. Так, после событий августа 1991 года КГБ возглавил В. В. Бакатин, который прямо заявил: «Я пришёл, чтобы разрушить эту организацию». А в своей книге «Избавление от КГБ» (М., 1992) Бакатин, обогативший свою лексику презрительным словом «чекизм», так обозначил цель, которую он преследовал: «Я вынужден был не просто начать забой скота — его истребление...»^[23]

Разрушительные процессы, которые стремительно развивались в стране, уже через год привели Шебаршина к иным выводам, заставили пересмотреть свои взгляды на многие вопросы. В ноябре 1991 года он заканчивает рукопись книги «Рука Москвы» следующими словами:

«Государство, которое когда-то потребовало себе на службу нашу энергию, ум, готовность положить жизни в защиту его интересов, мертво. Этому государству уже ничто не может ни повредить, ни помочь. Оно бросило нас на произвол судьбы, подобно банкроту, промотавшему перед смертью родовое состояние. Новой эпохе мы не нужны. Её деятели с трудом терпят наше существование. Сила инерции ещё приводит в движение весь сложный, создававшийся десятилетиями усилиями десятков тысяч людей механизм, но он уже работает с перебоями, через силу. Он не нужен новой эпохе, ибо создавался он во имя отстаивания независимости, самостоятельности, могущества Отечества.

...Наша служба потребуется России. Когда это время придёт, создавать её нужно будет заново».

...Ещё одним камнем преткновения в КГБ стал вопрос о статусе службы разведки, который до прихода Шебаршина на должность начальника ПГУ не поднимался. На первый взгляд намерения Леонида Владимировича были оправданными. В условиях развязанной «пятой колонной» войны против КГБ СССР, нацеленной на полное уничтожение органов госбезопасности, такой шаг, по мнению Шебаршина, позволил бы вывести разведку из-под удара. Однако при этом он не учитывал главного: обеспечение безопасности государства — вопрос сложный и может решаться только на комплексной основе, когда руководство всеми направлениями и участками этой исключительно важной работы строго централизовано, а все службы, тесно взаимодействующие между собой, представляют единое целое. Позволить противнику ослабить это единство, вычленив из работы хотя бы одно направление, тем более такое важное, как разведка, — значит стать на путь уступок противнику, ведущий в конечном счёте если не к уничтожению, то к полной трансформации органов, которые будут вынуждены прикрывать страну дырявым щитом и размахивать деревянным мечом.

Вот что в связи с позицией Шебаршина вспоминает В. М. Прилуков, занимавший в то время должность заместителя председателя КГБ СССР — начальника Управления КГБ по Москве и Московской области:

«Моё первое знакомство с Леонидом Владимировичем произошло совершенно естественно, на заседании очередной коллегии КГБ СССР, где-то в июне или июле 1991 года.

В конце заседания коллегии Крючков обратился к присутствующим с просьбой обменяться мнениями по поводу предложения Шебаршина о выделении разведки (ПГУ) из структуры Комитета госбезопасности с предоставлением ей полной самостоятельности, в частности возможности информировать о результатах разведывательной деятельности руководящие органы власти, партийные и советские вышестоящие инстанции, минуя руководство КГБ СССР. Мотивация предложения была довольно проста: специфика разведывательно-оперативной деятельности, удалённость институтов разведки, её непричастность, по мнению Шебаршина, к так называемым „репрессиям тридцать седьмого года“, вследствие чего разведку следовало оградить от оголтелой критики правых сил.

Обсуждение этого вопроса было весьма кратким,

выступающих было немного. Опираясь на опыт работы в Ленинградском и Московском управлениях КГБ СССР, в составе которых наряду с другими оперативными подразделениями активно работали разведывательные службы, я не поддержал инициативу Леонида Владимировича (кстати, как и подавляющее большинство руководителей, присутствовавших на заседании коллегии). Суть моего выступления состояла в следующем: успехи в борьбе с противником бывают гораздо эффективнее, если все оперативные, чекистские силы собраны в один кулак, если работа идёт в едином сплочённом коллективе профессионалов-единомышленников. При этом значительно экономятся и финансовые затраты.

Помню, расходились мы после заседания коллегии в обычном, спокойном состоянии, но простился тогда со мной Леонид Владимирович довольно прохладно. Но мы уже тогда проявили интерес друг к другу, что и определило нашу дальнейшую судьбу и совместную, весьма дружную работу в одном коллективе ветеранов-чекистов после нашего увольнения из КГБ».

Как бы потом ни развивались события, у нас есть основания полагать, что тогда, в обстановке политического разброда, царившего в стране, перспективы разведки как части системы государственной безопасности были немыслимы в отрыве от КГБ.

«Можно ли было разведке не ориентироваться на КГБ и пойти своим путём? — задаётся вопросом Леонид Владимирович. — В условиях, существовавших в КГБ до августа 1991 года, это было бы расценено как мятеж. Я — не политик, а офицер разведки. Я шёл с большинством. Иллюзий по поводу перспективности этого пути не было. Своими тревогами и сомнениями я делился с коллегами в руководстве комитета и лично с Крючковым. На меня стали посматривать косо, как на потенциального „демократа“. Это было далеко от истины».

Шебаршин сетует, что ему приходится сдерживать «сепаратистские» настроения, охватившие ПГУ. Но общая ситуация в стране становится всё сложнее, и он прекрасно понимает, что этот вопрос нельзя больше ставить в повестку дня. «Если вывести разведку из КГБ или даже затеять

обсуждение этой проблемы, — считает он, — комитет начнёт разваливаться и утратит свою и без того ограниченную работоспособность. Это будет тяжёлым ударом для нашей стороны в политическом противоборстве. Несмотря на свою неприязнь к Горбачёву и разочарование в партийных вождях, я всё же твёрдо стою на „нашей“ стороне. Противоположная, рвущаяся к власти сторона меня просто-напросто пугает».

Можно ли было упрекать Шебаршина в чрезмерной близости к «демократическим» кругам, в предрасположенности к идеям, за которыми скрывались цели, далёкие от интересов страны и народа? Вот что думает об этом сам герой книги:

«Мнения коллег в руководстве КГБ относительно моих симпатий к „демократам“ были не вполне обоснованны. С большей долей уверенности меня можно было обвинять в антипатии к консерваторам, черпавшим политическое вдохновение из прошлого».

В этих словах Леонида Владимировича ощущается беспокойство, на которое, очевидно, всё же были какие-то причины.

И ещё одну тревожащую его мысль высказывал Шебаршин: председатель КГБ всё чаще проявлял непонятное раздражение, когда разговаривал с ним. Иногда между ними вспыхивали телефонные перепалки по пустякам. При этом Шебаршин подчёркивает: «Крючков никогда не допускает грубости, однако резкость его тона мимо меня не проходит. Вполне возможно, что меня заносит, я слишком свыкся с ролью начальника разведки, слишком явно начал отстаивать её самостоятельность и автономность. Может быть...»

...Мы и не заметили, как отвлеклись от рассказа об одном рабочем дне нашего героя. Напомним, что оставили мы Шебаршина в его кабинете, где он проводил совещание по проблемам, поднятым накануне председателем КГБ В. А. Крючковым. Впрочем, многие из вопросов, обсуждавшихся тогда начальником ПГУ с коллегами, мы как раз и затронули в этой главе.

Обратим внимание читателя на одну характерную особенность того совещания, которую отмечает в своих воспоминаниях Леонид Владимирович. Профессиональные разведчики, пишет он, говорят обычно коротко и ясно. Но в тот день редкий из них удерживался от сжатой оценки обстановки:

«Враждебная кампания против КГБ — это производное от общего положения в стране. К власти рвутся антидемократические силы»...

«Идёт наступление на основные структуры государства»...

«Руководство страны занимает двусмысленную позицию»...

«В нашем распоряжении есть документальные данные о роли ЦРУ в кампании против КГБ»...

Поступило предложение просить Михаила Сергеевича выступить перед сотрудниками КГБ, чтобы он высказал, чего он хочет. Но эта мысль не понравилась Шебаршину, который считал, что к тому времени Горбачёв полностью скомпрометировал себя, а «если он ещё выскажется в поддержку КГБ, то для нас это будет чугунная гиря вместо спасательного круга».

В решении многочисленных проблем, которые вставали перед КГБ и разведкой в переломное для страны время, рассчитывать было не на кого. В самые критические моменты приходилось опираться только на собственные силы. И каждый руководящий работник органов госбезопасности действовал так, как подсказывали ему его разум и совесть.

НАКАНУНЕ

Близился август 1991 года. Страна вплотную подошла к историческому разлому, от которого пойдёт отсчёт совсем иного времени. Процесс так называемых «демократических преобразований» был окончательно спущен с тормозов, повсеместно утверждалось господство волюнтаризма и вседозволенности.

Короткая история, связанная с созданием Государственного комитета по чрезвычайному положению и его поражением, предопределила весь ход последующих событий.

Попранием воли народов многонациональной страны, высказавшихся в марте 1991 года на Всесоюзном референдуме за сохранение СССР^[24], явились Беловежские соглашения; они стали своеобразным финалом процесса развала Советского Союза.

В 1992 году в стране началось проведение немыслимого эксперимента на собственном народе под названием «шоковая терапия»; в результате либерализации цен, гиперинфляции и ваучеризации большая часть населения страны была обобрана и обречена на нищенское и полуннищенское существование.

Расстрел Ельциным Верховного Совета РСФСР и его защитников в октябре 1993 года ознаменовал окончательное уничтожение советской власти.

Война в Чечне 1994–1996 годов обернулась незаживающей раной на Кавказе, глубокой дестабилизацией межнациональных отношений в России...

В августе 1991-го берёт начало череда и многих других знаковых событий. В частности, подавление ГКЧП развязало руки тем, кто давно мечтал нанести смертельный удар по органам государственной безопасности СССР.

...Всё сильнее и заметнее накаляется обстановка. Кажется, и сама природа способствует этому — июнь выдался жарким, и город страдает от духоты.

На столе у Шебаршина — служебные телеграммы и информация, поступающая по каналам ПГУ. В информационном потоке доминирует советская проблематика, что не случайно: положение в Советском Союзе прочно стало международной проблемой номер один. Кремлю же, и это совершенно очевидно, нет дела до событий, которые вершатся в других

регионах земного шара. Область советских внешнеполитических отношений сокращается как шагреновая кожа. Раньше было так: если разведка не успевала давать упреждающую информацию о государственном перевороте в какой-либо африканской стране, то на её голову обрушивались громы и молнии. Сегодня же вся Африка может провалиться в преисподнюю — в Кремле на это не обратят внимания.

Советский Союз ушёл не только из Африки — покинул он и Азию, и Латинскую Америку.

Идёт подготовка к встрече «Большой семёрки» в Лондоне. Весь мир оживлённо обсуждает вопрос, пригласят ли на встречу Горбачёва. ПГУ располагает информацией, которая сегодня будет у президента СССР: его обязательно пригласят, но денег Советскому Союзу не дадут; вполне очевидно, что не следует в Лондоне докучать участникам саммита просьбами о финансовой помощи — они на неё всё равно не откликнутся. Оценка западными разведками экономического положения СССР сводится к следующему: советская экономика не в состоянии эффективно использовать иностранную финансовую помощь. Для Шебаршина это конечно же не новость. Но существенно то, что поступивший материал лишён пропагандистского оттенка — это трезвый и деловой взгляд на вещи.

Есть и другая интересная информация, которая уйдёт в «верха». В окружении Буша сделан вывод, что господствующая роль Горбачёва в политической жизни Советского Союза подходит к концу. В полный рост встаёт альтернативная ему фигура — Ельцин. Поэтому следуют рекомендации Бушу: Соединённые Штаты, сохраняя прежние отношения с Горбачёвым, должны отныне уделять гораздо больше внимания российскому президенту. Иными словами, не следует связывать американскую политику с проигравшим игроком. (Обратим внимание: фактическая смена лидеров в нашей стране произойдёт менее чем через два месяца — задолго до формального прекращения Горбачёвым исполнения обязанностей президента СССР.)

Сегодня Шебаршину удалось побеседовать с Крючковым в спокойной обстановке — председателя не беспокоили ни посетители, ни звонки. Леонид Владимирович высказал свои сомнения в способности Горбачёва удержать страну от распада. Президент безволен, его престиж упал до нулевой отметки, и противостояние с Ельциным он неизбежно проиграет. Единственная наша опора в ближайшее время — это сильная Россия. Нравится нам Ельцин или нет (а Шебаршин никогда к нему не испытывал симпатий) — мы должны ориентироваться на российского президента.

Ведь Россия — ядро Союза.

Владимир Александрович слушал внимательно, не перебивая. Мысль о развитии контактов на всех уровнях российской власти он одобрил и довольно резко высказался по поводу медлительности и пассивности в этом вопросе комитетской верхушки. Беседу с Шебаршиным заключил словами:

— Считайте, что мы обо всём договорились! Работайте. И давайте побольше информации Борису Николаевичу...

Не знал Шебаршин, что в тот день Крючков впервые, может быть, высказал вслух то, к чему он пришёл через нелёгкие раздумья: Ельцина нельзя игнорировать — он набирает вес и завтра может оказаться фигурой номер один. Нельзя сказать, что позиция Владимира Александровича пошатнулась. Но в сложной политической игре нужно было учитывать все возможные варианты развития событий.

Однако в напряжённой обстановке, которая тогда складывалась вокруг органов госбезопасности, вряд ли можно было рассчитывать, что израненный и теряющий управление корабль под названием «КГБ» его капитан сможет провести между Сциллой и Харибдой. КГБ оказался костью в горле и для Горбачёва с его ближайшим окружением, и для тех, кто прорвался к власти вместе с Ельциным, — слишком много здесь знали и понимали.

Но не зря говорят, что задним умом мы все сильны. Не будем забывать, что Крючкову тогда приходилось решать уравнения со многими неизвестными. При этом речь шла не только о спасении организации, которую он возглавлял, — на повестке дня стоял вопрос о целостности страны, о сохранении социалистического строя, приверженцем которого Владимир Александрович оставался до последних своих дней.

Однако не слишком ли мы драматизируем ситуацию, которая тогда сложилась, не сгущаем ли тучи, окутавшие страну?

Попробуем хотя бы коротко ответить на этот вопрос.

Начатая в середине 1980-х годов по инициативе КПСС политика демократизации общественной жизни, которая должна была стать инструментом ускоренного развития страны, окончательно зашла в тупик. А ведь сначала её поддерживали практически все коммунисты и большинство населения страны — слишком очевидным стал вопрос о необходимости изменения методов партийно-государственного руководства страной и её экономикой. При этом никто не подвергал сомнению основы и преимущества социализма, потенциал которого использовался далеко не в полной мере. Никто не сомневался и в том, что огромное значение для

будущего Советской страны имеет сохранение и упрочение единства народов СССР.

Но со временем стало ясно, что вместо глубинных преобразований политической системы и экономики обществу предлагается набор поверхностных, оторванных от реальности, непродуманных мер. Что объявленные Горбачёвым перестройка, курс на гласность и демократию превратились, в конце концов, в обыкновенную ширму, прикрывающую цели, с социализмом ничего общего не имеющие. К тому же к перестройке примазалось большое число людей, почувствовавших, что гласность и демократию можно использовать в своих корыстных интересах, для удовлетворения личных амбиций.

Социально-политические процессы в СССР, вызванные перестройкой, появление и трансформацию так называемого «нового мышления» тщательно отслеживали иностранные спецслужбы, главным образом ЦРУ — основной противник Комитета госбезопасности СССР и КГБ.

Ю. И. Дроздов, начальник управления «С» (нелегальная разведка) КГБ, в «Записках начальника нелегальной разведки» рассказывает такую историю. Как-то в один из приездов в Москву бывшие американские разведчики в пылу откровенности за ужином в подвальном ресторанчике на Остоженке бросили неосторожную фразу: «Вы хорошие парни, ребята. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы имеете право гордиться. Даже ваши поражения демонстрировали мощь вашей разведки. Но пройдёт время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и Госдепартамент у вас наверху».

«Шум приятельской беседы, — пишет Дроздов, — скрыл нашу настороженность, но в памяти она, эта фраза, осталась. Память после встречи выстреливала различные события, документы и разные имена.

Может быть, именно в этой фразе американцев и кроется разгадка, почему М. С. Горбачёв, обладая максимумом достоверной информации о намерениях Вашингтона, пренебрёг заветами Ю. В. Андропова, поддался чужому влиянию, потерял управление страной, свой первоначальный авторитет и не смог противостоять разрушению страны».

Активность западных спецслужб конечно же не оставалась незамеченной — руководство и сотрудники КГБ, естественно, не сидели сложа руки. Поступавшая по линии разведки информация

свидетельствовала, что уже в 1986 году, в самом начале перестройки, ЦРУ пришло к заключению: ситуация в СССР позволяет развернуть открытую пропагандистскую кампанию по дискредитации КПСС и органов КГБ. Разработанная на Западе стратегия и тактика нового этапа информационной войны была подхвачена «перестроечными» средствами массовой информации.

Ложь и клевета на КПСС и социализм, советскую историю мутным потоком обрушились на население СССР, мешая людям разглядеть чудовищный разрыв между словами «демократов» и их реальными целями. Например, в начале перестройки наиболее активные её сторонники призывали очищать ленинизм от догматических и бюрократических наслоений последних десятилетий. Затем эти же люди развернули кампанию самой грязной клеветы на Ленина и его наследие. Избирателей привлекали на свою сторону лозунгом «Вся власть Советам!» — обещая скорое пришествие эры «настоящей» демократии, высвобождённой из-под «партийного гнёта». Но кто из простых людей догадывался тогда, что на самом деле «архитекторам» и «прорабам» перестройки были одинаково ненавистны и партия, и Советы?

Населению СССР под демагогическую болтовню об общечеловеческих ценностях была уготована совсем иная участь — иное государство, иная социально-экономическая система, иное общество, построенное на чуждых советскому человеку духовно-нравственных принципах.

Кстати, Шебаршин однажды заметил: «Думается мне, перестроечные лидеры во главе с Михаилом Сергеевичем были настолько поглощены общечеловеческими ценностями, что им и в голову не приходило, что сотни тысяч беженцев, странствующих по просторам нашего Отечества, жертвы межнациональной розни и политических конфликтов, кровь, льющаяся в Югославии, обнищание и вымирание русского народа — всё это ложится на их совесть».

Были ли у КПСС силы и возможности противостоять развернувшемуся мракобесию? Были. Однако основная масса коммунистов оказалась деморализована предательством собственной верхушки, оседлавшей Политбюро ЦК КПСС и прибравшей к своим рукам все главные рычаги управления партией и её идеологической работой.

Как это могло произойти?

Частично ответил на этот вопрос известный философ Александр Зиновьев^[25], которому принадлежат ставшие крылатыми слова, отражающие характер крестового похода против нашей страны: «Целили в

коммунизм, а попали в Россию!» Успевший в качестве советского диссидента провести несколько лет в эмиграции на Западе, он подметил там одну важную особенность: к концу 1970-х — началу 1980-х годов в ходе холодной войны произошёл радикальный перелом. До этого в течение долгого времени основное внимание советологов и западных спецслужб было направлено на идеологическую и психологическую обработку широких слоёв населения и создание прозападно ориентированной группы советских граждан, фактически игравших роль «пятой колонны» и занимавшихся идейно-моральным разложением населения. Так было создано диссидентское движение. В работе по линии разрушения советского общества «снизу» были достигнуты серьёзные успехи, сыгравшие свою роль в будущей контрреволюции. Но они были не настолько значительными, чтобы привести советское общество к краху.

Стратеги холодной войны, досконально изучив структуру власти в СССР, характер отношений в среде руководящих партийных и государственных работников, их психологию и квалификацию, способ отбора, подготовки и прочие особенности, пришли к выводу, что разрушить советское общество можно, действуя не только изнутри, но и сверху. Но когда один из сотрудников Интеллидженс сервис^[26] сказал как-то Зиновьеву, что они (то есть силы Запада) скоро посадят на «советский престол» своего человека, он всё же не поверил. Однако последующие события показали, что на Западе уже смотрели на такую возможность как на реальность. Был выработан план завершения холодной войны, в котором намечалось взять под свой контроль высшую власть в Советском Союзе, обеспечив приход на пост генерального секретаря ЦК КПСС «своего» человека. Далее предполагалось методом кнута и пряника (Горбачёву хватило пряника) принудить его к разрушению аппарата ЦК КПСС, к осуществлению преобразований (перестройки), которые должны были породить цепную реакцию распада всего советского общества.

Такой план и был осуществлён в нашей стране при активном участии советских руководителей-оборотней — М. С. Горбачёва, А. Н. Яковлева, Э. А. Шеварднадзе и ряда других высокопоставленных чиновников, а также большой армии честолюбивых представителей либерально-демократического движения, развернувшегося при организационно-методической, материальной и моральной поддержке спецслужб западных стран.

Предать свою страну, разменивать её на мелкие подачки с барских столов Европы и Америки, потешить самолюбие, поставив на карту судьбы миллионов соотечественников, могли только безответственные чиновники,

полностью лишённые патриотических чувств, не укоренившиеся на своей земле и не познавшие любви к Родине, к своему краю, к людям, среди которых выросли. Горбачёва, например, по окончании университета не бог весть за какие заслуги сразу же взяли в крайком комсомола на должность заместителя заведующего отделом пропаганды. Тот же Яковлев, покрутившись немного в Ярославском пединституте, прямым попадал на руководящую партийную работу — в обком КПСС, минуя основные, первичные и районные, звенья партии.

Два будущих «соратника» оказались в начальствующем слое, не получив должной закалки, необходимого опыта работы в трудовых коллективах, там, где жизнь выглядит несколько иначе — жёстче, конкретнее и понятнее, а ценные указания сверху оказываются не всегда мудрыми и судьбоносными. В подобных пустотах, образующихся в людях после резкого вознесения во власть, чаще всего и возникают опасные изломы.

За показной простотой и открытостью Горбачёва скрывался эгоистичный человек, честолюбие и внушаемость которого позволяли западным лидерам без особого труда разыгрывать с его участием самые хитроумные комбинации. Поэтому нет большого преувеличения в словах посла США в СССР в 1987–1991 годах Дж. Мэтлока, заявившего в своей книге «Смерть империи. Взгляд американского посла на развал Советского Союза» буквально следующее: «Сценарий перестройки был написан в Вашингтоне». Конечно, это не означает, что Горбачёв сознательно претворял в жизнь антисоветские планы, которые ему подсовывали, или, как любят утверждать некоторые горячие головы, и вовсе был «агентом западных спецслужб». Не надо всё упрощать. Игра была значительно сложнее и тоньше, а недостатки генсека позволяли более искушённым в политике игрокам манипулировать им.

Не обладая необходимыми фундаментальными знаниями, будучи не подготовлен к серьёзным самостоятельным решениям государственного масштаба, Горбачёв легко поддавался влиянию тех людей из близкого окружения, которые хорошо знали его слабости и играли на них. Именно таким образом А. Н. Яковлев и сумел стать его «поводырём».

Сам Яковлев — человек, выросший в крестьянской семье и прошедший войну, — сумел на каком-то этапе своей карьеры заразиться неизлечимым вирусом русофобии. А проявилась у него эта болезнь задолго до перестройки, ещё в 1972 году, в памятной для отечественной интеллигенции статье «Против антиисторизма», опубликованной в «Литературной газете». Уже тогда были подвергнуты осуждению и

нападакам патриотические чувства русских писателей, позволивших себе рассуждать о «национальном духе», «национальном чувстве», «народном характере», «зове природной цельности»... Стоит ли удивляться, например, что годы перестройки ознаменовались беспрецедентным разгулом русофобии?

Не прошли бесследно для Яковлева стажировка в Колумбийском университете (США) в конце 1950-х годов^[27] и десять лет работы послом в Канаде. На дипломатическую стезю он попал после отстранения от работы в аппарате ЦК КПСС в результате негативного резонанса, вызванного всё той же статьёй «Против антиисторизма». В частности, позиция Яковлева подверглась резкой критике со стороны М. А. Шолохова, получила совершенно справедливую и весьма жёсткую оценку Политбюро ЦК КПСС.

Упомянем один любопытный факт: в мае 1983 года секретарь ЦК КПСС Горбачёв, будучи ответственным за развитие сельского хозяйства, буквально настоял на своей поездке в Канаду, против которой возражал Андропов, поскольку не было в ней особой государственной необходимости. Кстати, отметим, что к Яковлеву, который был там послом, особого доверия Андропов не испытывал.

Известен тот огромный интерес, который проявил к Горбачёву канадский премьер-министр Пьер Трюдо. И интерес этот не был случайным: молодой советский руководитель за короткий отрезок времени стал сначала кандидатом в члены, а потом и полноправным членом Политбюро. Позже Яковлев (со знанием дела) пояснял детали (и существенные!) биографии Горбачёва: «Первым западным политиком, который с симпатией отнёсся к Горбачёву, была не Тэтчер, а канадский премьер Трюдо. Михаил Сергеевич приезжал в Канаду, когда я был там послом. Своим свободным поведением он поразил канадских руководителей. Вместо одной запланированной его встречи с Трюдо состоялось три». Канадского руководителя Горбачёв поразил и раскованностью своих суждений, в частности критическим отношением к вводу советских войск в Афганистан. Когда процесс перестройки оседлали либерал-демократы, которые с попустительства генсека и его ближайшего окружения направили его в «нужное» русло, в кулуарах аппарата ЦК КПСС вспомнили, что первые настоящие «смотрины» Горбачёва состоялись именно в Канаде, причём участвовали в них и представители США. После этого и руководители других западных держав обратили на него особое внимание.

Канадские встречи 1983 года многое объясняют. Во всяком случае, они

помогают понять то, о чём рассказывал в своих воспоминаниях Крючков, в частности в тех, что были опубликованы в «Комсомольской правде»^[28]. Владимир Александрович вспоминал, что стал председателем КГБ «на волне глубокого уважения к Горбачёву». Однако вскоре у него стали появляться ощущения, что тот делает что-то не так.

«А тут, — рассказывал Крючков, — по линии разведки мне стали поступать материалы из-за границы. Я не мог поверить своим глазам, предполагая: или в них написано неправильно, или наш президент гребёт не в нашу сторону...

Потом я стал получать материалы на Яковлева Александра Николаевича о том, что у него очень недобрые контакты... кое с кем. Однако он был членом Политбюро, и мы не имели права перепроверять эту буквально ошеломляющую информацию. Тогда я пошёл к Горбачёву. Объяснился с ним по этому поводу.

„Да-а-а... — протянул Горбачёв. — Что же делать? Неужели это опять Колумбийский университет? Да-а-а... Нехорошо это. Нехорошо“.

Ситуация осложнялась тем, что неожиданно и очень серьёзно начали подтверждаться старые связи Яковлева. Ещё в 1960 году он стажировался в США в Колумбийском университете и был замечен в установлении отношений с американскими спецслужбами.

...И вот теперь я наблюдал, как Горбачёв, находясь в полном смятении, никак не мог прийти в себя, словно за страшным сообщением о Яковлеве скрывалось для него нечто большее».

Тогда историю с Яковлевым Горбачёву удалось замять. Он был мастер уходить от любых серьёзных вопросов, спускать их на тормозах, ничего не решая. Естественно, воспользовался Горбачёв и нерешительностью Крючкова. Хотя колебаниям председателя КГБ можно найти объяснение. В отличие от мифов, насочинённых «демократами», существовали чёткие границы пределов компетенции КГБ. Они касались не только высокопоставленных партийных и советских руководителей, но и многих государственных учреждений и общественно-политических организаций. Нарушение таких границ пресекалось и серьёзно наказывалось.

А необходимого согласия на глубокую проверку разведданных по Яковлеву Горбачёв так и не дал. Как вспоминает Крючков, «на том всё и кончилось: все словно воды в рот набрали». Вместе с тем Владимир

Александрович из поля деятельности КГБ Яковлева не выводил. Хорошо знающие Крючкова соратники утверждают, что он поддерживал с Яковлевым так называемый «ложный оперативный контакт».

Однако, находясь под крылом Горбачёва, Яковлев не слишком беспокоился, что Крючков сможет доставить ему сколько-нибудь серьёзные проблемы. А потому практически открыто, являясь членом Политбюро ЦК КПСС (!), продолжал подрывную идеологическую работу, направленную против КПСС и государства.

В своих воспоминаниях Яковлев бравировал:

«У нас был следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину. А затем, в случае успеха, ударить Плехановым по Ленину, либерализмом и „нравственным социализмом“ — по революционаризму вообще. Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика... сработала. Мои работы и выступления в 1987–1988 гг. и частично в 1989 г. были густо напичканы цитатами Маркса и особенно Ленина».

Ещё Плутарх сказал: «Предатели предают прежде всего себя самих»...

За время пребывания за рубежом Яковлев прекрасно изучил самые разнообразные методы изодранных политических диверсий. Взяв их на вооружение, он вполне разумно рассудил, что наиболее грозную силу представляют телевидение и печатные средства массовой информации. А для того, чтобы подчинить эту силу себе, достаточно обеспечить нужными людьми руководящие звенья СМИ и соответствующим образом укомплектовать коллективы редакций.

Недостатка в таких людях не было. Яковлеву было хорошо известно, что на журналистской ниве произрастают не только таланты: представителям творческих профессий чаще, чем кому-либо, свойственны обострённое самолюбие, гипертрофированное чувство собственной значимости, ощущение исключительной важности дела, которым они занимаются. А льстить, подогревая пороки и слабости человеческой натуры, Яковлев умел. Все его диалоги с представителями прессы строились примерно таким образом: «Вы талантливы и умны, но считаете, что ваш творческий гений подавляется диктаторским режимом, страдает от всевидящего ока цензора, находится в оковах условностей и предрассудков? Мы дадим вам неограниченную свободу слова, право писать и говорить о чём хотите — у нас нет запретных тем. Вы говорите, что устали исполнять роль винтиков командно-административной

системы? Мы сделаем вас неподвластными любой системе, ибо вы сами будете властью. Хотя и „четвёртой“, но с реальными рычагами управления».

Признанными лидерами в соревновании «Кто больше выльет грязи на свою страну, на её историю и настоящее» стали такие издания, как журнал «Огонёк» и еженедельник «Московские новости». Одной из главных тем «Московских новостей» стало разоблачение «зловещей роли» КГБ. Пишущие девушки этой газеты, как отмечал Шебаршин, «с каким-то прозелитским новомышленческим пылом» набросились и на разведку, не особенно заботясь о достоверности фактов, логичности изложения. Обычно журналистки отталкивались от пересказывания изданных за рубежом писаний изменников вроде Гордиевского или занимались переложением анонимных рассказов людей, выброшенных из разведки. Когда осенью 1991 года пошли необоснованные нападки непосредственно на начальника ПГУ, Шебаршин предположил, что кто-то излил на него досаду за неудавшуюся личную жизнь.

Другое издание, еженедельник «Аргументы и факты», предложило Леониду Владимировичу «набор вопросов, отражающих не только абсолютное отсутствие представления о разведывательной службе, но и попытку представить ПГУ в крайне невыгодном свете». Свои ответы на них он сопровождал следующим обращением к читателям: «Мне пришлось комментировать чьи-то измышления, опровергать недобросовестные вымыслы, рассчитанные, по-русски говоря, на простака. Но терпение — одна из добродетелей разведчика, и я отвечал серьёзно и добросовестно. Боюсь, дело не в том, что наша читающая публика верит стереотипам, которые создают Дж. Баррон (американский автор ряда книг о КГБ) и компания, авторы детективных романов невысокого пошиба или предатели, пытающиеся спрятать под ворохом „разоблачений“ иудино клеймо... Хотелось бы, чтобы... те, кто формирует общественное мнение, подходили к этим стереотипам со здоровым скептицизмом...»

Силы были неравными — никакой надежды на объективные публикации в распоясавшихся «перестроечных» изданиях не было. И всё же по инициативе Крюкова КГБ предпринял попытку перейти в пропагандистское контрнаступление. Основной упор делался на проведение встреч сотрудников комитета с людьми в трудовых коллективах. Установка была, на взгляд Шебаршина, абсолютно правильной: надо было убедить общество, что КГБ, чьи сотрудники своей самоотверженной службой обеспечивают безопасность Родины, не имеет никакого отношения к перегибам прошлого, что чекисты были не столько

участниками репрессий, сколько их жертвами.

Всё это с пониманием и сочувствием воспринималось массовыми аудиториями, перед которыми стали регулярно выступать сотрудники комитета.

В пропагандистскую кампанию включилось и Первое главное управление. В январе 1990 года Шебаршин встречался с рабочими московского авиационного завода «Знамя труда». Как всегда, после его выступления последовал град вопросов — от очень наивных до весьма непростых. Был и такой, весьма распространённый: «Сколько вы зарабатываете в месяц?» Шебаршин ответил: «Тысячу триста рублей».

Аудитория, как вспоминал Леонид Владимирович, загудела. Он не мог понять, в чём дело, пока из зала не раздался громкий голос: «У нас столько слесарь может заработать!» Вот, оказывается, в чём дело! А он-то подумал, что величина названной суммы поразила людей и вызвала у них неодобрение. Ведь сказки СМИ о невиданных зарплатах и льготах «партократов» и чиновников к тому времени уже сделали своё дело.

Наряду с участием чекистов в пропагандистской работе руководство комитета настойчиво искало ту область, где КГБ мог бы наглядно проявить себя как страж общественных интересов. Так было создано Управление по борьбе с организованной преступностью. В то время преступность захлестнула большое общество, стала сплетаться с административными и правоохрнительными структурами. «В стране, — писал Шебаршин, — не осталось ни единой, кроме КГБ, организации, которая могла бы взяться за борьбу с этим разрушительным явлением». И что бы тогда ни говорили и ни писали СМИ, народ верил Комитету государственной безопасности. У КГБ была заслуженная репутация учреждения, в котором работают честные и бескорыстные люди, способные навести порядок в стране...

...То, что в руководстве КПСС были люди, чья деятельность, мягко говоря, противоречила интересам государства, подтверждают многие руководящие сотрудники КГБ, в частности и Н. С. Леонов, бывший заместитель начальника ПГУ, а с января 1991 года — начальник Аналитического управления, член Коллегии КГБ СССР. В беседе с автором настоящей книги он, в частности, рассказал, что Горбачёву предоставлялись материалы не только по Яковлеву. Он был знаком и со служебной запиской КГБ, касающейся члена Политбюро, министра иностранных дел Шеварднадзе, в которой делался тот же вывод, что и в отношении Яковлева: «Предатель, который покинет страну в любую минуту».

Леонов рассказывал, что Шеварднадзе, ведя переговоры в Москве с

представителями США по проблемам разоружения и другим важнейшим государственным вопросам, отнюдь не случайно отказывался от наших переводчиков. Более того, в нарушение всех дипломатических протоколов беседы не записывались. За рубежом встречи с американскими государственными деятелями он проводил не на нашей посольской территории, а на американской — подальше от соотечественников. Действовал он так, словно вёл переговоры от себя лично или по поручению каких-нибудь своих родственников, но только не от имени великой державы. Тогда — *ещё* великой.

По завершении переговорных процессов выяснялось, например, что Шеварднадзе полностью игнорировал решения нашей Межведомственной комиссии по разоружению, куда входили ведущие специалисты страны^[29]. Ну а на мнение простых граждан, беспокоившихся за обороноспособность СССР и заваливших своими письмами Старую площадь, ему было просто наплевать. В обход позиции профессионалов и общественного мнения он фактически в одиночку принял решение об уничтожении тактических комплексов «Ока» и уговорил Горбачёва подписать неравноправный, унижительный договор по РСМД в 1987 году. В результате стране был нанесён непоправимый ущерб. Комплекс был снят с вооружения, и более 200 ракет и 102 пусковые установки были уничтожены в соответствии с договором, под который комплекс «Ока», имея радиус действия менее 500 километров, по своим характеристикам даже не подпадал. У американцев подобного вооружения вообще не было.

В Межведомственной комиссии по разоружению нарастали недовольство и напряжённость. В марте 1990 года дело дошло до открытого конфликта из-за того, что договорённости Горбачёва и Шеварднадзе с США по разоружению не только не согласовывались с комиссией, но даже не доводились до её сведения. Начальник Генштаба М. А. Моисеев доложил комиссии, что в результате манёвров Шеварднадзе США получили право иметь 11 тысяч боеголовок против 6 тысяч, оставшихся у СССР. После этого конфликта комиссия была ликвидирована.

Идя на уступки, о которых их часто никто и не просил, наши «вожди» демонстрировали отнюдь не миролюбие. Своим подобоострастием они на глазах у всего мира унижали страну, не уступавшую по мощи потенциальному противнику. Унижали за пряники и стеклянные бусы...

Подобоострастие перед Западом, которое проявляла руководящая верхушка, вдохновляло антисоветские силы внутри страны. Одной из главных опор для Горбачёва, Яковлева, Шеварднадзе служила Межрегиональная депутатская группа, созданная на I съезде народных

депутатов СССР летом 1989 года. Именно МДГ стряпала самые грязные и нелепые выдумки, порочащие советский строй, всю социалистическую систему, именно она развернула кампанию беззастенчивого шельмования крупнейших политических деятелей России, пользовавшихся неизменной любовью и уважением трудящихся, — В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Враждебные социалистическому строю силы, заявившие о себе в разгар перестройки, появились в Советском Союзе не вдруг. Начало их послевоенному возрождению и формированию положило диссидентское движение, возрождённое в 1950-е годы, после смерти Сталина, при попустительстве Хрущёва и не без участия западных спецслужб.

Как бы мы ни относились к политике Сталина и репрессиям довоенных лет, мы должны отметить один очевидный факт: наряду с сотнями тысяч невинных жертв 1937 год смёл с политической арены практически всех, кто активно выступал против народной власти.

Александр Зиновьев, на которого мы уже ссылались, — не только известный философ, но и участник Великой Отечественной войны.

«Если подходить к событиям с научной точки зрения... — убеждён он, — то репрессии стали одним из факторов победы... Не нужно следовать солженицынской концепции, что все были жертвы, а наверху сидел Сталин со злоумышленниками. Ведь была же революция, была Гражданская война, шла грандиозная стройка, шла непрерывная борьба и было, разумеется, сопротивление... Если бы не было 1937 года, то в 1941 году через два-три месяца война закончилась бы для Советского Союза поражением».

В своё время реакционные круги, мечтавшие о поражении СССР от фашистской Германии, рассчитывали, что «пятая колонна» сможет оказать гитлеровским захватчикам существенную помощь. Но она оказалась почти полностью репрессированной. Когда американскому послу в Советском Союзе Джозефу Дэвису в 1941 году задали вопрос о возможности существования в СССР внутренних врагов из «пятой колонны», он ответил: «У них таких нет, они их расстреляли». А по поводу того, что процессы и чистки 1935–1938 годов являются возмутительными примерами варварства, он заметил: «Они свидетельствовали о поразительной дальновидности Сталина и его близких соратников».

В условиях непосредственной угрозы войны признает справедливость суровых мер против оппозиции в СССР и Лион Фейхтвангер, который в

книге «Москва 1937» пишет: «Раскол, фракционность, не имеющие серьёзного значения в мирной обстановке, могут в условиях войны представить огромную опасность».

Эти высказывания мы приводим не для того, чтобы оправдать насилие как средство борьбы с неугодными. Однако приходится обращаться к мнению авторитетных зарубежных деятелей, так как любые попытки отечественных политиков и историков взглянуть объективно на причины репрессий и деятельность Сталина моментально вызывают яростные нападки со стороны так называемых «десталинизаторов», планомерно и методично убивающих всё позитивное в нашем прошлом.

Сейчас преподносится дело так, что насилие, как инструмент классовой борьбы, свойственно якобы только сталинской эпохе. Но это далеко не так! Не будем погружаться глубоко в историю — возьмём пример из нашего недавнего прошлого.

Расстрел защитников Верховного Совета в октябре 1993 года, выступивших против грубого попрания Ельциным конституционного строя, — яркий пример применения насилия в интересах определённых классов (в данном случае — нового поколения эксплуататоров) и социальных групп. Пример этот имеет и свои исторические особенности: подстрекали Ельцина к вооружённому насилию не только вновь нарождавшийся буржуазно-воровской клан, но и представители творческой интеллигенции, начинавшие кормиться у «новых русских» с руки. На следующий день после дикого разгона высшего органа власти, во время которого погибли сотни людей, газета «Известия» опубликовала обращение сорока двух известных литераторов и деятелей культуры под названием «Раздавите гадину!». «Гадина» — это законная власть и её защитники, названные в обращении «красно-коричневыми оборотнями, обнаглевшими от безнаказанности».

«Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли её продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?

...История ещё раз предоставила нам шанс сделать широкий шаг к демократии и цивилизованности. Не упустим же такой шанс ещё раз, как это было уже не однажды!»

Эти дышащие ненавистью строки писались в часы, когда вокруг

здания Верховного Совета ещё гремели выстрелы, а его внутренние помещения и прилегавшую к нему территорию заливала кровь невинных жертв. Трагедия, потрясшая страну, вызвала у авторов строк «радостное удивление», стала для них шагом «к демократии и цивилизованности». И эти строки писали люди, призванные утверждать в мире гуманизм, нести в общество идеалы добра, света, справедливости! В их числе современные любители изящной словесности, наверное, не без удивления обнаружат писателя Даниила Гранина и драматурга Александра Гельмана, поэта Булата Окуджаву и академика Дмитрия Лихачёва, публициста Валентина Оскоцкого и прозаика Анатолия Приставкина, литературоведов Юрия Карякина и Мариэтту Чудакову...

Кстати, за 20 лет никто из подписантов так и не открестился от этого письма, никто не попросил за него прощения. Хотя бы у матерей и родственников погибших.

Справедливости ради заметим, что далеко не все представители либеральной интеллигенции выражали тогда свой верноподданнический восторг по поводу расстрела Верховного Совета. Немало честных людей было даже среди «завзятых» диссидентов. Например, В. Максимов, А. Синявский, П. Егидес 16 октября 1993 года, выступив в «Независимой газете», решительно осудили расстрел парламента, предложили Ельцину, поднявшему руку на свой народ, подать в отставку и уйти в монастырь замаливать грехи.

Мы затронули исторические и политологические аспекты тех проблем политического противостояния, с которыми столкнулось наше общество в конце 1980-х — в 1990-х годах, которые в полный рост поднялись перед Шебаршиным как перед начальником советской разведки.

Нельзя в связи с этим не сказать о том, что отношение Шебаршина к Сталину было довольно сложным и со временем претерпело ряд существенных изменений. Можно сказать, что он прошёл путь от резко негативных оценок Сталина до взвешенных (но отнюдь не идеализированных!) взглядов на его деятельность, до признания его роли как главного архитектора строительства великого государства (в частности, мы уже говорили о признании компетентности Сталина в вопросах деятельности разведки).

В оценках Леонида Владимировича сложившейся в те годы политической ситуации в стране и её развития нет конечно же прямых исторических параллелей. Но он прекрасно понимал антисоветскую сущность организаторской работы МДГ, знал о её тактике подавления и устрашения своих оппонентов. Так, в сентябре 1989 года на засекреченной

конференции Московского объединения клубов избирателей Г. Попов инструктировал своих единомышленников: «У нас есть шансы для победы, нужно ставить на учёт каждого депутата РСФСР. Он должен понять, что если он будет голосовать не так, как скажет Межрегиональная группа, то жить ему в этой стране будет невозможно».

Как видим, в своём кругу прикрывать истинные цели словесной шелухой и рядиться в тогу демократа было совсем не обязательно. Слова у этих людей не расходились с делами. Опустевшие к началу 1990-х годов продовольственные магазины — результат не политики советской власти, как любят и сегодня разглагольствовать СМИ, полагая, что у одних — память коротка, а другие просто не знают, как обстояло дело в реальности. Не всем нравится вспоминать, как «демократы» своими собственными руками устраивали тотальный дефицит товаров и продуктов, дестабилизировали обстановку в стране и проводили свои циничные планы в жизнь, действуя по принципу: «Чем хуже — тем лучше!» Об этом, например, свидетельствует в своих воспоминаниях о том времени Н. И. Рыжков, бывший председатель Совета министров СССР:

«Полки магазинов пусты, в морских портах стоят суда с продовольствием и товарами народного потребления, а желающим принять участие в их разгрузке вручают деньги и отправляют восвояси. На железных дорогах создают пробки, практически перекрывающие жизненные артерии страны. На полях гибнут хлеб, овощи, в садах гниют фрукты. На страну обрушилось сразу всё: всевозможный дефицит, преступность, обострение межнациональных отношений, забастовки. Фактически в государстве наступила полная дестабилизация экономической, да и политической жизни. Кому это было выгодно? Тем, кто ни с чем не считался в своих действиях по дискредитации государственной власти, кто рвался к ней сам. В итоге власть была парализована. С тех пор на протяжении более полутора десятков лет, чтобы задним числом оправдать приход к власти „демократов“, по телевидению показывают одни и те же кадры: пустые полки продуктовых магазинов. Но нынешние „независимые“ властители СМИ стыдливо умалчивают о том, почему они пустовали... В стране брала власть охлократия^[30]».

О том, что из себя представляла Межрегиональная депутатская группа в действительности, Комитет госбезопасности знал хорошо. В частности, о

деятельности МДГ регулярно и своевременно докладывало лично Крючкову Московское управление КГБ. Но информация, которая поступала в КГБ, побывав на столе у Горбачёва, возвращалась назад и оседала мёртвым грузом. В воспоминаниях Шебаршина есть несколько эпизодов, свидетельствующих об этом. Весьма показателен один из них:

«Наши люди бывают на политических собраниях Межрегиональной депутатской группы и „Демократической России“^[31]. Год назад мы в ПГУ подумывали о том, чтобы поставить сбор информации о положении в собственной стране на солидную организационную базу — иными словами, создать группу, составить план, наладить учёт контактов и информации. Что-то остановило уже занесённую было руку — пожалуй, мысль о том, что не стоит накапливать компромат на самих себя. Так и продолжали работать — без плана и без учёта. Вот именно эта информация — кто и что о ком сказал, какие намерения вынашивают Ельцин, МДГ или „Дем. Россия“ — стала пользоваться всё большим спросом на самом верху. Я направлял её без регистрации Крючкову, дня через два-три бумаги возвращались ко мне без резолюций и пометок. По некоторым признакам можно было догадываться, что из информации доводилось до президента. Не ясно было только одно — какие выводы делает президент, способен ли он адекватно воспринимать реальность».

«Новое мышление» политиков и депутатов обернулось ещё одной проблемой, которую за пределами КГБ мало кто хотел замечать. Вот что пишет по этому поводу Шебаршин: «Совграждане повалили за рубеж сотнями тысяч... Нас беспокоит то, что этот поток уносит государственные, технические и научные секреты, что обратно он несёт агентуру. Наши источники отмечают повышенный интерес ЦРУ к новым политическим деятелям и, особенно, к народным депутатам. Американцы считают, что именно через них можно получить доступ к наиболее интересной, тщательно скрываемой от посторонних глаз информации. Вывод верный. Власть в растерянности, а народные избранники чрезвычайно настойчивы и любознательны, лезут во все щели. Разумеется, западным партнёрам нужны и те люди, которые на нашем языке называются агентурой влияния».

От Шебаршина мы узнаём, что разведка привлекала внимание

руководства Верховного Совета к этому вопросу, высказывала мнение, что было бы неплохо как минимум наладить учёт поездок депутатов и интересоваться, кто их оплачивает. Однако это сделано не было. Леонид Владимирович и его коллеги вновь и вновь были вынуждены напоминать советским и партийным руководителям, что массовые зарубежные вояжи депутатов — источник реальной угрозы государственным интересам СССР. Но всё было без толку.

К лету 1991 года стало окончательно ясно, что большинство членов союзного депутатского корпуса, руководящих партийных работников и государственных служащих, искренне озабоченных судьбой страны, не готовы к скоординированным и яростным атакам «демократов» на политические и экономические устои СССР. Преданные своими лидерами коммунисты оказались безоружными против враждебных выступлений Ю. Афанасьева, А. Собчака, Г. Старовойтовой, Г. Попова и десятков других записных ораторов группы МДГ, преступавших все мыслимые границы лжи и цинизма.

Углубился раскол основной массы обманутого населения страны по политическим предпочтениям, причём люди принимали на веру самые примитивные схемы преодоления кризиса и дальнейшего экономического развития страны, которые годились разве что для отвода глаз. И тем не менее всё больше людей отворачивалось от коммунистов и уповало на «демократов», искренне веря, что все накопившиеся проблемы можно, например, решить за 500 дней, как объявлялось в популярной программе перехода на рыночную экономику. Усилилось идейное брожение в армии, для дискредитации которой широко использовалась окончившаяся война в Афганистане.

Тем временем лидеры «демократов» А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, Г. Попов, А. Собчак, С. Шаталин, А. Вольский уже не скрывали курс на раскол КПСС и выступили в начале июля 1991 года с заявлением о создании Движения демократических реформ. Вместо сколько-нибудь адекватного и конструктивного ответа ЦК КПСС в очередной раз проявил недопустимую мягкотелость и распространил информацию, в которой говорилось, что руководство КПСС «не исключает возможность конструктивного сотрудничества членов партии в рамках Движения демократических реформ, если провозглашённые им цели будут подтверждены практикой его действия». Такое «подтверждение» не заставило себя ждать: Шеварднадзе после своего избрания председателем оргкомитета ДДР заявил о выходе из КПСС.

15 августа 1991 года Центральная контрольная комиссия при ЦК

КПСС сняла маску перерожденца с Яковлева. Рассмотрев вопрос о его публичных выступлениях, она постановила: «За действия, противоречащие Уставу КПСС и направленные на раскол партии, считать невозможным дальнейшее пребывание члена КПСС А. Н. Яковлева в рядах КПСС». Большинство коммунистов восприняли это решение как первый акт неотвратимого возмездия, которое рано или поздно настигает предателей родины.

Однако разрушительная, запущенная «архитекторами» и «прорабами» машина уже набрала обороты.

Горбачёвская команда в подмосковной резиденции Ново-Огарёво готовила новый союзный договор, принятие которого намечалось на 20 августа 1991 года. В проекте документа не было упоминаний о социалистическом строе, а наше государство определялось лишь как «демократическое». Договор предполагал переход от федерального государства к конфедеративному, то есть к ослаблению центральной власти, что неизбежно вело к разрушению СССР, уничтожению единого государства. Патриотически настроенные руководители страны, истинные государственные мужи, а вместе с ними — практически всё руководство Комитета госбезопасности выступали против его подписания в таком виде. Ведь принятие такого договора, отвергающего наш конституционный социалистический строй, означало не что иное, как осуществление за спиной народа антисоветского государственного переворота.

Подорвать основы СССР планировалось не только «новоогарёвским договором». Над страной нависала мрачная тень другого, ещё более реакционного переворота, готовившегося Ельциным. Соперничая с Горбачёвым в борьбе за власть, он стремился уничтожить Советский Союз ещё быстрее и циничнее. Ведь для скорой и полной победы над Горбачёвым Ельцину вообще не нужно было заниматься чем-либо созидательным — достаточно было объявить о выходе России из СССР. Подельщиков в союзных республиках у Ельцина хватало: на волне многочисленных всплесков национализма (как правило, спровоцированных) к власти повсеместно рвались силы, которым были чужды интересы народа — везде находились свои Чубайсы и Гайдары. А для осуществления задуманного ельцинисты в полной мере использовали навязанную России 12 июня 1990 года Декларацию о государственном суверенитете РСФСР, 5-я, ключевая статья которой предусматривала верховенство российских законов над союзными.

Мало кто понимал тогда, что полученный Россией суверенитет в конечном счёте превратит внутренние, административные границы СССР

во внешние, государственные. Конечно, на позицию подавляющего большинства депутатов повлияли разгул русофобии, недовольство политикой Горбачёва, многочисленные обиды и заблуждения. Однако нельзя было забывать, что большинство соседей находились в таком же бедственном положении, как и жители России. В той обстановке, когда рассматривался вопрос о суверенитете, нельзя было противопоставлять Россию другим союзным республикам, особенно Украине и Белоруссии, основное население которых составляют две ветви единого народа.

С годами только очевиднее стала чудовищность деяний тех, кто не остановился перед тем, чтобы разорвать страну на части ради того, чтобы войти вместе с Ельциным в Кремль.

Увы, когда принималась Декларация о суверенитете России, эмоции брали верх над здравым смыслом. Цепная реакция последовала незамедлительно: начались пресловутый «парад суверенитетов» и «война законов» — республиканских с союзными.

О злобещей роли Ельцина в судьбе СССР и России сказано и написано немало. Сейчас просто диву даёшься, насколько близорукими были члены КПСС, связывавшие с именем Ельцина будущее страны. Во всяком случае, их идейные соратники оказывались куда более прозорливыми. Особенно в тех странах, которые Ельцин «осчастливил» своим посещением. Так, Гэс Холл, возглавлявший компартию США на протяжении четырёх десятилетий (1959–2000) сначала в качестве её генерального секретаря, а затем — председателя, посвятил визиту Ельцина, состоявшемуся в сентябре 1989 года, довольно обстоятельную статью в американской газете «Пиплз дейли уорлд» (*The People's Daily World*)^[32]. Приведём некоторые выдержки из неё:

«...Не прошло и шести часов с момента прибытия Ельцина в США, как он заявил: „Я коренным образом изменил своё отношение ко всему, что вбивали мне в голову о США“. Для Ельцина даже бездомные, проводящие демонстрацию с требованием предоставить им жильё, выглядели счастливыми...

Люди наподобие Бориса Ельцина и Андрея Сахарова являются продуктами и проблемами Советского Союза. Но когда в это оказываемся вовлечёнными мы в США, мы обязаны открыто высказаться, если такие люди приезжают к нам и делают лживые заявления по поводу американского капитализма и чернят социализм как систему... На нас лежит обязанность разъяснить цель и выявить ложь, имеющую место в заявлениях

Ельцина и его недопустимом поведении в нашей стране.

Хотя Ельцин и не оставит о себе долгой памяти, с учётом степени использования его средствами массовой информации и правыми силами ущерб он нанёс...

Ельцин своими постоянными, недоброжелательными, односторонними критическими высказываниями стремился очернить образ социализма. Ни разу он не выступил со словами похвалы в адрес социализма или своей страны...

Когда Ельцина спросили о коммунизме, он самодовольно и цинично усмехнулся и исключил возможность будущего для социализма, сказав: „Забудьте об этом. Это лишь мечта. Не следует пытаться претворить её в жизнь“. Когда спросили его мнение относительно создания новой политической партии, он ответил: „Когда люди захотят этого, я буду с ними“. И это говорит член Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза!

...Ельцин не произвёл впечатления на американских корреспондентов. Они жаловались на то, что „он не предлагал ни программы, ни путей их осуществления, а лишь подвергал постоянной критике свою собственную страну“.

...Правые антисоциалистические силы в США, в особенности представители Института Эсален^[33], выступившего в роли спонсора визита Ельцина, заявляют о том, что Ельцин оправдал заплаченные ему 250 тысяч долларов, а также задаток в размере 500 тысяч долларов за книгу, которую он согласился написать. Вместе с безделушками, долларами, видеокассетами, джинсами, разнообразными предметами роскоши и виски, которые Ельцин увёз с собой, он получил в результате своего визита около миллиона долларов чистого дохода, ничтожную часть которого, размером в 100 тысяч долларов, он великодушно решил выделить на исследования вируса СПИДа.

...Нельзя распространять ложь и клевету на свою страну, кто бы этим ни занимался. Ельцина же, являющегося членом Центрального комитета КПСС, а также официально избранным членом высшего органа власти — Съезда народных депутатов, следует считать безответственным ловкачом, не оправдавшим высокого доверия своих избирателей...

Не важно, чем руководствовался Ельцин, но так или иначе он оказал разрушительное воздействие на ряд вопросов, имеющих

международное значение, что в значительной степени будет определять в дальнейшем, пойдёт ли население земного шара по пути разоружения и сохранения мира или по пути ядерной войны и вымирания человечества. Он делал не просто безответственные заявления — они граничили с провокацией.

В Соединённых Штатах Ельцин оставил после себя ряд неприятных впечатлений, образ беспринципного человека, лишённого совести, у которого полностью отсутствуют патриотизм и преданность своей стране и народу. Один из сопровождавших его в этой поездке сказал о нём, что он проявил себя как некультурный, пьяный клоун, не соблюдал приличий и возмутительно вёл себя на публике. Грустно отмечать, но Ельцин в глазах миллионов бросил тень на образ человека социализма.

Размер ущерба, нанесённого Ельциным, ещё предстоит определить. Этот ущерб будет наноситься и в дальнейшем, потому что американские средства массовой информации, американский капитализм и правые силы во всём мире будут постоянно использовать его визит в своей пропагандистской кампании, с тем чтобы доказать, что „коммунизм мёртв“...

Мы в Соединённых Штатах будем предпринимать шаги, чтобы ликвидировать нанесённый урон. Мы приложим усилия, чтобы разъяснить и изобличить позицию „ельциных“ во всём мире».

Гэс Холл в своей статье обратил внимание и на то, чего не смог заметить Ельцин, которого в США распирали восторженность, постоянно подогреваемая обильными возлияниями, и о чём совсем не говорят сегодня российские средства массовой информации:

«США — великолепная страна во многих отношениях, но у США есть реальные проблемы: 5 миллионов бездомных, 10 миллионов безработных, расизм, дискриминация и проявления хулиганства на расовой почве, высокий уровень коррупции, обмана и воровства, эпидемии наркомании и СПИДа, быстрорастущая квартирная плата, инфляция, высокие налоги, снижение зарплаты, ухудшение работы и социального обеспечения. На американцев, которые знают обо всех этих истинах из первых рук, вряд ли произведут впечатление демагогия и отеческая забота советского гостя».

Обращает на себя внимание то, что игравший роль бессребреника и борца с привилегиями, предметами гордости которого были поездка на троллейбусе, посещение магазина и визит в районную поликлинику, Ельцин, оказавшись в США, начал беззастенчиво торговать своей страной, получая огромные гонорары.

Напрашивается вопрос: а разве то, что рассказал о Ельцине Гэс Холл, не знали в Советском Союзе, не знали коммунисты, коллеги Ельцина, которые, поддерживая заблуждение неосведомлённых рядовых граждан, упорно возносили его на вершину власти? Массовое затмение обернулось для страны и народа неисчислимыми бедами. Прозрение оказалось долгим и мучительным.

Мы уже не раз касались взглядов героя нашей книги на ряд принципиальных вопросов общественной жизни, политики и истории. Не затрагивая мировоззренческие представления Шебаршина, трудно понять его отношение к тем событиям, которые довелось ему пережить на крутом переломе в жизни страны, во времена всеобщего хаоса и безвременья. При этом мы прекрасно понимаем, что убеждения и воззрения человека — тема довольно деликатная, и касаемся мы её отнюдь не ради того, чтобы поупражняться в чисто умозрительных спорах и рассуждениях. Для нас эта тема — весьма конкретная, она многое объясняет в поступках человека, чей социальный статус уже сам по себе предполагал активную позицию, не позволял оставаться в стороне от событий, потрясших страну.

А ведь многое в действиях Леонида Владимировича на первый взгляд бывает трудно оценить однозначно. Тем более нелегко это сделать, если руководствоваться только упрощённым подходом по принципу «свой — чужой», «с нами или против нас». Не случайно линию поведения Шебаршина в августе 1991 года его коллеги по службе восприняли по-разному.

Думается, на позиции, занятой Леонидом Владимировичем в дни, когда решалась судьба страны, сказалась его односторонняя и чересчур прямолинейная оценка причин гибели СССР. Шебаршин никогда не скрывал свою точку зрения и всегда отстаивал её, будучи убеждённым, что в основе распада СССР, фактической гибели партии лежали исключительно внутренние объективные предпосылки и всё, что происходило, было для страны исторически неизбежно. О своей приверженности такой философской линии он заявлял неоднократно и в более позднее время. Так, в декабре 2001 года в интервью журналу «Коммерсантъ-Власть» он говорил по этому поводу: «Историческому процессу нельзя противостоять. К нему можно только приспособиться». Такой же смысл содержит и другое

его пессимистическое высказывание, которое не раз слышали от него его товарищи по работе: «Мы не в силах изменить мир, в котором живём».

Напрашивается вопрос: если гибель СССР, по мнению Шебаршина, была неминуема, если к началу 1990-х годов всё было предрешено и не зависело от субъективных факторов, то имела ли вообще смысл борьба за спасение Советского Союза и сохранение социалистического строя? Чёткого ответа на этот вопрос Леонид Владимирович нам так и не оставил. Попробуем в одном принципиальном вопросе разобраться с помощью... западных специалистов, признанных авторитетов в области экономики и социологии.

Почему именно их мнение интересует нас в данном случае? Да прежде всего потому, что «архитекторы» горбачёвской перестройки и всех мастей «демократы», доказывая неразрешимость кризисных и застойных проблем, поразивших Советский Союз, чаще всего ссылаются именно на западных исследователей. А те в последнее время всё чаще задаются вопросом: существовали ли объективные предпосылки столь быстрого распада СССР?

Известный экономист и социолог, глава Центра российских исследований при Американском институте предпринимательства (*American Enterprise Institute*) Леон Арон считает, что веских причин для скорой гибели Советского Союза не было. В 1985 году, отмечает он, СССР располагал достаточными природными и человеческими ресурсами, чтобы выйти из кризиса. И ни один из ключевых экономических показателей до 1985 года не указывал на приближение катастрофы. С 1981 по 1985 год рост ВВП страны хотя и несколько замедлился по сравнению с 1960-ми и 1970-ми годами, но всё же составлял в среднем 1,9 процента в год. Вряд ли можно назвать такое положение, сохранявшееся вплоть до 1989 года, катастрофическим. Доходы страны в 1985 году возросли более чем на 2 процента, а зарплаты после внесения поправок на инфляцию продолжали расти в следующие пять лет, вплоть до 1990 года, в среднем на 7 процентов.

Американский профессор из Уэслианского университета (*Wesleyan University*) Питер Рутланд, считая, что положение в советской экономике было довольно неприятным, подчёркивает, что «хронические болезни, в конце концов, не обязательно смертельны». Известный шведский экономист, специалист в области российской политики и экономики Андерс Ослунд (Институт международной экономики им. Петерсона) отмечает, что с 1985 по 1987 год ситуация «вовсе не была драматической».

Обратимся к сведениям, отражающим состояние нашей экономики, которые носят объективный характер и неподвластны фальсификаторам

советской истории и веяниям времени. Они говорят о том, что хозяйственный механизм СССР был пронизан миллионами связующих нитей. С каждым из крупных промышленных предприятий сотрудничало в среднем 400–500 взаимозависимых заводов и фабрик, находящихся в различных республиках и регионах. Данные Центрального статистического управления СССР за 1987 год подтверждают наличие таких экономических связей, которые не могли рассыпаться сами по себе. Так, РСФСР из других республик ввозила продукцию 102 отраслей, а вывозила в них товары, произведённые предприятиями 104 отраслей. Сложившаяся система экономических отношений в стране могла разрушиться лишь сознательно и преднамеренно.

А ведь кроме того, как совершенно верно напоминает нам в статье «Преступление века. Трагедия столетия» профессор Алексей Молчанов (Правда. 2013. № 136. 6–9 декабря), советское общество строилось как *единая семья*, и эта идея — идея создания единой семьи народов — поддерживалась всей мощью социалистического государства. Страну крепили многогранные социокультурные, профессиональные, духовные, семейно-родственные связи. Из 73 миллионов советских семей около 13 миллионов по своему национальному составу были смешанными.

Мы имели *единую* государственную систему. У нас было *единое* гражданство. Стержневыми элементами общей экономики были *единая* энергосистема, *единая* транспортная система, *единая* система связи. В советском обществе успешно развивалась *единая* система образования и науки. Мы имели *единые* вооружённые силы, *единую* систему государственной безопасности, *единую* границу...

Конечно, Советский Союз во второй половине 1980-х годов переживал глубокий экономический и политический кризис. Но, к сожалению, Леонид Владимирович, по мнению ряда его соратников, долгое время не верил, что атака на Советский Союз велась в первую очередь из Кремля, с помощью активной западной поддержки, и долгое время находился в плену либерально-философского мифа о самопроизвольном распаде СССР.

Важнейшие социально-экономические критерии состояния страны, подкреплённые мнениями даже западных исследователей, свидетельствуют о полной жизнеспособности в то время Советского государства и общества. Они лишний раз подтверждают, что во второй половине 1980-х годов «демократы» серьёзным анализом ситуации в стране не занимались — разрушители, действовавшие по принципу «чем хуже — тем лучше!», в этом не нуждались. По мере того как перестройка набирала обороты, продуманные, взвешенные действия всё чаще подменялись авантюризмом

и волюнтаризмом, свойственными политикам «новой волны», которых горбачёвская власть плодила в геометрической прогрессии. В стране восторжествовали некомпетентность и невежество, а ведущие роли в политическом процессе занимали тщеславные люди с мелкими личными амбициями.

С другой стороны, и позиция здоровых сил партии становилась всё более невнятной. При этом всё меньше людей всерьёз верили в способность КПСС или какой-либо другой силы переломить ход событий.

Было ясно, что коммунисты при Горбачёве не смогли привлечь широкие народные массы к борьбе с апологетами капитализма, проявляли недопустимую к ним терпимость, часто шли на неоправданные компромиссы и сотрудничество. Многие из них в критические моменты противостояния, требующие твёрдости и мужества, нередко руководствовались ложно понятой партийной дисциплиной или оправдывали свои действия стремлением сохранить единство в партии, которая уже разделилась на два непримиримых крыла. Именно поэтому Горбачёв сумел досидеть на своём посту до тех пор, пока не развалил всё, что ему отводилось развалить Западом и «пятой колонной» по сценарию разрушения СССР и КПСС.

Почти сказочный сюжет на тему «как иголкой убить слона», — то есть развалить СССР сверху, руками руководителей КПСС и государства, — западным странам во главе с США удалось сделать явью.

...Двух начальников управлений КГБ — Шебаршина и Леонова — связывали не только служебные дела. В небольшом дачном посёлке они были соседями, часто общались по вечерам, любили посидеть за шахматами. Леонид Владимирович уважал Леонова за обстоятельность и надёжность. «Николай Сергеевич, — писал он, — основателен во всём: в шахматах, в своём огородном хозяйстве, в отношениях с людьми, в мыслях. В этом русском рязанском человеке — беспредельная энергия и упорный всесокрушающий дух».

В тёплые летние дни они садились играть в шахматы под развесистым дубом, где можно было подышать свежим воздухом. За игрой пили чай и не спеша вели разговоры, не всегда уместные в рабочих кабинетах, в текучке повседневных дел.

Шебаршин знал, что Николай Сергеевич — человек прямой и откровенный от природы и с ним можно не лукавить. На этот раз разговор оказался невесёлым: шансы на спасение единого Советского государства с каждым днём уменьшаются. Горбачёв в растерянности и озабочен только сохранением своего президентского кресла. Его борьба с Ельциным не

может смениться сотрудничеством или хотя бы сосуществованием — Горбачёв проиграет. Экономическая разруха усугубляется, и непродуманные, скороспелые попытки повернуть огромную страну от планового хозяйства к рынку будут иметь самые тяжёлые последствия. Американцы ведут себя в СССР как хозяева. Расчёты на западную экономическую помощь иллюзорны: руководство боится правды, обманывает себя, народ — всех.

В воздухе повисает традиционный русский вопрос: «Что делать?»

Первым нарушает молчание Шебаршин:

— Может быть, нужно чрезвычайное положение?

— Пожалуй, да. Но только следует помнить, что чрезвычайным положением людей не накормишь. И не заставишь их работать...

Этот диалог произошёл за несколько дней до создания ГКЧП. Для нас с читателем он важен тем, что Шебаршин, видя пропасть, в которую катилась страна, не исключал возможности введения чрезвычайного положения.

НА ПЕРЕЛОМЕ

На одной из пресс-конференций в конце 1991 года, после провала ГКЧП, председателю комиссии Верховного Совета СССР по расследованию августовских событий Александру Оболенскому журналисты задали вопрос: «Когда мы узнаем всю правду о том, что всё-таки произошло в трагические дни августа?» Его ответ тогда процитировала практически вся российская и зарубежная печать: «Боюсь, что при жизни нашего поколения мы всю правду вряд ли узнаем».

Несмотря на то, что за двадцать с лишним лет далеко не всё тайное стало явным, многое всё же прояснилось. Прежде всего — прояснилось в головах людей. Ведь многим понадобилось время, чтобы понять, против кого и против чего выступил ГКЧП. Они воочию увидели, куда новые правители страны привели СССР и куда они повели потом Россию.

Были обнародованы и многие важные детали августовских событий. Стало, например, известно, что Горбачёв лично благословлял «мятежников» и заблаговременно уехал отсиживаться в Форос. Заранее знал о выступлении ГКЧП и Ельцин. Причём сценарий, по которому стремительно раскручивались события, был выгоден обоим: одному — чтобы поднять свой приблизившийся к нулю рейтинг; другому — чтобы расчистить путь к практически неограниченной власти, выведя Россию из состава СССР.

Однако, несмотря на очевидность планов и целей участвовавших в августовских событиях сторон, к историческому явлению под названием ГКЧП в официальной пропаганде и большинстве средств массовой информации по-прежнему применяется понятие «путч», которое режет слух нормальному человеку. Режет той ненавистью, которую вложили в слово «путч» рвавшиеся к власти силы охлократии, задумавшие чудовищный эксперимент над страной, Россией, народом.

Но есть в этом слове и плохо скрытый страх тех, кто *сознательно* разрушал страну, хорошо знал тогда и понимает сейчас, что рано или поздно правда всё равно восторжествует. И надо сказать, что история уже многое расставила по своим местам...

Утром 19 августа по радио и телевидению было зачитано Заявление советского руководства о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению^[34]. А в Обращении к советскому народу ГКЧП с горечью отмечал, что в последнее время на смену былому энтузиазму и

надеждам людей пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения, а политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Стало насаждаться злобное глумление над всеми институтами государства, страна сделалась неуправляемой.

Как отмечалось в обращении, воспользовавшись предоставленными в процессе демократизации свободами, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, политические авантюристы не считались с тем, что осуждаемые и разрывающиеся ими союзные связи устанавливались государством на основе широкой народной поддержки, прошедшей многовековую проверку историей. Те, кто по существу вёл дело к свержению конституционного строя, должны были ответить перед матерями и отцами за тех, кто стал жертвой межнациональных конфликтов.

ГКЧП видел свою задачу в преодолении глубокого и всестороннего кризиса, возникшей политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожали жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости нашей родины.

В обращении подчёркивалось, что ГКЧП руководствуется мнением народа, который в ходе Всесоюзного референдума по вопросу о сохранении Союза высказался ясно и недвусмысленно в его поддержку. Цели ГКЧП были подчинены тому, чтобы остановить распад страны и не допустить подписания договора о создании вместо СССР суррогатного объединения — Союза суверенных государств.

Необходимо отметить один характерный факт: кроме российского, литовского и молдавского руководства, никто из лидеров других республик не призвал к сопротивлению Государственному комитету по чрезвычайным ситуациям и не назвал его действия незаконными. В полном составе и безоговорочно согласилось с созданием ГКЧП правительство СССР — во имя сохранения целостности страны.

...Шебаршин не раз сетовал, что председатель КГБ заранее не поставил его в известность о планах по созданию ГКЧП. И действительно: лишь во второй половине дня 18 августа, за несколько часов перед тем, как о ГКЧП узнала вся страна, В. Ф. Грушко, первый заместитель председателя КГБ, передал начальнику ПГУ распоряжение Крючкова привести в боевую готовность две группы ОУЦ^[35], не называя целей приказа. Лишь утром 19

августа Леонид Владимирович из сообщений радио узнал о создании ГКЧП, а на совещании у Крючкова — о его целях и ближайших задачах.

Но могло ли быть иначе? Мог ли Крючков заранее посвятить Шебаршина в планы, которые предусматривали выполнение решений ГКЧП, мог ли он до конца положиться на него? Думается, что нет, и ход событий подтвердил правоту председателя КГБ.

Будем откровенны: за пределами круга чисто служебных вопросов отношения Крючкова и Шебаршина не носили доверительного характера. Дело в том, что взгляды председателя КГБ и начальника ПГУ на ряд принципиальных политических вопросов существенно расходились. Это касалось прежде всего их понимания места и значения партии в государстве и обществе. Владимир Александрович — убеждённый партиец, не мыслил дальнейшей жизни страны без ведущей роли КПСС. Леонид Владимирович к подобной перспективе относился скептически. В его опубликованных воспоминаниях часто говорится о формализме и скуке в работе партийных комитетов и организаций, в них трудно найти хотя бы одно более или менее позитивное суждение о КПСС. При этом Леонид Владимирович упоминает, что всегда был «абсолютно лояльным членом партии». Конечно, несколько странно слышать такие высказывания из уст члена КПСС, облечённого полномочиями огромной государственной важности. Ведь в партию вступали не для того, чтобы проявлять к ней просто лояльность, — обязанностью каждого коммуниста являлась активная борьба за её идеалы и принципы.

Поделились с автором своими наблюдениями на этот счёт товарищи Шебаршина по партийной организации ПГУ КГБ. Например, будучи членом парткома, Леонид Владимирович редко бывал на его заседаниях, не стремился использовать партийное влияние на повышение персональной ответственности руководителей за порученное дело.

(В скобках заметим, что у Крючкова расходились взгляды не только с Шебаршиным. Не находил он общего языка и со своим первым заместителем Ф. Д. Бобковым^[36], с которым расстался задолго до августовских событий, ещё в начале 1991 года.)

Безусловно, глубокую зарубку в сознании Крючкова оставил отказ Шебаршина выставить свою кандидатуру для избрания в ЦК КПСС. Владимир Александрович резонно расценил такую позицию как сознательный уход Леонида Владимировича от острой политической борьбы, как снятие с себя существенной доли ответственности за происходящее в стране.

Кроме того, слишком очевидна была линия Шебаршина на

обособление разведки от других управлений и подразделений КГБ, сопровождаемая его частыми рассуждениями об элитарности и корпоративных особенностях разведки. За такой точкой зрения руководство КГБ, многие начальники других управлений усматривали не только некоторый снобизм, но и желание вывести из-под огульной критики «демократов» лишь разведку и заявить о ее непричастности к репрессиям 1930-х годов. По их мнению, было недопустимо стоять в стороне от общих проблем в обстановке, требующей, с одной стороны, критического, но взвешенного переосмысления деятельности комитета, а с другой — активного разоблачения огромного количества наветов на работу чекистов.

На наш взгляд, все эти моменты помогают понять логику дальнейших действий Леонида Владимировича.

Уже 19 августа на совещании руководящего состава разведки по инициативе Шебаршина было принято решение не принимать мер по выполнению указаний председателя КГБ в связи с введением чрезвычайного положения и решений, принятых ГКЧП, а ограничиться лишь информированием заграничных аппаратов и сотрудников разведки о происшедших в стране событиях. Было дано указание направлять в Аналитическое управление КГБ и ГКЧП информацию только о негативном реагировании правительственных кругов и общественности зарубежных государств на события в СССР.

Шебаршин запретил полковнику Б. П. Бескову — командиру группы «Вымпел» — участвовать в планируемых акциях ГКЧП, предусматривавших, в частности, арест Ельцина. Вслед за этим такое же решение принял командир группы «Альфа» генерал-майор В. Ф. Карпухин. Оба руководителя спецподразделений перед самым началом спец-операции «Гром» по захвату здания Верховного Совета РСФСР в кабинете первого заместителя председателя КГБ Г. Е. Агеева отказались от участия в ней.

Было это в ночь на 21 августа, когда напряжение в Комитете госбезопасности достигло предела. По рассказу В. М. Прилукова, в кабинете первого заместителя председателя Агеева собралась небольшая команда в составе хозяина кабинета, заместителя председателя Лебедева, Прилукова, Карпухина и Бескова. Примерно в это же время в кабинете Крючкова совещались все другие лица, входившие в ударный штаб ГКЧП, — Бакланов, Варенников, Ачалов, Громов, Шенин, Крючков, Грушко, Плеханов. Приближалось время «Ч» — начало штурма здания Верховного Совета РСФСР.

Разработчики операции «Гром», назначенной на три часа ночи 21 августа, прекрасно понимали, что для её осуществления не нужны ни

танковые полки, ни десантные батальоны — предполагалось, что армейские части и подразделения внутренних войск лишь блокируют Верховный Совет. С основной задачей вполне могли справиться две элитные команды — группы Карпухина и Бескова. Такого мнения накануне придерживались и Карпухин, и многие другие специалисты. Позднее на допросе начальник отделения группы «Альфа» А. Савельев также высказал подобную точку зрения: «Как профессионал скажу, что в техническом плане штурм здания Верховного Совета РСФСР не представлял собой особой сложности, наши люди были хорошо подготовлены и смогли бы выполнить поставленную задачу»...

Никто и подумать не мог, что ночной разговор в кабинете Агеева примет такой неожиданный оборот.

Реакцию самого Агеева — старшего оперативного руководителя, на которого было возложено осуществление захвата здания Верховного Совета, описывать не будем. Генерал-полковник хорошо знал, что такое отказ от выполнения боевого приказа и чем он обычно карается. Но не суровость наказания останавливала служивых людей — этому явлению просто не было места в традициях и российского, и советского офицерства, об этом просто и подумать не могли.

Страна летела в пропасть, а люди, которые могли её удержать, игнорировали воинскую присягу. Заместитель министра обороны СССР В. А. Ачалов убедил своего министра Д. Т. Язова отменить участие войсковых частей в операции «Гром». Бывший тогда первым заместителем министра внутренних дел Б. В. Громов заявил министру Б. К. Пуго, что внутренние войска не будут выполнять его приказы.

Это был полный провал.

К извечному вопросу о роли личности в истории: многие ветераны КГБ СССР до сих пор считают, что несколько человек своим бездействием повернули ход исторических событий в России...

О сложившейся ситуации надо было доложить Крючкову. Тогда же в кабинете Агеева приняли решение: к Крючкову пойдут Агеев и Прилуков, расскажут всё как есть. Это, по воспоминаниям Прилукова, было невыносимо тяжёлое поручение, для него — может быть, самое тягостное за всю его жизнь...

Крючков не решился докладывать присутствовавшим в его кабинете об отказе групп «Альфа» и «Вымпел» участвовать в операции «Гром». Было принято соломоново решение: направить группу товарищей для рекогносцировки. Вернувшиеся с места событий доложили: обстановка серьёзная, много пьяных, может быть кровопролитие, хотя операция

возможна. Но Крючков вынужден был принять иное решение, продиктованное позицией групп «Альфа» и «Вымпел». Тогда он и произнёс: «Я этого не допущу, венгерские события повторять нельзя».

Его слова вызвали взрыв возмущения. Особенно негодовали Бакланов и Шенин.

Операция отменяется. Обессиленный Крючков звонит Ельцину. Всем слышен ответ: «Я в Форос ехать не собираюсь». О чём они между собой договаривались раньше — так и осталось тайной. Но то, что определённые договорённости, связанные с выступлением ГКЧП, были — не вызывает сомнений.

...А Шебаршин в те дни принял сторону ельцинского окружения. В критический момент противостояния он был у Г. Э. Бурбулиса, ближайшего соратника Ельцина, и советовался с ним. Именно из кабинета Бурбулиса Шебаршин, как он пишет в своих воспоминаниях, позвонил Крючкову и стал отговаривать его от каких-либо решительных действий. При этом он полагал, что якобы может вспыхнуть гражданская война. Но это выглядело довольно наивно — никаких предпосылок в стране для этого не было.

Прояви тогда Крючков больше чёткости в руководстве подразделениями КГБ и решительности, не увязни в политических комбинациях — и всё могло пойти по-другому. Например, ещё вечером 18 августа не составляло труда арестовать Ельцина в аэропорту Чкаловский, куда его самолёт вернулся из Алма-Аты. Затем планировалось, что Карпухин с подразделением «Альфа» задержит Ельцина и Хасбулатова в Архангельском и доставит их в охотхозяйство «Завидово» для переговоров с членами ГКЧП. Но до утра 19 августа Карпухин так и не дождался чётких распоряжений на этот счёт. Конечно же Виктор Фёдорович почувствовал колебания и половинчатость действий Крюčkова, что и послужило одной из причин его отказа от участия в операции «Гром».

А ведь очевидцы утверждают, что Ельцин поначалу сильно трусил. Предоставим слово Р. И. Хасбулатову, исполнявшему тогда обязанности председателя Верховного Совета РСФСР:

«Ельцин за это время дважды продемонстрировал свою слабость. Первый раз, когда всё только начиналось. Я заскочил к нему домой и увидел его полностью растерянным. Он говорил о том, что скоро придут люди Крюčkова, что нас арестуют, всё пропало, мы проиграли. Я стал его трясти и даже возмутился — как так, два года мы бились за какую-то самостоятельность России, настаивали на своём праве иметь какие-то экономические

права для осуществления реформ, а теперь сдаваться? Что о нас скажет история — что мы оказались трусами? Надо драться. К тому моменту я уже дал указание найти Силаева, министров и депутатов. И мы стали планомерно готовиться к противостоянию.

А в ночь с 20-го на 21-е Ельцин хотел сбежать в американское посольство. Когда мы спустились на лифте в гараж, он стал меня уговаривать. Сказал, что получил известие, мол, через час начнётся штурм, а потом нас должны расстрелять. Ельцин предлагал спрятаться у американцев, а потом, когда через несколько дней в мире поднимется шум и Горбачёв вернётся, выйти и руководить страной. Я выслушал и с трудом удержался от крепких выражений...»

Понятна позиция тех представителей руководящего состава КГБ, которые до сих пор считают, что одну из главных ролей в срыве планов ГКЧП сыграл Хасбулатов, который сумел фактически подчинить себе Ельцина и вернуть ему способность к действию. А ведь за всеми красочными снимками митингов в августовские дни с красующимся на танках президентом России скрывается подлинная сущность Ельцина — человека безвольного, трусливого, уходящего от проблем и страха с помощью алкоголя, а потому способного на самые непредсказуемые поступки. Что он и доказал сначала в Беловежской Пуще, а потом при расстреле Верховного Совета осенью 1993 года. Вот это были настоящие антигосударственные и антинародные заговоры, путчи по полной программе, которые у «демократов» принято почему-то называть «решительными действиями».

Напрашивается вопрос: а не вызвали бы силовые акции КГБ совместно с армейскими подразделениями — операция «Гром» и арест Ельцина — кровопролития в случае их проведения, чего, как известно, не желали члены ГКЧП?

Не принято, конечно, обсуждать то, что осталось в прошлом. Однако будем откровенны: вероятность такого хода событий существовала. Но за огромным числом всевозможных высказываний, предупреждений и не утихавшего кликушества на эту тему мало кто из либерал-демократов осудил впоследствии кровавый штурм Верховного Совета в октябре 1993 года, осуществлённый по личному приказу Ельцина. С их стороны почему-то остался незамеченным геноцид российского народа в 1990-е годы, причиной которого стала антинародная ельцинская политика. В результате её обнищала огромная часть жителей страны, резко увеличилась

смертность и упала рождаемость, на несколько миллионов уменьшилась численность населения...

Некоторые бывшие руководящие работники КГБ считают, что половинчатая, а порой и невнятная позиция Крючкова делает его одним из главных виновников поражения ГКЧП. Ведь в Комитет государственной безопасности, в честность и порядочность людей, его представлявших, продолжала верить основная масса населения страны. Верить, несмотря на истеричную кампанию клеветы. А потому реальная возможность победы ГКЧП, опиравшегося на КГБ, существовала.

При этом есть вполне обоснованное мнение, что Крючков в августовские дни «завис» между двумя стульями и, продолжая в целом рассчитывать на Горбачёва, поддерживать его, надеясь на его переориентацию, скрытно вёл переговоры с Ельциным, что было зафиксировано очевидцами. Проще говоря: заигрался. Но правомерно ли вешать на Владимира Александровича основную часть вины за случившуюся трагедию? Давайте вспомним, что позиция практически всего сохранившегося здорового ядра партийных и советских руководителей по отношению к горбачёвскому курсу оставалась расплывчатой, что, кстати, и продемонстрировал прошедший в июле 1991 года пленум ЦК КПСС.

Это касается и членов ГКЧП. Ведь если проанализировать содержание основных документов, обнародованных ими 19 августа, то нетрудно заметить, что все обращения и заявления вполне соответствуют атмосфере и взаимоотношениям, сложившимся к тому времени в верхних эшелонах власти. В них не фигурируют какие-либо конкретные лица, не называются открыто силы, ответственные за бедственное положение страны, а трудящиеся не призываются к реальным действиям во имя защиты родины и социализма. Естественно, столь странная «тактика», характеризующаяся полным отсутствием организаторской работы в массах, привела к тому, что никаких значимых выступлений в поддержку ГКЧП в столице и других городах страны не наблюдалось.

Члены ГКЧП оказались «страшно далеки от народа»^[37] и не думали на него опереться в своих действиях. Вопрос о проведении забастовок, демонстраций, митингов, способных противостоять массовым шабашам «демократов», даже и не ставился.

В действиях и оценках политики Горбачёва и его ближайшего окружения со стороны ГКЧП проявилась неопределённость. Долгое время все они были в одной команде и поддерживали его, а некоторые спокойно и довольно долго созерцали опасный характер политических и

экономических реформ, не имеющих ничего общего с задачами выхода из кризиса и дальнейшего развития страны в рамках социалистического выбора. Трудно было не видеть, как СССР стремительно скатывается к капитализму и в стране устанавливается диктатура буржуазии.

Личная преданность «заговорщиков» Горбачёву, их надежды на то, что он в конце концов образумится, привели к тому, что ГКЧП стал инструментом осуществления чужих замыслов, направленных на окончательное разрушение Советского Союза и КПСС.

Как справедливо отмечал лидер КПрФ Г. Зюганов,

«с попустительства первых лиц государства и партии либерально-демократической верхушке страны удалось использовать ГКЧП в своих интересах, превратить его создание и деятельность в одну из самых гнусных политических провокаций XX века, перед которой меркнут поджог рейхстага и убийство Кирова.

Одни и те же лица сами всё затеяли, сами всё спровоцировали и сами же обвинили тех, кого выдвинули в ГКЧП и побудили к активным публичным действиям. Многие из тех, кто метал гром и молнии в адрес ГКЧП, ещё за две недели до августовских событий расписывали общий порядок его действий. Сценарий введения чрезвычайного положения в стране не допускал никакого исхода, кроме поражения ГКЧП».

На наш взгляд, огромная беда заключается в том, что члены ГКЧП своим нерешительным поведением и невразумительной позицией подставили под удар тысячи честных коммунистов и руководителей, поддержавших их в Центре и в регионах.

Со временем стало известно, что эта акция долго и тщательно готовилась в предательской группировке Политбюро ЦК КПСС. Например, Горбачёв заговорил о необходимости принятия чрезвычайных мер ещё в феврале 1991 года. И конечно же не случайно Яковлев весной и летом «предупреждал» о неизбежности «государственного переворота», последний раз, о чём с гордостью свидетельствуют его поклонники, — 17 августа. Мастер закулисных интриг, как всегда, проявил завидную осведомлённость и занимался подготовкой декораций, имитирующих достоверность всего происходящего.

В интервью «Независимой газете», опубликованном 18 мая 2010 года, бывший председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов

подчеркнул, что есть вещи, о которых очень долго молчали. Например, о том, что Государственный комитет по чрезвычайному положению был образован самим Горбачёвым. Состав соответствующей комиссии, которая должна была подготовить введение чрезвычайного положения, был определён на совещании у Горбачёва, которое состоялось 28 марта 1991 года и на котором Лукьянов присутствовал. Тогда же в ГКЧП под руководством Янаева были включены все те, кто позже, в августе, в него и вошли. Им, членам комиссии, было предложено подготовить закон о порядке введения чрезвычайного положения, а группе генералов КГБ — и они сделали это — написать обращение к народу. Всё это и было осуществлено.

Становится понятным, почему накануне заявления о создании ГКЧП, в воскресенье 18 августа, О. Бакланов, В. Болдин, О. Шенин, В. Варенников и Ю. Плеханов посещают Горбачёва в Форосе, куда он 4 августа предусмотрительно улетел в отпуск, и получают от него принципиальное одобрение на решительные действия. Их позиция известна: заручиться его согласием на введение чрезвычайного положения в стране и отложить принятие ново-огарёвских соглашений, которые не имеют никаких правовых основ. Кстати, вопрос о новом Союзном договоре, по мнению членов ГКЧП, должен был решать Съезд народных депутатов, провести который намечалось в сентябре.

Участники встречи в Форосе единодушно вспоминают: Горбачёв выслушал их, пожал им руки и сказал: «Действуйте, чёрт с вами!»

Довольно ясно позицию Горбачёва в Форосе сформулировал Варенников: он давал добро на введение чрезвычайного положения, но сам объявлять это положение не желал.

Вернёмся ещё раз к вопросу о том, можно ли назвать создание ГКЧП путчем, заговором либо переворотом. А ведь именно в таких трактовках августовские события мечтают сохранить в истории либерал-демократы. Однако любой здравомыслящий человек понимает: если это был заговор, то вряд ли заговорщики добровольно поехали бы к Горбачёву — к тому, против кого они якобы сговаривались. Путч означал бы ломку всей государственной системы, чего в планах ГКЧП, выступавшего за сохранение СССР и существующего политического строя, и в помине не было, да и быть не могло.

А. И. Лукьянов дал, пожалуй, наиболее точную характеристику действиям ГКЧП: это была отчаянная, но плохо организованная попытка группы руководителей страны спасти Союз, попытка людей, веривших, что их поддержит президент, что он отложит подписание проекта Союзного

договора, который означал юридическое оформление разрушения Советской страны.

Почему же организация ГКЧП была столь слабой, что это сразу бросалось в глаза даже людям, которые никогда в жизни не соприкасались с подобными вопросами? Во многом проливает свет на эту проблему одна из бесед автора с В. М. Прилуковым. Он, в частности, рассказал, что за три дня до 19 августа у него состоялась доверительная встреча с В. А. Крючковым, и тот посетовал на то, что люди, казалось бы, призванные по своему статусу возглавить ГКЧП, и что немаловажно — помоложе его, отказывались от этого. Сначала отказался А. И. Лукьянов (он возглавлял Верховный Совет), потом О. С. Шенин (бывший тогда членом Политбюро, секретарём ЦК КПСС). Снял свою кандидатуру на этот пост и премьер-министр В. С. Павлов...

Крючков тогда переживал, что ему в преклонном возрасте (а было ему тогда 67 лет) придётся взвалить на себя ношу *фактического* руководителя ГКЧП. Так и случилось. Что конечно же ничуть не умаляет мужества Г. И. Янаева, исполнявшего 19–21 августа обязанности президента страны. Вполне понятно, что впоследствии «демократы», захватив практически все СМИ страны, постарались представить этих деятелей, безусловно, исторического масштаба в сером, неприглядном свете.

На наш взгляд, здесь кроется один из главных просчётов ГКЧП: к советскому народу обратились тогда, по сути, лишь несколько человек — членов Государственного комитета, которых «демократам» нетрудно было выставить в качестве «заговорщиков». Однако Верховный Совет и ЦК КПСС, которым народ ещё доверял, хранили молчание. Реальная возможность подвигнуть эти авторитетные органы государства и партии на активные действия существовала, но не была использована — люди из ГКЧП и поддерживавшие его политики, обладавшие влиянием и властью, в решающий момент заняли довольно пассивную позицию.

Не ошибёмся, если скажем: во главе ГКЧП стали люди, остро чувствовавшие, какие беды придётся испытать их народу с реставрацией капитализма в России. А сомнений в том, что страну сталкивают на капиталистический путь, с каждым днём оставалось всё меньше.

Обратимся вновь к воспоминаниям Шебаршина.

«Мне вполне понятно, — пишет Леонид Владимирович, — какими мотивами руководствовались „заговорщики“, решаясь на столь отчаянный шаг. Я неплохо знаю Крючкова, много общался с генералом Варенниковым, маршалом Ахромеевым, Олегом

Дмитриевичем Баклановым и совершенно убеждён, что это честные, бескорыстные люди, патриоты своей страны, доведённые до отчаяния».

С этими словами трудно не согласиться. Но вот то, что Шебаршин пишет дальше, может вызвать у читателей некоторое недоумение:

«...Почему ГКЧП действовал столь вяло, неуверенно и нерешительно, почему Крючков в этот ответственный момент не привёл в действие весь комитет, почему не была отключена связь с Белым домом? Вопросы — крупные и мелкие — неотвязны. Не самый главный, но для меня весьма существенный: почему Крючков не пытался вовлечь в свои замыслы начальника разведки, хотя бы предупредить меня о том, что одно из наших подразделений может потребоваться для решительных действий в Москве?»

Постановка Леонидом Владимировичем таких вопросов кажется несколько странной: мы-то ведь уже знаем о тех противоречиях, которые существовали между Крючковым и Шебаршиным, как знаем и о том, что не кто иной, как начальник ПГУ, *лично* дал своим спецподразделениям «отбой» после того, как они были заблаговременно, за трое суток до предполагаемой операции «Гром», приведены в боевую готовность. Но не будем торопиться упрекать Шебаршина в том, что вопросы, которыми он задаётся, не слишком корректны. За ними угадывается чувство вины, которую наш герой со временем стал испытывать за свою позицию, занятую во время августовских событий. Ведь Леонид Владимирович, по сути дела, говорит здесь о своей готовности поддержать Крючкова, если бы тот... доверял ему в той мере, в какой доверял он другим руководителям КГБ — Агееву, Калининченку, Прилукову...

Нашу догадку подтверждают и друзья Шебаршина, в том числе и Прилуков, который рассказал о том, что в дальнейшем Леонид Владимирович не любил вспоминать об этих трагических событиях — чувствовалось, что в душе у него шла мучительная переоценка того, что случилось. Заметно изменилось и его отношение к той роли, которую судьба отвела тогда председателю КГБ. Да, Крючков, может быть, и не обладал в должной мере харизмой и бойцовскими качествами, необходимыми для того, чтобы в трудный момент повести людей за собой. Но он был человеком дела, способным на благородные и самоотверженные

поступки. Жаль, что эти свойства Владимира Александровича Шебаршин смог оценить по достоинству лишь несколько лет спустя. Леонид Владимирович переживал, что в период ГКЧП излишне негативно и жёстко отнёсся к действиям Крючкова, даже назвал его предателем. Но, как человек порядочный, он в конце концов принёс ему извинения и до конца жизни в кругу друзей отзывался о нём только положительно.

Правда, есть люди, которые до сих пор сомневаются, что Шебаршин был совершенно непричастен к подготовке выступления ГКЧП. Ведь было хорошо известно, что Крючков неоднократно встречался с «заговорщиками» на секретных объектах Первого главного управления, и группа по расследованию деятельности ПГУ во время августовских событий, которую возглавлял некто Шиповский, считала, что Шебаршин знал о содержании этих встреч. На что Леонид Владимирович замечал:

«...Всё моё служебное воспитание не позволяло мне интересоваться, с кем и для чего встречается председатель КГБ. Да, Крючков звонил мне, спрашивал, свободен ли вечером гостевой дом, и просил распорядиться подготовить ужин, иногда на две, иногда на три-четыре персоны. По-видимому, мой собеседник (имеется в виду Шиповский. — А. Ж.) считает, что после каждой такой встречи поутру я вызывал официантов, охранников и опрашивал их: кто был с Владимиром Александровичем, да сколько выпили, о чём говорили, спорили, улыбались или хмурились?..»

Некоторые коллеги Шебаршина считают, что после августа 1991 года у Шебаршина произошёл психологический надлом. Особенно потрясли его аресты членов ГКЧП. Он находился в таком подавленном состоянии, что однажды в кабинете Бескова, с которым был в доверительных отношениях, произнёс: «Борис, настроение — хоть стреляйся!» О душевном состоянии Леонида Владимировича в те дни беспокоились многие его друзья.

Не только Шебаршин, но и многие другие, такие же честные люди, настоящие патриоты-государственники, пережившие август 1991-го, позднее сожалели, что не проявили тогда достаточной твёрдости, заблуждались по поводу политической состоятельности лидеров «демократов» и искренности их намерений. Однако все они принимали решения и действовали с желанием сделать как можно лучше, во всяком случае — пытались не навредить своей стране. Многие, как и Шебаршин, наивно полагали, что всё само собой обойдётся, успокоится, что страна

устоит и СССР сохранится. Но чем обернулась такая наивность, мы хорошо знаем.

...Днем 21 августа члены ГКЧП Бакланов, Крючков, Тизяков, Язов, а также Ивашко и Лукьянов вылетели к Горбачёву в Форос. В какой атмосфере развивались дальнейшие события, помогает прочувствовать рассказ Е. М. Примакова^[38].

Сам Евгений Максимович в те августовские дни сначала отдыхал в санатории «Южный», километрах в десяти от Фороса, где тогда находился Горбачёв. Среди многочисленных знакомых, отдыхавших в санатории, оказался и Б. К. Пуго, который проводил отпуск вместе с женой. Однако он как-то внезапно засобирався в Москву. Примаков попытался отговорить его — в Крыму стояла прекрасная погода, — но Борис Карлович сослался на срочные дела. А через день, утром, по телевизору передали обращение ГКЧП, и Примаков тут же запросил билет на самолёт. Вылетел в Москву 20 августа.

Первое, на что обратил внимание: у дома на улице Щусева, где он жил, стоял танк. Утром, ещё не было и восьми, приехал в Кремль и сразу же зашёл к Янаеву — их кабинеты находились недалеко друг от друга, — с порога резко спросил:

— Ты в своём уме?

Примаков с Янаевым были на «ты», друг к другу обращались по имени.

Чувствовалось, что Янаев растерян.

— Женя, поверь, всё уладится. Михаил Сергеевич вернётся, и мы будем работать вместе.

— Что-то не верится. Нужно немедленно убрать танки с улиц Москвы...

А позднее Примакову позвонил Силаев, бывший тогда председателем Совета министров РСФСР, и предложил лететь в Форос, к Горбачёву. Сказал, что летит ещё целая группа.

— Я полечу, — сказал Силаев, — ещё Руцкой, министр юстиции Фёдоров, французский посол, несколько журналистов, наших и зарубежных, Бакатин...

Ту-134 оказался забит под завязку.

Особенно по-боевому был настроен Руцкой. Под мышкой на ремне у него болтался новенький «стечкин», придававший Александру Владимировичу грозный вид. Примаков, не выдержав, улыбнулся и предложил сделать Руцкого старшим. Тот таким «назначением» был

доволен^[39]. Перед посадкой на военной базе, расположенной вблизи дачи Горбачёва, Руцкой распорядился: «Первыми высадутся автоматчики, они образуют каре, внутри которого расположимся мы». Это произвело впечатление. Но аэродроме, куда приземлились в восемь часов вечера, стояла тишина. Тёплый воздух был наполнен запахом персиков, а неподалёку на пляже под присмотром родителей резвились и плескались в море детишки, которым не было никакого дела до московских перипетий. Опасность, как выяснилось позже, существовала, но в атмосфере витало что-то шутовское, недодуманное, недоговорённое...

Из Крыма в Москву возвращались также на двух самолётах, только к публике, прилетевшей из Москвы, добавились Горбачёв с семьёй и его помощники. Председатель КГБ РСФСР Иваненко тем временем получил указание явиться с автоматчиками в аэропорт Внуково и задержать членов ГКЧП, летавших в Крым. Миссия неприятная.

После приземления самолёта Иваненко должен был арестовать трёх человек: Крючкова, Язова, Тизякова. Для этого специально открыли заднюю дверь салона.

Крючков был очень спокоен, даже более — заторможен и в движениях, и в реакции, и в чрезмерно затянутых ответах на вопросы. Язов — фронтовик, настоящий солдат — также не выказывал ни малейшего волнения, был даже дружелюбен по отношению к тем, кто пришёл его арестовывать. Лишь улыбка на его лице была печальной: он знал то, чего не знали другие. Тизякова арестовать не удалось — он был депутатом Верховного Совета СССР, а для ареста депутата требовалось лишение его депутатской неприкосновенности.

Вскоре Президиум Верховного Совета СССР дал согласие на арест членов ГКЧП — депутатов. Вместе с ними к уголовной ответственности привлекли лиц, активно содействовавших с Государственным комитетом по чрезвычайному положению. Среди них — член Политбюро ЦК КПСС О. С. Шенин, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС Ю. А. Прокофьев, генерал армии, главнокомандующий Сухопутными войсками — заместитель министра обороны СССР В. И. Варенников, заведующий Общим отделом ЦК КПСС В. И. Болдин. 29 августа арестовывается А. И. Лукьянов. На местах были освобождены от своих должностей практически все региональные руководители, поддерживавшие ГКЧП. В стране развернулась «охота на ведьм».

Разгром ГКЧП завершён.

Некоторые политологи, журналисты, руководители силовых ведомств считают, что создание и действия ГКЧП были акцией, спровоцированной

из-за рубежа. В. М. Прилуков, активно поддерживавший Государственный комитет по чрезвычайному положению, высказывает иное мнение. Он считает, что Запад лишь воспользовался беззубостью и бездарностью руководства ГКЧП. А настоящей, истинной провокацией по отношению к Советскому Союзу со стороны Запада стала навязанная нашему бывшему партийному руководству так называемая «перестройка» и последовавшие за ней «реформы». Главными конструкторами и идеологами этих афёр были западные советологи и аналитики спецслужб, а прорабами-исполнителями — россияне: Горбачёв, Яковлев, Шеварднадзе, Ельцин, Гайдар, Чубайс, Бурбулис, Афанасьев, Попов...

Крах ГКЧП вылился в трагедию не только для людей, выступивших под руководством Янаева. Это явилось крупнейшим поражением КПСС, чьи идеологические и организаторские ресурсы практически полностью иссякли.

О возможности реставрации капитализма в эпоху социалистического строительства неоднократно предупреждал Ленин. Не раз предостерегал коммунистов от благодушия и поливания на лаврах Сталин. «Чем больше будем продвигаться вперёд, чем больше будем иметь успехов, — подчёркивал он, — тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить Советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы».

Как не без оснований полагал Сталин, главные преграды на пути возврата капитализма можно, из-за политической близорукости, устранить и собственными руками. Например, если прекратить работу по развитию научного социализма и обеспечению глубокого усвоения законов общественного развития коммунистами. Или ослабить борьбу за единство партии, потерять политическую бдительность и пропустить, таким образом, в свои ряды специалистов по подрывной деятельности внутри коммунистических организаций. Но к самым тяжёлым последствиям приводят утрата живых связей с массами, отрыв партийной элиты от народа.

Как мы хорошо знаем, после смерти Сталина теорию социализма у нас заменило обычное начётничество. Многие партийные руководители начали испытывать благодушие, теряли требовательность к себе и подчинённым, способность критически оценивать положение дел, выходили из-под контроля партийных и государственных органов. Всё это вызывало вполне обоснованное раздражение у населения. Ведь дело доходило до того, что органы правопорядка и госбезопасности не имели права даже пальцем

тронуть какого-нибудь проворовавшегося секретаря сельского райкома партии.

Результат, конечно, не замедлил сказаться. Внутри самой партии стали проявляться брожения, идеологические разногласия по вопросам дальнейшего развития страны и общества. Были преданы забвению элементарные законы политической борьбы, действующие объективно, а потому — неумолимо.

К тяжёлым последствиям партию привели утрата бдительности в «верхах», в высшем партийном руководстве, игнорирование принципов классового подхода к идеологическому противостоянию, недопонимание и замалчивание усложняющихся социально-экономических проблем стратегического характера. Партию начали разъедать проявления мещанской, частнособственнической психологии, болезненные формы обюрокчивания чиновников всех уровней. Верхушку КПСС, всю партию ждала жестокая расплата за отход в окопы, в оборону, за отказ от активной борьбы в ходе непримиримой и коварной холодной войны с Западом — войны классовой, войны идеологической, информационной, психологической. При попустительстве Горбачёва и его прозападных наставников и советников эта война была бездарно проиграна. А при молчаливом согласии большинства коммунистов власть в партии фактически без боя была отдана возродившемуся мелкобуржуазному сословию.

Доминирующая роль в стране отошла к иным политическим силам, к тем, кто, спекулируя на ожиданиях перелома к лучшему, ловко манипулируя сознанием людей, вверг население страны в длительную эпоху бед и несчастий. Произошла национальная трагедия...

Утром 22 августа Шебаршину позвонили и попросили к двенадцати часам явиться к Горбачёву.

Разговор с президентом, как вспоминал Леонид Владимирович, был очень коротким: «Чего добивался Крючков? Какие указания давались комитету? Знал ли Грушко?»

Шебаршин коротко рассказал Горбачёву о совещании 19 августа.

— Вот подлец. Я больше всех ему верил, ему и Язову. Вы же это знаете. А кто у вас начальник пограничников?

— Калиниченко Илья Яковлевич.

— Как они меня окружили, стерегли! Был приказ стрелять, если кто-то попытается пройти через окружение.

После этого Горбачёв распорядился, чтобы Шебаршин созвал заместителей председателя КГБ и объявил им, что на него временно

возложены обязанности руководителя комитета. (Не мог Шебаршин и подумать, что через сутки и три часа он снова будет у Горбачёва, который в присутствии Ельцина объявит о назначении нового председателя КГБ — В. В. Бакатина.)

Что примечательного для Леонида Владимировича вместили эти сутки?

Из прокуратуры СССР прислали группу для обыска кабинета Крючкова. Другую группу направили обыскивать дачу, ещё одну — городскую квартиру Владимира Александровича...

Распорядился освободить из Лефортовского изолятора Новодворскую...

Создана комиссия по расследованию деятельности КГБ 19–21 августа. Желающих осудить «пособников» ГКЧП и выразить власти верноподданные настроения — более чем достаточно^[40]. Особую активность проявил заместитель председателя КГБ РСФСР В. А. Поделякин, который выступал напористо, с чувством огромной внутренней убеждённости. Предложил вывести из состава коллегии тех, кто активно участвовал в деятельности ГКЧП, в частности, первого заместителя председателя Г. Е. Агеева...

На первом же совещании руководящего состава, которое собрал врио председателя КГБ Шебаршин, принято решение о департизации КГБ; после его окончания издан приказ (от 23 августа 1991 года № 126), в соответствии с которым деятельность партийной организации комитета была прекращена...

В ходе совещания возник какой-то срочный вопрос, требующий согласования с российским президентом. Шебаршин попросил связаться с Ельциным председателем КГБ РСФСР В. В. Иваненко. Многим запомнилась реакция Ельцина:

— А ты чего там сидишь вместе с предателями? Уходи оттуда немедленно!

Иваненко такой реакции не ожидал и подобного обращения не допускал, но был вынужден вместе со своим замом Поделякиным подняться и уйти — что ещё ему оставалось делать, если он был в полном подчинении у Ельцина?..

А тем временем за окнами собиралась толпа, которая намеревалась идти на штурм КГБ. Возбуждённые люди окружили памятник Дзержинскому. Обстановку докладывает начальник комендантской службы КГБ Опанасенко. В конце доклада — вопрос: «Что делать?»

«Ни в коем случае не применять оружие» — это распоряжение в ближайшие часы Шебаршин повторит несколько раз.

На совещании мнения разделяются.

Одним из первых поднялся начальник погранвойск генерал-полковник И. Я. Калиниченко. Илья Яковлевич всю свою жизнь отдал пограничным войскам и с детства, с Суворовского училища, знал, что такое воинская честь. Словно не слыша рёва толпы за окнами, спокойным голосом произнёс:

— Пограничники не дадут толпе перерезать им горло. Мы будем защищать себя и свою документацию с оружием.

Своё несогласие с Шебаршиным высказал и руководитель Московского управления генерал-лейтенант В. М. Прилуков. В своей книге «КГБ против СССР. 17 мгновений измены» писатель Александр Шевякин утверждает следующее: «Один лишь начальник УКГБ В. М. Прилуков поступил как *настоящий человек на настоящем месте* (высказывание Николая II о своём начальнике столичной охраны ген-л-нте А. В. Герасимове): отдал приказ стрелять на поражение во всех, кто посмеет сунуться хотя бы на порог любого здания Управления!»

Здесь Шевякин допустил некоторые неточности. На самом деле в распоряжении Прилукова личному составу предписывалось быть готовым «к возможному налёту хулиганствующего элемента», а в случае реальной опасности соответствующему подразделению надлежало «выдать оружие и стрелять по ногам нападающих при приближении их к зданию на пятьдесят метров». Это решение было оправданно, поскольку в здании хранились архивы и секретные документы государственной важности, а личный состав находился при исполнении служебных обязанностей. Была организована «утечка» содержания приказа — результат оказался эффективным: провокаторы и хулиганы около здания Московского управления не появлялись.

А под стенами здания на площади Дзержинского продолжала бушевать толпа, подогреваемая провокаторами.

Что тогда чувствовал Шебаршин? «Окна кабинета выходят во двор, глухо доносится уличный шум, мне не видно, что происходит вокруг здания, но ситуация знакома. Десяток лет назад в Тегеране приходилось сидеть в осаде, командовать защитниками, слушать рёв толпы, звон разбиваемых стёкол, выстрелы, тяжёлые удары в двери... Но теперь всё это

происходит в самом центре моего города, на Лубянке, а не в Тегеране, и помощи здесь, как и там, ждать неоткуда. Тогда нас осаждали люди, прикидывавшиеся фанатиками-мусульманами, теперь прут те, кто прикинулся демократами... Я знаю, что стрелять нельзя и не стоит. Нас окружает митинговое пушечное мясо, а те, кто заваривает кашу, предпочитают держаться подальше от горячих точек».

Началось надругательство над памятником Дзержинскому. Памятником, установленным в центре столицы СССР в честь одного из самых выдающихся деятелей отечественной истории, последовательного и самоотверженного борца за интересы трудящихся, ставшего светлым и романтическим символом Октября.

Низменной акцией по низвержению монумента руководил прибывший на площадь зампред Моссовета С. Б. Станкевич — с соответствующим решением на руках. Его последующие рассказы о том, что он пытался отвлечь внимание разгневанной толпы, намеревавшейся штурмовать КГБ, рассчитаны на таких же простаков, которых удавалось дурачить двадцать с лишним лет назад. Разве не Станкевич со товарищи перед августовскими событиями настойчиво и последовательно подогревали чёрные инстинкты у обывателей и маргиналов, беззастенчивой ложью вводили в заблуждение массы честных людей?^[41] Шебаршин в своей книге «...И жизни мелочные сны» высказался на этот счёт коротко и ясно: «Демократы подстрекали народ на штурм зданий КГБ».

Есть полное основание утверждать, что всё происходившее перед центральным зданием КГБ 22 августа было предрешено и постановление Моссовета о демонтаже памятника — одно из свидетельств того, что варварская акция была хорошо спланирована.

В одной из телевизионных передач Станкевич не без гордости заявил, что он возглавил толпу на площади Дзержинского, потому что «так распорядилась история». Но, на наш взгляд, привело его туда не историческое провидение, а обычный наполеоновский комплекс, которым страдали тогда многие завлабы и научные сотрудники, возомнившие себя народными трибунами. По этой же причине Станкевич оказался и в числе главных организаторов варварских захватов помещений ЦК КПСС на Старой площади. Думается, история по-настоящему распорядилась тогда, когда Станкевич, скрывавшийся в 1990-е годы от уголовного преследования в Польше, оказался там за решёткой — в той же тюрьме, в которую в своё время царская охранка заточила Феликса Эдмундовича. Нетрудно понять, какой смысл вложила история в это совпадение.

Заметим, что после низвержения памятника Дзержинскому попытки

очернить память о выдающемся революционере только усилились. Вокруг имени Дзержинского до сих пор упорно нагромождается ложь, за которой организаторы вакханалии 22 августа 1991 года чувствуют себя относительно спокойно и безнаказанно. Когда-то биография Дзержинского являлась для советских людей, особенно для молодёжи, учебником нравственности, а его жизнь — образцом служения своей Родине. Всем памятли находившие отклик в молодых сердцах строки Владимира Маяковского из его поэмы «Хорошо!»:

Юноше,
обдумывающему
жизнь,
решающему —
сделать бы жизнь с кого,
скажу
не задумываясь —
«Делай её
с товарища
Дзержинского».

Сейчас же молодёжь воспитывается в основном на грязных выдумках о Дзержинском Романа Гуля, которые тиражируются в Интернете и принимаются неискушёнными молодыми людьми за чистую монету — Всемирная паутина делает своё дело. Продолжают публиковать свои опусы, порочащие и унижающие Дзержинского, так называемые «историки», имеющие об истории, особенно о её переломных моментах, периоде Октября и Гражданской войны, самые смутные представления, манипулирующие фактами, выдернутыми из исторического контекста...

К сведению либералов, создавших легенду о председателе ВЧК как о человеке, стоявшем у истоков репрессий: Ф. Э. Дзержинский в тяжёлое для советской власти время трижды вносил предложения в Совнарком об отмене смертной казни. Заметим: смертная казнь была отменена сразу же после Октябрьской революции II съездом Советов. Затем она вновь вводилась — как вынужденное средство борьбы с «белым террором» и вновь была отменена постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1920 года. В этом постановлении говорилось: «Революционный пролетариат и революционное правительство Советской России с удовольствием констатируют, что разгром вооружённых сил

контрреволюции даёт им возможность отложить в сторону оружие террора». Однако в связи с польским наступлением и реальной угрозой, нависшей над Советской Россией с запада, высшая мера наказания в виде смертной казни была восстановлена. В то же время декретом ВЦИКа в 1922 году был введён запрет на применение смертной казни к лицам до 18 лет, беременным женщинам.

Принципиальная позиция Дзержинского по отношению к высшей мере наказания, его роль в подготовке и принятии документов, отменяющих смертную казнь, — очевидна и имеет большое значение для понимания личности человека, возглавлявшего ВЧК. Так же, как и огромная организаторская работа Феликса Эдмундовича по борьбе с детской беспризорностью, о чём, естественно, сейчас предпочитают умалчивать. А ведь благодаря усилиям именно «карательных» органов удалось вернуть к нормальной, полноценной жизни тысячи людей, многие из которых стали известными учёными и военачальниками, учителями и инженерами...

Подчеркнём, что реальная политика большевиков в первые годы советской власти никак не вяжется с либеральными страшилками о кровавых и беспощадных комиссарах. Несостоятельны и попытки выдать за генеральную линию большевистской партии деятельность в её рядах троцкистских русофобов, отщепенцев и провокаторов, с которыми вело решительную борьбу ленинско-сталинское ядро коммунистов. И одержало победу.

...Из воспоминаний Шебаршина:

«Со стены смотрит на меня с укоризной Феликс Эдмундович Дзержинский. Я перед ним виноват. Оказавшись временно в кресле председателя КГБ, 22 августа я наблюдал публичную казнь его монумента на Лубянской площади и не вмешался, не разорвал на себе рубашку, не пошёл на ликующую, одержимую злобной радостью толпу... Феликс Эдмундович оказался в одиночестве».

...Когда низвергали памятник Дзержинскому, чекисты безмолвствовали. Не слишком громко звучат их голоса в защиту Дзержинского и в наши дни, когда продолжают порочить его имя...

В ЧУЖОМ КРУГУ

Прозрение наступило быстро.

23 августа в 14.00 Шебаршин снова был в приёмной у Горбачёва.

Перед ним в зал совещаний вызвали М. А. Моисеева. Михаил Алексеевич вышел через полминуты, на мгновение остановился и внятно произнёс: «Я больше не заместитель министра обороны и не начальник Генерального штаба».

Отметим: несмотря на тяжёлое поражение, большинство советских военачальников уходили достойно, с чувством до конца выполненного долга. Предшественник Моисеева маршал С. Ф. Ахромеев узнал о создании ГКЧП, будучи в отпуске, сразу же вылетел в Москву, встретился с Янаевым и активно включился в работу по поддержке ГКЧП. 22 августа он отправил на имя Горбачёва письмо, в котором изложил свою позицию:

«Почему я приехал в Москву по своей инициативе — никто меня из Сочи не вызывал — и начал работать в „Комитете“^[42]? Ведь я был уверен, что эта авантюра потерпит поражение, а приехав в Москву, ещё раз убедился в этом. Дело в том, что, начиная с 1990 года, я был убеждён, как убеждён и сегодня, что наша страна идёт к гибели. Вскоре она окажется расчленённой. Я искал способ громко заявить об этом. Посчитал, что моё участие в обеспечении работы „Комитета“ и последующее связанное с этим разбирательство даст мне возможность прямо сказать об этом. Звучит, наверное, неубедительно и наивно, но это так. Никаких корыстных мотивов в этом моём решении не было».

Через день Сергей Фёдорович покончил жизнь самоубийством^[43]. Накануне добровольно ушли из жизни Б. К. Пуго и его жена Валентина Ивановна.

Гибель страны не смогли пережить многие патриоты России. Осенью 1991-го страну обожгли прощальные строки замечательной русской поэтессы Юлии Друниной, прошедшей через суровые испытания на фронтах Великой Отечественной войны:

Ухожу, нету сил. Лишь издали
(Всё ж крещёная!) помолюсь
За таких вот, как вы, — за избранных
Удержать над обрывом Русь.

Но боюсь, что и вы бессильны.
Потому выбираю смерть.
Как летит под откос Россия,
Не могу, не хочу смотреть!

...После Моисеева в комнату заседаний, где за длинным столом расположились Горбачёв, Ельцин, руководители республик, пригласили Шебаршина. Президент СССР был ещё лаконичнее, чем накануне: «Я назначаю Председателем КГБ товарища Бакатина». Затем повернул голову в сторону Шебаршина: «Отправляйтесь сейчас в комитет и представьте его».

Шебаршин в ответ: «Большое спасибо! Сегодня ночью буду спать спокойно».

Что же случилось за прошедшие сутки? Да просто Горбачёв назначил Шебаршина председателем КГБ единолично, без согласования с Ельциным. Когда же Ельцин узнал об этом, то не замедлил показать свой характер.

Однако напрашивается вопрос: а чем же Шебаршин так не угодил Ельцину — ведь он не поддержал ГКЧП и активно сотрудничал в августовские дни с Бурбулисом? Позднее, размышляя о том, как оказался в опале, Леонид Владимирович вспомнил, что вскоре после своего избрания президентом России Ельцин посетил КГБ — принял участие в совещании руководящего состава комитета. Выступил на этом совещании и Шебаршин.

«Я говорил о том, — вспоминал Леонид Владимирович, — что давно уже беспокоило всех нас, сотрудников госбезопасности, о том, чему не хотелось верить и что не хотело слышать горбачёвское руководство: „...Возросли масштабы вмешательства, воздействия на наши внутренние дела из-за рубежа. И далеко не всегда интересы наших иностранных партнёров совпадают с интересами нашего общества, нашей государственности... Деятельность американской и других западных разведок против нашей страны... приобретает всё более наступательный и масштабный характер...“

Теперь, задним числом, я прихожу к выводу, что этим выступлением я занёс своё имя в чёрную книгу новой, демократической власти. Они смотрели на деятельность новоявленных союзников России ещё либеральнее, если это было

возможно, чем Горбачёв и его соратники».

...Первое же заседание коллегии показало, что назначение Бакатина на пост председателя будет иметь непредсказуемые последствия для профессиональных руководителей КГБ и главное — для безопасности страны. Произнеся «крылатые» слова о том, что он прибыл в КГБ, чтобы его разрушить, Бакатин доверительно коснулся рукой плеча Шебаршина:

— Вот мой первый зам.

Лицо Леонида Владимировича мгновенно стало жёстким и непроницаемым.

— Нет, — твёрдо произнёс он.

— Почему «нет»? — удивился Бакатин.

— Со мной об этом никто не говорил...

Придя на следующее утро на работу и выслушав доклад дежурного офицера, Бакатин задал ему неожиданный вопрос:

— Где вы были девятнадцатого августа?

Дежурный ответил:

— На работе!

(А где же ещё он мог находиться?!)

— Уволить его!

Кадровик, следовавший за Бакатиным, поспешно записал распоряжение шефа — юридически незаконное, но кого тогда законы волновали? Говорили о них, конечно, много. На «демократических» митингах, например. Под демагогические рассуждения о законности было легче зомбировать население...

Одним из первых посетителей Бакатина в тот день оказался Н. С. Леонов. Он пришёл в приёмную председателя с рапортом об уходе со службы. Получилось так, что подал рапорт Бакатину буквально в дверях.

Тот пробурчал недовольно:

— Вы бы мне ещё в коридоре бумагу подали.

— Где удалось, там и подал, — не остался в долгу Леонов.

Вечером Николай Сергеевич по традиции зашёл в гости к Шебаршину. Всё было слишком ясно для обоих, чтобы что-то ещё обсуждать. Выпили, помолчали. Леонид Владимирович собирался подать рапорт наутро. Так и сделал. По привычке зафиксировал: 25 августа, воскресенье, 11.40.

Как часто бывает в таких случаях, обстоятельства, а главное — статус Шебаршина помешали решить этот вопрос без проволочек. Пришлось задержаться, но ненадолго. Для того чтобы убедиться: говоря о своих намерениях разрушить КГБ, Бакатин не шутил. Не очень-то его волновала

и судьба разведки. При каждом удобном и неудобном случае он заявлял, что ему «неизвестно, чем она там вообще занимается». Свои первые впечатления от состоявшегося наконец-то визита в Ясенево Бакатин выразил довольно оригинально: «В стране творится чёрт знает что, а у вас здесь газончики». И добавил: «Теперь я вижу, что если КГБ — государство в государстве, то разведка — это государство в КГБ».

Вслед за этим визитом последовало указание по сокращению зарубежного штата разведки. Недовольство больше всего демонстрировали журналисты. Кому-то показалось, что разведчики занимают места, которые по праву должны принадлежать работникам пера и микрофона. Вряд ли кому из серьёзных журналистов было неизвестно, что разведка оплачивает содержание своих офицеров за рубежом из собственного бюджета, что будет отозван разведчик — исчезнет и должность «борца за справедливость». Дело было не в этом. Нужно было запустить очередную волну «возмущения» практикой работы КГБ в целом (внешней разведкой — в частности), и эта инспирированная акция нашла поддержку у министра иностранных дел Б. Д. Панкина — очевидно, сказалось его журналистское прошлое. Кстати, бытует мнение, что Панкин был единственным действующим послом за рубежом (в Чехословакии), открыто осудившим выступление ГКЧП. «Результат» не замедлил сказаться — через неделю его назначили министром.

18 сентября Шебаршин вновь подаёт рапорт об увольнении и на этот раз доводит дело до конца. Первый зам Бакатина Олейников решил пристроить на место первого заместителя начальника ПГУ своего человека. Шебаршин был категорически против такого назначения, но Бакатин подписал приказ о назначении, даже не поставив Леонида Владимировича в известность. Как говорят в таких случаях, чаша терпения переполнилась.

Из рапорта Шебаршина на имя Бакатина: «Мне стало известно, что на должность первого заместителя начальника главного управления назначен Р. Решение об этом назначении было принято в обход Первого главного управления и его начальника. Вы лично не сочли нужным поинтересоваться моей позицией в этом вопросе, оценкой профессиональной пригодности тов. Р.

В прошлом, как Вам известно, существовала практика назначения должностных лиц под нажимом аппарата ЦК КПСС или по протекции. В последние годы эту практику удалось прекратить. С горечью убеждаюсь, что она возрождается в ещё более грубой и оскорбительной форме — на основе личных связей, без учёта деловых интересов. Эта практика, уверен, может погубить любые добрые преобразования».

Шебаршина никто не удерживал. Разрушителям настоящие профессионалы, люди, преданные своему делу, не нужны. А если к тому же профессионально подготовленные работники имеют несчастье быть честными и искренними... Нет, это не для той жизни, которую готовили России новые её хозяева.

Весьма показательно было увольнение начальника УКГБ по Москве и Московской области В. М. Прилукова. После тревожной ночи, когда решалась судьба операции «Гром», предопределившая участь ГКЧП, он, приехав к себе в здание Московского управления, решил провести оперативку. Неожиданно открылась дверь кабинета и на пороге появился возбуждённый человек с осанкой настоящего революционера, сознающего высокое предназначение своей миссии. Был это некто Ривкин, помощник Гавриила Попова.

— Вы, Прилуков, можете покинуть этот кабинет, — громко заявил он с порога.

— С какой стати? Не вы же назначали меня на эту должность.

— Неважно, — напористо произнёс Ривкин, — пишите заявление об уходе.

Можно было (а может, и следовало) окоротить этого хама. Но Виталий Михайлович понимал, что Ривкин явился к нему в кабинет не по личной инициативе. Он вежливо отправил его восвояси и пошёл проводить совещание руководящего состава управления.

Позднее к своему рапорту на имя нового председателя КГБ Бакатина Прилуков приложил объяснительную записку:

«Учитывая политическую ситуацию в стране и в КГБ, не считаю возможным по морально-этическим соображениям обращаться к новому руководству КГБ с какой-либо личной просьбой по вопросу дальнейшей службы в органах КГБ».

...Как говорится, родственные души находят друг друга. Своим главным советником Бакатин избрал отставного генерала Олега Калугина — одного из главных «разоблачителей» деятельности КГБ в «демократической» и зарубежной прессе. Это была настоящая находка для «пятой колонны» и её зарубежных покровителей. Так называемая общественно-политическая деятельность и выступления Калугина в печати косвенно подтверждали давние подозрения руководства КГБ (они были и у Андропова) о его связях с американской разведкой.

За клеветнические высказывания Указом Президента СССР от 29 июня

1990 года Калугин был лишён государственных наград, а постановлением Совета министров СССР — звания генерал-майора. Примечательно, что через несколько дней после провала ГКЧП ему вернули награды и звание. Возмездие настигло предателя значительно позже: в 2002 году Калугин был заочно осуждён за государственную измену и приговорён к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Заметим, что Шебаршин уже после первых публичных заявлений Калугина относился к нему с брезгливостью, а Леонов открыто называл его негодяем и подлецом.

Вряд ли заслуживает особого внимания позиция Калугина по отношению к ГКЧП, но всё же мы её коснёмся и процитируем его слова, прозвучавшие в интервью Би-би-си: «Роль КГБ в организации этого путча очень велика. КГБ фактически выступил в качестве главного организатора антиконституционного заговора. Так я бы сейчас на месте президента не только расформировал КГБ СССР, а подверг его руководителей аресту».

Как видим, намерения и Бакатина, и его главного советника в отношении Комитета государственной безопасности СССР полностью совпадали. Да и не могло быть иначе.

В своих воспоминаниях Шебаршин описывает один любопытный эпизод, связанный с визитом в КГБ весьма представительной делегации США: «13 сентября 1991 года государственный секретарь США Д. Бейкер посетил Комитет государственной безопасности на Лубянке и встретился с его председателем В. В. Бакатиным. Посещение было представлено как историческое. Госсекретарь США (!) в штаб-квартире КГБ (!) встречается в дружеской беседе (!) с председателем КГБ! Каждое слово, каждый жест фиксируются на плёнку двумя дюжинами репортёров!..

Наша сторона настойчиво, с энтузиазмом (не видел, не было ли слёз на глазах?) упирала на то, какая для нас честь видеть у себя господина Бейкера. И как пароль, как тайная масонская формула многократно прозвучало имя Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе, как выяснилось, дорогого личного друга обоих собеседников».

Многие представители «демократических» кругов не только мечтали добиться известности, но и стремились любыми способами запечатлеть своё имя на скрижалях истории. Это о них сказал Шебаршин: «Все они хвастались, врали, обманывали друг друга, думали, что творят историю, а история тащила их самих за загривок, как слепых котят». В историю они обычно старались протиснуться с чёрного хода, таким же образом, как, к примеру, тот же Сергей Станкевич, руководивший низвержением памятника Дзержинскому. Через ту же дверь проник туда и Бакатин. Ведь

многим рядовым гражданам страны он запомнился не тем, что возглавлял КГБ и добивал его аппарат, а тем, что сдал американцам секретную схему прослушивания здания посольства США в Москве. Просто так, в виде подарка... Если это не предательство государственных интересов страны, то что тогда вообще называется предательством?

56 лет — это не старость, не тот возраст, когда можно на всё махнуть рукой и заняться выращиванием капусты. Тем более что при тех пенсиях, которые устанавливались в годы рыночных реформ и гайдаровской «шоковой терапии», сама мысль о возможности предаться «заслуженному отдыху» казалась кощунственной. Как писал тогда Шебаршин, правительству «надо хотя бы символически поддерживать пенсионеров, дать им возможность медленно уйти из жизни».

Конечно, отставной генерал КГБ — не рядовой пенсионер. Блестящее образование и специальная подготовка, жизненный опыт и профессиональные знания, знакомства и связи в различных сферах — неплохой плацдарм в борьбе за выживание. Выражаясь в духе времени — солидный начальный капитал для бизнеса.

Леонид Владимирович начал поиск нового занятия вместе с Н. С. Леоновым, который, как мы помним, ушёл из КГБ ещё в августе. И руководило ими отнюдь не желание найти сверхприбыльное дело, поймать удачу и обеспечить себе безбедную старость. Оба были людьми независимыми, и оба нуждались в такой работе, которая давала бы возможность принимать самостоятельные решения без оглядки на всевозможные «вышестоящие инстанции». К тому же у обоих было твёрдое намерение держаться как можно дальше от политики, государственной службы, от потока лжи и интриг, неизбежных в высших сферах. Люди, только что выбравшиеся из трясины, желания вновь увязнуть в ней, как правило, не испытывают.

Хотя соблазнительных предложений Шебаршину, который был на несколько лет моложе своего друга, поступало немало. Но каждое из них представляло реальную угрозу столкновения с тем, с чем он порвал решительно и окончательно.

Первым позвонил Хасбулатов:

— Я знаю, как с вами обошлась эта камарилья. Предлагаю вам пойти ко мне советником. За вами будет сохранено всё, что было у вас до сих пор, — зарплата, дача, машина.

Кого Руслан Имранович имел в виду под словом «камарилья», Леонид Владимирович уточнять не стал. Выразив признательность за внимание, он

попросил день-два на раздумье. Но это была лишь дань вежливости. Шебаршин отмечал, что после его отказа ровный и приветливый тон общения Хасбулатова с ним не изменился. Их знакомство продолжилось и оставило у Шебаршина приятные впечатления, отразившиеся в его афоризме: «Единственный русский человек в верхах, да и тот чеченец»...

Спустя некоторое время позвонил Примаков. Став руководителем Службы внешней разведки, Евгений Максимович понимал, что одна из главных задач, если не самая главная, — сохранить кадры профессионалов. А сделать это в то время было совсем нелегко. Поэтому в числе своих первых шагов он и предложил Леониду Владимировичу пост первого заместителя директора СВР. Шебаршин отказался...

Директор СВР не считал для себя зазорным советоваться с Шебаршиным. Леонид Владимирович, почувствовавший на собственном опыте, что значит быть руководителем разведки, лучше других понимал, насколько тяжёлыми для неё оказались проблемы, привнесённые новой российской властью: «Разведчикам приходится тяжело. К Примакову привыкли, считают, что он добросовестно пытается сохранить службу, но дело не в начальнике. Люди (я надеюсь, не все) чувствуют себя потерянными. Резидентуры сокращаются или упраздняются, перспектива попасть на работу за рубеж для многих становится призрачной. Волна разоблачений, появление в печати украденных документов разведки отталкивают от нас агентуру... Не прекращаются измены».

Как ни пытался уйти Шебаршин от политики, она упорно настигала его и пыталась вновь заключить упрямца в свои объятия. Следует заметить, что Леонид Владимирович очень точно понимал и чувствовал, в какую сторону пошёл политический процесс в России, — августовские события окончательно развеяли его заблуждения относительно целей, намерений, методов политической борьбы, демократичности российских «демократов».

По его мнению, сама жизнь подтверждала то, что «давно уже было известно: новая власть наладила неустанную, хотя и не всегда достаточно квалифицированную слежку не только за своими политическими противниками, но, если можно так выразиться, за соучастниками по управлению Россией. Пожалуй, люди, пришедшие в Кремль, не любили старый КГБ не принципиально, по убеждению, а лишь за то, что он работал не на них».

В октябре 1992 года (за год до расстрела Верховного Совета) он делает дневниковую запись, свидетельствующую о его политической прозорливости:

«Создаётся впечатление, что наращивается генеральное наступление на парламентские институты. Раздаются призывы: твёрдая рука! твёрдая власть!.. Со всех сторон хулят и парламентариев, и парламент. Где-то что-то на эту тему встречалось мне и раньше: „В действительности институт парламентаризма ничего, кроме вреда, не может приносить вообще...“ Сказано сильно. Автор — Адольф Гитлер».

И ещё одна запись на эту же тему есть в дневниках Леонида Владимировича:

«Мысль о том, что парламент должен быть ликвидирован, появилась у Ельцина, судя по всему, уже к концу 1991 года. К этому времени он напрочь рассорился со своим недавним соратником и единомышленником председателем Верховного Совета Русланом Хасбулатовым».

Если кто-то читал книгу Шебаршина «...И жизни мелочные сны», то, возможно, обратил внимание, что, вспоминая прошлое, Леонид Владимирович чаще обращался не к событиям августа 1991 года, а к октябрю 1993-го. Те, по словам Шебаршина, «страшные дни» он оценивал, как правило, лаконично, жёстко и ёмко. Например, так:

«Разрывы крупнокалиберных танковых снарядов в здании парламента в октябре 1993 года как бы контузили общество. Оглушённые и ошеломлённые, русские замерли на месте, даже не спросив, сколько же было невинно убиенных, по окрику пошли выбирать Думу, одобрять задним числом смертоубийство и надругательство над законом».

Надругательством над законом стало не только октябрьское преступление ельцинистов — им был весь процесс подготовки новой конституции, завершившийся её принятием в декабре 1993 года. Её основные положения были определены задолго до того, как Ельцин решился на государственный переворот. Ещё в начале года было известно о подготовке к замене конституционного строя буржуазной формой правления, о том, что эта работа идёт под присмотром западных советников. Так, 1 февраля 1993 года по телевидению на канале РТР (тогда — РТВ) был показан сюжет об участии в подготовке проекта Конституции

Российской Федерации представителей США. Основное содержание «конституционного процесса» отразил тезис, высказанный Ельциным на Конституционном совещании в июне 1993 года: «Советы и демократия несовместимы».

С принятием новой конституции и избранием двухпалатного парламента буржуазного типа — Совета Федерации и Государственной думы — в стране оформилась политическая система, которую многие политологи называли «четвёртооктябрьским» режимом. Новое государственное устройство базировалось на весьма зыбкой правовой основе. Голосование по конституции проводилось не по действовавшему тогда закону о референдуме, а в соответствии с указом президента, в котором были заложены заведомо заниженные требования к количеству голосов, необходимых для её одобрения. Даже по официальным данным, 12 декабря 1993 года за принятие новой конституции высказалось менее трети общего числа граждан, обладавших правом голоса. А по закону о референдуме она считалась бы принятой только в том случае, если бы её одобрили больше половины всех зарегистрированных избирателей.

Конституция изначально закрепляла антидемократический характер нового государственного устройства. Созданная под действовавшего президента, она вполне отвечала представлениям Ельцина о собственной власти и потакала его диктаторским замашкам — ему давалось властных полномочий примерно в два раза больше, чем их было у президента Франции, и в четыре раза больше, чем у президента США. В результате мы получили *конституцию президентского самодержавия*, когда глава государства оказывается фактически неподвластным принципу разделения властей. Он вправе принимать крайне ответственные для судьбы страны решения, но при этом ни перед кем не отвечает за их характер и последствия. Естественно, такая ситуация далека от правовых норм современного цивилизованного общества.

Кроме того, в конституции есть и откровенно позорная статья, закрепляющая примат и верховенство норм международного права над российским законодательством. Два десятилетия патриоты России ждут поправок, связанных с утверждением принципиальной, государствообразующей роли русского народа. Ведь в конституциях многих субъектов Российской Федерации (прежде всего, в республиках) прописан особый статус населяющих их коренных народов и их культуры, тогда как на федеральном уровне русские, составляющие 80 процентов населения страны, оказались просто-напросто забытыми...

...И всё же в 1993 году Шебаршин дал согласие выставить свою

кандидатуру на думские выборы — «выборы на крови», как окрестили их в народе. Да в общем-то они такими и были.

Леонид Владимирович получил предложение баллотироваться в Государственную думу — первую после ельцинского переворота, — которая должна была прийти на смену высшему органу советской власти — Верховному Совету, едва утихли залпы октябрьских расстрелов в Москве. Поступило такое предложение от А. И. Вольского, в ту пору — главы Российского союза промышленников и предпринимателей и одного из лидеров так называемого Гражданского союза, объединявшего различные политические партии. Предполагалось, что Гражданский союз и выдвинет Шебаршина в числе своих кандидатов в депутаты.

Не лишённая тонкого юмора характеристика, которую дал этой организации Шебаршин, в полной мере применима и к нынешним, наиболее заметным политическим и общественным организациям, спроектированным в Кремле:

«Альянс распадался, воссоздавался, привлекал внимание, фрондировал, критиковал власть и порядки, но без обычной для нашего времени разухабистости, иногда вежливо высказывал своё мнение президенту, о чём неизменно сообщалось в газетах. Неизвестно, учитывал ли это мнение президент, но Гражданский союз отмечал таким образом, что он жив и озабочен судьбой России».

Шебаршин решил посоветоваться с друзьями. Пришли к заключению: надо соглашаться. Главный аргумент: а что мы теряем в случае неудачи? У Шебаршина был и личный мотив: оказывается, есть ещё государственные деятели, которые знают цену старым надёжным и непродажным кадрам!

Так думал он о Вольском. Но заблуждался!

Леонида Владимировича подвела, как всегда, откровенность. Поделился он с Аркадием Ивановичем имевшейся у него информацией, что Ельцин хорошо помнит его фамилию и она не вызывает у него восторга. Вольский сделал вид, что сомнения Шебаршина всерьёз не принимает.

Но прошёл один день, потом второй, третий... Наконец позвонил помощник Вольского и сообщил, что Шебаршин из избирательных списков Гражданского союза вычеркнут. Леониду Владимировичу ничего не оставалось, как передать Вольскому пожелание пойти туда, куда русские люди отправляют в сердцах своих не оправдавших надежды компаньонов. На этом всё и кончилось. Добавим только, что блок Вольского на выборах с

треском провалился.

Больше «хождений в политику» Леонид Владимирович не предпринимал.

«СВОЁ» ДЕЛО

В ноябре 1991 года была создана Российская национальная служба экономической безопасности, президентом которой стал Шебаршин. Правда, он противился такому названию своей должности (слишком много развелось в стране всяких президентов), но в конце концов смирился и уступил — предпринимательская деятельность диктует свои правила игры.

Сначала, как вспоминал Леонид Владимирович, у них с Н. С. Леоновым

«была мысль создать информационное агентство, находились люди, готовые предоставить деньги, помещение, технику, но что-то не ладилось. В этот момент группа молодых московских банкиров предложила подумать о создании фирмы, которая занималась бы обеспечением безопасности частного сектора. На том и остановились. В предприятии согласился участвовать бывший начальник Управления КГБ по Москве и Московской области Виталий Михайлович Прилуков, известный своей энергией, порядочностью и деловой хваткой. Нашлись и другие компаньоны — из Службы охраны, ПГУ, Московского управления, МВД. Наш маленький кораблик поплыл по бурному морю нового предпринимательства. Помещение нашлось в сооружениях стадиона „Динамо“».

Леонов сформулировал основные принципы, которые определяли всю деятельность фирмы. Во-первых, создаваемая служба должна быть полезной национальному бизнесу. Во-вторых, она должна помогать бывшим коллегам из КГБ и силовых структур — разведчикам и контрразведчикам, пограничникам, специалистам правительственной связи, техническим сотрудникам — решать проблемы их трудоустройства. В-третьих, неукоснительно соблюдался принцип: никогда, ни под каким нажимом, ни под каким предлогом не вмешиваться в политику и не заниматься никакими вопросами, с ней связанными. Этот принцип был чётко и недвусмысленно закреплён в одном из первых приказов Шебаршина. На практике его смысл сводился к следующему: хотите заниматься политикой — подыскивайте другую работу.

По сути дела, РНСЭБ взяла на себя миссию объединения ветеранов

профессионального сообщества. Поэтому учреждение и дальнейшую деятельность Российской национальной службы экономической безопасности поддерживали не только известные руководители-генералы, но и чекисты рангом ниже, не желавшие участвовать в развале страны и потому потерявшие работу. А ведь у оставшихся на улице профессионалов были семьи, они должны были кормить своих детей и стариков.

Шебаршин особенно строго следил за соблюдением законов, за тем, чтобы в ходе работы и осуществления тех или иных мероприятий не ущемлялись чьи-либо права. Безоговорочно выполнялось одно из главных правил — не иметь дела с сомнительными людьми.

В деятельности службы, по рассказу нынешнего генерального директора РНСЭБ В. М. Прилукова, было выбрано несколько направлений. Например, разработкой и предоставлением инженерно-технических услуг по защите объектов от всех видов проникновения, в том числе и от подслушивания, руководил генерал-майор Олег Павлович Москвичёв, в прошлом — начальник оперативно-технического управления ПГУ. Многие годы до этого он занимался работой по защите советских посольств и других загранучреждений от проникновения в них спецслужб противника.

Другую сферу деятельности службы составили услуги по обеспечению физической защиты. Был открыт специальный учебный центр по подготовке охранников, программа которого была одобрена Министерством внутренних дел и Министерством образования Российской Федерации. Слушатели центра, которым руководил бывший начальник отдела 9-го управления КГБ полковник КГБ Валентин Иванович Жилиев, проходили курсы служебной, правовой, оперативной, огневой и медицинской подготовки.

Ещё одним направлением работы РНСЭБ стало информационно-аналитическое обеспечение бизнеса. Оно было выбрано не случайно. Дело в том, что во многих случаях бизнесмены не имели возможности получить достоверные сведения о фирмах, с которыми им приходилось сотрудничать. Опасения оказаться обманутыми становились серьёзным барьером на пути развития нормальной коммерческой активности; отпугивали они и иностранных инвесторов. Уже хорошо знакомый нам генерал-лейтенант Леонов руководил этой трудоёмкой работой вместе с полковником Александром Тимофеевичем Уваровым.

В связи с тем, что поступало много просьб об оказании помощи в возврате неоплаченных кредитов и займов, была создана юридическо-консультативная структура, которую возглавил генерал-лейтенант Иван Павлович Абрамов, в прошлом — начальник 5-го управления КГБ, а затем

— заместитель Генерального прокурора СССР. Вместе с ним этот участок вёл полковник КГБ СССР, бывший заместитель секретаря парткома КГБ Леонид Демьянович Жога.

Время ставило перед службой новые задачи. Решено было создать Специальную информационную систему (СИНС). Она находилась под началом опытных оперативных работников — полковников КГБ Евгения Львовича Сафонова и Сергея Юрьевича Минаева.

В дальнейшем Служба приступила к разработке нового направления деятельности под руководством доктора экономических наук, генерала КГБ Юрия Евгеньевича Сцепинского. Перманентный процесс перераспределения собственности в России выдвинул задачу защиты предпринимательства и частного бизнеса от рэкеты и рейдерства — недружественного поглощения предприятий и фирм. А для осуществления такой работы были нужны сотрудники экономических служб безопасности иного качественного уровня, особого профессионализма, основанного на современной теоретической базе и глубоком знании сложившейся в стране практики.

И в настоящее время ЗАО «Российская национальная служба экономической безопасности» во взаимодействии со своими родственными структурами продолжает оказывать нормальному, цивилизованному бизнесу целый ряд услуг. Среди них:

- стационарная физическая охрана любых объектов;
- личная охрана силами телохранителей высокой квалификации;
- сопровождение ценных грузов по территории России;
- изучение экономической состоятельности и надёжности предприятий, фирм и физических лиц;
- практическое содействие в разрешении имущественных, финансовых конфликтов и возвращении долгов;
- аудит системы безопасности на объектах повышенной опасности;
- поставка и установка технического оборудования комплексной защиты от противоправного проникновения нежелательных элементов и криминальных структур;
- предоставление юридических услуг.

То есть дело, начатое Л. В. Шебаршиным, живёт и успешно продолжается.

Отметим, что при активном участии Российской национальной службы экономической безопасности возникла инициативная группа чекистов, создавших в 1994 году Клуб ветеранов московской контрразведки. И здесь проявилась яркая отличительная черта ветеранов

госбезопасности — их бережное отношение к профессиональному братству и традициям верности. Верности друзьям, воинскому долгу, своему народу, преданности Родине. Общение в клубе и в наши дни помогает ветеранам поддерживать высокий жизненный тонус, правильно ориентироваться в быстроменяющейся общественно-политической обстановке. Здесь они всегда находят дружеское участие и поддержку в решении возникающих личных, бытовых, юридических проблем, могут рассчитывать на понимание и помощь в тяжёлых жизненных ситуациях.

Первым руководителем клуба был известный и весьма авторитетный в среде чекистов контрразведчик («Зубр» — так его называли) генерал-лейтенант КГБ Фёдор Алексеевич Щербак, в прошлом — начальник 6-го управления КГБ СССР (экономическая контрразведка).

Затем долгие годы клубом ветеранов руководил генерал-майор Александр Иванович Фокин, снискавший среди чекистов огромный авторитет. В своё время он был главным хранителем чекистских секретов — возглавлял Главное архивное управление КГБ СССР, к тому же имел огромный опыт следственной работы. Его любили и уважали за порядочность, объективность в суждениях, скромность.

К сожалению, Александр Иванович рано ушёл из жизни, но его дело вместе с В. М. Прилуковым продолжили Юрий Александрович Беляев, Иван Павлович Абрамов, Галина Ивановна Смирнова — к слову сказать, первая женщина в КГБ СССР, получившая звание генерал-майора.

Клуб не занимается политической деятельностью, но проблемы современной политики близки людям, которых он объединяет. Тщетно российские власти пытались деполитизировать людей военной профессии. Патриоты России — ветераны армейских и правоохранительных структур, оберегавшие государство и общество от внешних и внутренних противников, стоявшие на страже конституции, — не могут быть вне политики. А политика в их понимании — это борьба не только за власть, но и за свободу, справедливость, за сильное, независимое государство, за достойную жизнь народа.

Чекист вне политики, по большому счёту, бесполезен для общества, ибо без понимания политических процессов он становится обыкновенным обывателем, теряющим жизненные ориентиры, веру в своё предназначение.

...После обычных организационных неурядиц, свойственных началу любого серьёзного дела, работа Российской национальной службы экономической безопасности набрала необходимые обороты: РНСЭБ обрела свою нишу в сфере предпринимательской деятельности,

подтвердила свой высокий профессиональный уровень, завоевала авторитет в бизнес-сообществе и обросла солидной клиентурой. Достигнутые результаты вселяли в её сотрудников определённую уверенность в завтрашнем дне, помогали им преодолевать тяжёлые последствия «шоковой терапии», разгула рыночной стихии.

Однако у большинства людей, связанных со службой, язык не повернулся бы сказать, что их жизнь наладилась и вошла в нормальное русло. Они не могли себе позволить замкнуться в обывательской скорлупе относительного материального благополучия и отвернуться от судьбы страны, судеб миллионов соотечественников, отброшенных за черту нормального человеческого существования, обречённых вести неравную борьбу за выживание.

«Остаюсь с обманутым народом» — эти слова из песни А. Пахмутовой и Н. Добронравова, пожалуй, лучше всего определяют жизненную позицию чекистов.

Для Шебаршина и его товарищей, ветеранов госбезопасности, август 1991 года, последовавший за подавлением ГКЧП Беловежский сговор^[44], расстрел Верховного Совета Российской Федерации в октябре 1993 года значили одно — у них отняли родину^[45]. Эти события стали чёрными веками, обозначившими и уход нашей страны с социалистического пути развития. Таким образом, одна великая беда, обрушившаяся на народы СССР, имела две стороны: распад единого государства, основанного на принципах дружбы и равенства входящих в него народов, сопровождался ликвидацией советского строя, отвечавшего коренным интересам и культурно-историческим традициям подавляющего большинства населения страны.

Вместе с этим русский народ, другие большие и малые народы многонациональной страны лишили главной цементирующей идеи — идеи справедливости, которая испокон веков пронизывала их сознание. Эта идея лежала в основе создания великой русской культуры, она привела в конечном счёте к высвобождению человека труда из-под тяжкого гнёта эксплуататоров, к созданию первого в мире государства рабочих и крестьян.

По наблюдениям Прилукова, который на протяжении долгих лет виделся с Шебаршиным практически ежедневно, уйдя в отставку, Леонид Владимирович в какой-то степени утратил свойственный ему оптимизм. И всё же он верил в то, что всё ещё изменится, всё встанет на свои места и Россия возродится. Верил, несмотря на то, что сам, наверное, быстрее

многих постиг всю глубину обмана «демократической» власти, глобальный характер предательства, жертвой которого оказалась и система госбезопасности и разведки — главное дело его жизни, которому он отдал лучшие годы. Перед новой властью он никогда не преклонялся и не заискивал, поскольку патологически не переносил лжи, обмана, корысти, наглого приспособленчества.

Тяжело переживал Шебаршин процесс регресса, деградации страны и общества, сокращение численности населения, особенно русского, последовательное сползание страны на жалкую роль сырьевого придатка Запада. С каждым годом он всё более резко высказывался в отношении проводившихся в стране «реформ» как не отвечающих интересам народа.

Развал СССР Шебаршин воспринимал как личное горе, поэтому с большой надеждой встретил первые шаги по созданию Союзного государства России и Белоруссии. И переживал, когда по прихоти олигархических кругов забалтывались договорённости с Белоруссией об образовании такого государства, временами сознательно провоцировалось возникновение напряжённости в отношениях с ней, затевались то «нефтегазовые войны», то «молочные скандалы», гнусные кампании по дискредитации белорусского лидера.

Леонид Владимирович всегда считал, что Союзное государство органично вписывается в мировую тенденцию развития интеграционных процессов, и отдавал должное А. Г. Лукашенко — активному поборнику его создания, борцу за собирание славянских земель, за объединение славянских народов. В исторической перспективе, полагал Шебаршин, к этому союзу присоединится и Украина. Процесс этот — неизбежный и закономерный, поскольку политическое, экономическое и военное противостояние с Западом требует сложения воедино разрозненных потенциалов трёх республик, основное население которых составляют три ветви одного братского народа. Этот процесс отвечает интересам и других республик СНГ, что подтверждается первыми результатами на пути создания Таможенного союза. Без объединения усилий, людских, природных и промышленных ресурсов мы навеки останемся — и это в лучшем случае! — прозябать на задворках прогресса, современной цивилизации.

Перспективы расширения и развития нового Союзного государства будут зависеть не только от желания, но и от политической воли руководства и народов дружественных республик, которым придётся сталкиваться с постоянным сопротивлением враждебных сил — как международных, так и внутренних. События на Украине, вспыхнувшие в

конце 2013 года, ярко иллюстрируют их цели и методы действия. Западу не нужны сильные конкуренты на международной арене. Соединённые Штаты и Евросоюз нуждаются в новых рынках сбыта, дешёвой рабочей силе, в тех огромных природных ресурсах, которыми богаты Россия, Белоруссия, Казахстан, Украина, Армения...

Противодействуют процессу расширения и укрепления единого экономического, политического и военного пространства братских и дружественных народов правые националистические круги, действующие при финансовой и организационной поддержке Запада. В полную силу они заявили о себе ещё в разгар горбачёвской перестройки, подогревая безудержный национализм и русофобию, сепаратистские настроения, подрывая единство Советского Союза.

Другая, не менее опасная сила, не заинтересованная в создании прочного Союзного государства, — компрадорская буржуазия во главе с олигархами, вскормленное буржуазными режимами огромное количество коррумпированного чиновничества, заседающее во властных структурах.

Борьба патриотов, здоровых сил братских народов за воссоединение, за возрождение единого гражданского общества, за воссоздание на принципах добрососедства и независимости нового Союза России, Белоруссии, Украины, Казахстана — это, как не раз подчёркивал Шебаршин, не только их святое право, но и историческая обязанность перед детьми и внуками.

«Мы жили и умрём русскими советскими людьми!» — эта фраза из воспоминаний Шебаршина свидетельствует не только о верности его поколения советским традициям и образу жизни, одухотворённому высокой культурой и нравственностью, характеризующемуся особыми отношениями между людьми, построенными на принципах коллективизма и взаимопомощи. В этих выстраданных словах человека, умудрённого огромным жизненным опытом, слышится оптимизм, звучит уверенность в том, что всё лучшее, накопленное людьми за годы советской власти, непременно возродится! Нынешние временщики могут многое купить, но им не под силу растоптать наше главное богатство — духовное!

...Уничтожение советской цивилизации в начале 1990-х годов неизбежно повлекло за собой утверждение неограниченной власти эксплуататорских классов, власти паразитов, стяжателей, себялюбцев. Нетрудно было понять, что Россию и бывшие союзные республики ждали впереди новые неисчислимые беды и несчастья. В 1999 году, когда в Государственной думе Российской Федерации была начата процедура импичмента Ельцина, наряду с такими преступными деяниями, как развал

СССР, кровавый разгон парламента и развязывание войны в Чечне, ему вменялись в вину ослабление обороноспособности и безопасности страны, геноцид русского народа и других народов России.

В результате грабительской приватизации произошло обогащение небольшой группы населения за счёт обнищания преобладающей части российских граждан. Стремясь добиться изменений в стране социально-экономического уклада и с помощью нарождавшегося класса частных собственников обеспечить укрепление своей политической власти, Ельцин сознательно шёл на ухудшение жизненных условий российских граждан, что стало основной причиной повышения смертности населения и сокращения рождаемости. Свои обвинения в геноциде комиссия по импичменту обосновывала тем, что такую политику президент проводил сознательно. В результате в России произошло резкое сокращение численности населения. Только по официальным данным, его естественная убыль за период с 1992 по 1998 год составила 4,2 миллиона человек.

Один из инициаторов импичмента депутат Госдумы от КПРФ В. И. Илюхин^[46] в докладе на заседании парламента заявил, что «Ельцин осознанно не допускал хотя бы минимального улучшения материального состояния вымирающих народов России».

Тогда, в 1999 году, импичмент не состоялся: сложная процедура его проведения требовала не меньше двух третей голосов депутатов по каждому из выдвинутых обвинений. Тем не менее большинство депутатов признали виновность Ельцина в совершении им тяжких преступлений против своей страны и народа. По существу, это означало и признание полного краха его авторитарного правления. Ельцин был вынужден уйти в отставку, а вместе с ним с политической арены страны сошла и ельцинская группировка, прозванная в народе «семьёй».

Вслед за этим, в 2000-х годах, услужливые СМИ и политологи поспешили заявить, что Россия вступила в полосу уверенного и стабильного развития. На что Шебаршин со свойственной ему иронией заметил: «В России в настоящее время твёрдая стабильность нестабильности». Его, как и других патриотов России, болевших за настоящее и будущее страны, за судьбу своего народа, не мог ввести в заблуждение золотой дождь нефтедолларов, пролившийся накануне тотального кризиса. Дождь этот не смыл, а лишь контрастнее обозначил грязные пятна капитализма и дикого рынка, расползшиеся по стране и изуродовавшие её облик. Страна всё больше погружалась в трясины колоссальной коррупции. На фоне приумножения богатств долларовых миллионеров и миллиардеров росла бедность основной массы населения.

Продолжалась распродажа государственного достояния, которое утекало в руки так называемых «эффективных собственников», способных эффективно решать лишь одну задачу — набивать собственные карманы.

И в последующие годы пагубный курс, вызвавший разрушение экономики страны и превращение её в сырьевую колонию развитых капиталистических стран, не претерпел каких-либо существенных изменений. В результате бездарной экономической политики за два десятилетия «реформ» Россия потеряла две трети промышленного потенциала и оказалась отброшена далеко назад. Неоднократно мы слышали декларации о намерениях правительства диверсифицировать экономику, обещания сделать её более наукоёмкой и менее зависимой от экспорта природных ресурсов и тому подобные заявления. Но провозглашённый курс на модернизацию так и не подкрепляется конкретными делами — около 70 процентов доходов бюджета занимают поступления от нефтегазового сектора. Вместо экономики развития продолжает господствовать «экономика трубы», «экономика нефтяной иглы».

Результаты деиндустриализации предвещают катастрофу, а в стране не находится бюджетных средств на восстановление и развитие экономики. 95 процентов крупной собственности зарегистрировано в офшорных юрисдикциях, а подавляющее большинство сделок осуществляется за пределами России. Вполне уместно говорить о потере управляемости российской экономики на системном уровне — финансовые рычаги контроля над ней находятся вовне.

Вместе с тем вопреки объективным потребностям России и общемировым тенденциям государство упорно отказывается усилить свою регулируемую роль в экономике и осуществляет новые планы распродажи остатков госсобственности.

Несмотря на то, что, по конституции, Россия является социальным государством, правительство продолжает урезать социальные гарантии населения. В рейтингах ООН страна скатилась на 53-е место по уровню образования и на 120-е — по доступности медицины. По продолжительности жизни Россия занимает лишь 97-е место в мире.

Позиция правительства привела к подрыву обороноспособности страны. На протяжении шести лет группировка Сердюкова безжалостно кромсала структуру и кадровый состав вооружённых сил, закрывала уникальные военные учебные заведения. Для народа сердюковщина стала символом распада и растления властной элиты, символом гибельных для страны процессов, уничтожающих веру людей в своё государство.

Правительство продемонстрировало свою полную неспособность справиться и с другими угрозами для национальной безопасности, прежде всего — с коррупцией. При этом Россия до сих пор так и не подписала (а судя по всему, и не собирается подписывать) 20-ю статью Конвенции ООН по борьбе с коррупцией, предусматривающую уголовное наказание государственных служащих за незаконное обогащение.

На этом фоне уже не удивляют масштабы чудовищного социального расслоения в стране. Официально признаётся шестнадцатикратный разрыв в доходах между 10 процентами самых богатых и 10 процентами самых бедных граждан. Но независимые исследователи утверждают, что реальный разрыв — вдвое больше. Положение миллионов семей осложняется ростом тарифов на услуги ЖКХ, цен на продовольствие, лекарства и медицинское обслуживание, горючее.

Социальное неравенство и коррупция у нас фактически узаконены. В том числе и заявлениями первых лиц государства, что у нас никогда не будет такой «уравниловки», какая была в Советском Союзе. Действительно, сейчас уравниловки нет. Вот только между кем? Так, зарплата учителя или врача в регионах, как известно, редко превышает 15 тысяч рублей. А вот, по сведениям журнала «Forbes», доходы ведущих менеджеров госкорпораций колеблются от нескольких миллионов до 50 миллионов долларов в год, что составляет в месяц десятки миллионов рублей. Если это нельзя назвать коррупцией, то на узаконенный отъём народных (бюджетных) средств очень похоже.

Интересно, что многомиллионные доходы наших олигархов и чиновников суммируются с доходами других слоёв населения при исчислении так называемой «средней заработной платы» в стране. Если же их вычесть, то от мифа о росте благосостояния народа в последние годы ничего не останется.

Чтобы правильно лечить болезнь, важно поставить верный диагноз. Появились наконец основания говорить о том, что в мышлении многих влиятельных экономистов, властных структур наметился определённый перелом. Так, Центр развития Высшей школы экономики отмечает, что «в стране радикально изменилась оценка экспертами вероятности экономического кризиса, связанного не с динамикой цен на нефть (она остаётся по-прежнему высокой. — А. Ж.), а исключительно с внутренними факторами». А ведь ранее, объясняя резкое ухудшение дел в отечественной экономике, было принято ссылаться исключительно на мировой кризис или, на худой конец, на нефтяную экспансию ближневосточных стран. Определённые надежды вселяет и заявление Владимира Путина, что

замедление темпов роста экономики России носит не внешний, а внутренний характер.

Наконец-то мы начали понимать, что в крахе отечественной экономики виноваты мы сами. Что её нынешнее плачевное состояние — результат системных проблем России, следствие той модели, которую мы создали своими руками, которую заботливо выпестовали доморощенные либералы в 1990-е и 2000-е годы. А как и при чьей помощи лелеяли эту модель, Шебаршин хорошо знал.

В Московском интеллектуально-деловом клубе, созданном крупным политическим деятелем, бывшим председателем Совета министров СССР Н. И. Рыжковым, Леонид Владимирович близко сошёлся с В. П. Полевановым — оба были активными членами клуба.

Владимир Павлович — человек в нашей стране известный. Будучи губернатором Амурской области, он проявил себя как жёсткий и последовательный борец с коррупцией. В ноябре 1994 года он назначается на должность заместителя председателя Правительства Российской Федерации — председателя Госкомимущества, где его предшественником был А. Чубайс. «Главным штабом приватизации» управляли, как выяснилось, 35 американских советников, среди которых был Джонатан Хэй — кадровый разведчик ЦРУ. Естественно, им было наплевать на интересы России — у них были свои, отнюдь не бескорыстные цели.

В первый же день своего появления в Госкомимуществе Полеванов столкнулся с мощным и наглым противодействием. Сотрудники из окружения Чубайса под предводительством пресс-секретаря Госкомимущества Аркадия Евстафьева и Джонатана Хэя забаррикадировали вход в компьютерный зал и выставили охрану, преградив доступ новому министру и вице-премьеру. Пришлось вызывать на помощь милицию. Однако Евстафьев и Хэй со своими подручными успели уничтожить всю базу данных.

Позднее Полеванов вспоминал: «Подняв документы, я с ужасом обнаружил, что целый ряд крупнейших предприятий ВПК был скуплен иностранцами за бесценок. То есть заводы и КБ, выпускавшие совсекретную продукцию, вышли из-под нашего контроля. Тот же Джонатан Хэй с помощью Чубайса купил 30 процентов акций Московского электронного завода и действовавшего с ним в кооперации НИИ „Графит“ — единственного в стране разработчика графитового покрытия для самолётов-невидимок типа „Стелс“. После чего Хэй заблокировал заказ военно-космических сил на производство высоких технологий».

За всё в жизни надо платить, а за горячую поддержку Запада — тем

более. Половина нашего имущества, как считают независимые эксперты, в 1990-е годы попала в руки иностранных граждан, прежде всего американцев — в основном через советников типа Джонатана Хэя. Другую половину прибрали российские олигархи, поделив с иностранцами львиную долю государственных активов на залоговых аукционах 1995 года. Естественно, подавляющее большинство сделок носило фиктивный, мошеннический характер, продажа активов осуществлялась по заниженным ценам.

В конце концов Полеванову пришлось покинуть Госкомимущество: на Ельцина оказали сильное давление не только чубайсовская группа «реформаторов», но и их покровители в США. При этом вопрос стоял так: или Полеванов в Госкомимуществе, или шесть миллиардов очередного транша МВФ. Как нетрудно догадаться, Ельцин выбрал второе.

Владимир Павлович, часто обсуждавший с Леонидом Владимировичем многие вопросы политической жизни «новой» России, имел возможность наблюдать, как болезненно реагировал тот на утрату страной экономической самостоятельности, явную деградацию духовной жизни общества. Он всё пропускал через себя и страдал от того, что ни на что не может реально влиять, помешать скатыванию страны в пропасть. В политической системе буржуазного государства таким людям места не находилось.

Гнетуще действовали на Леонида Владимировича газеты, журналы и телевидение. Он считал, что СМИ не выполняют своего главного предназначения — служить интересам народа, не дают объективной информации о положении дел в стране, а занимаются прямой дезинформацией общества. Создавалось впечатление, что постоянное живое общение с людьми образованными и информированными заменяло ему ту информацию, вернее — информационный суррогат, которую поставляли СМИ, приправляя текущие новости, сообщения и комментарии изрядной дозой лжи и грязи. Его оценка современных средств массовой информации, возможно, и резала слух эстетов с утончённым восприятием, но тем не менее он повторял её не раз: «СМИ — это вонючая портянка власти». Большинство его друзей разделяли такую точку зрения. Ведь их, как и Шебаршина, возмущало, что средства массовой информации грубо искажают исторический процесс, охаивают прошлое нашего государства и народа, проповедуют культ наживы и насилия.

Шебаршин, как мы знаем, всегда был склонен к бескомпромиссным, даже жёстким оценкам изъянов и недостатков советского строя и не питал особого пиетета к КПСС. Тем не менее его возмущала та развязная

антисоветская и антикоммунистическая пропаганда, которая безудержно, мутным потоком низвергалась на головы людей с газетных страниц и экранов телевизоров. Хорошо известно, что до сих пор почти в любой передаче или статье услужливые авторы, режиссёры и редакторы находят повод, чтобы «лягнуть» Советский Союз и сделать это как можно подлее и больнее. На телевидении это вообще стало своеобразной «этической» нормой, правилом, модой.

Увы, подобная редакционная политика СМИ активно поддерживается во властных структурах. Думается, нынешняя патриотическая риторика власти обречена на полный провал, если и впредь будет игнорироваться, представляться в ложном свете реальная история советского периода, будут предаваться забвению годы борьбы и выдающихся побед советского народа в социалистическом строительстве. Недопустимо искажать характер великих свершений, животворящими истоками которых стали преданность подавляющего числа людей *социалистической* Родине, их верность *социалистическим* идеалам.

Пока же все разговоры последних лет о необходимости выработки взвешенной исторической концепции обернулись новыми выкрутасами так называемых «историков» (читай: профессиональных фальсификаторов истории) — иначе и не назовёшь их очередные «теоретические находки». Грубым невежеством отдаёт, например, включение в Февральскую буржуазно-демократическую революцию в России 1917 года периода победоносного шествия и триумфального исхода Великой Октябрьской социалистической революции — выдающейся победы трудящихся России.

Объединение двух принципиально разных по своему смыслу, классовому содержанию и задачам революций в одну «великую» делается неспроста. Отрицание всемирно-исторического значения Октябрьской революции преследует конкретную цель: оправдать курс на окончательное вхождение в мировую империалистическую систему в то время, когда та испытывает экономические и социальные потрясения, когда неуклонно углубляется общий кризис империализма, резко обостряются все его противоречия.

Попытки выставить Великий Октябрь пугалом для людей направлены на то, чтобы не допустить формирования у молодого поколения даже элементарного представления о существовании законов общественного развития, отвратить молодёжь от самой идеи создания общества социального равенства, духовного богатства и высокой нравственности. В то же время олигархический клан в стране всё делает для закрепления частной собственности и выгодного ему порядка. Не случайно сейчас в

ходу модная в России (но заново введенная на Западе) идея — псевдонаучная концепция «среднего класса», прикрывающая социальные антагонизмы, призванная служить своеобразной «подушкой безопасности» для эксплуататорского класса.

Понимают это власти или нет, но антисоветизм давно уже даёт прямо противоположный эффект — раздражает людей и лишь усиливает социальную напряжённость среди населения.

НАДЛОМ

Если трагические итоги криминальной революции в России, перехода экономики на буржуазные рельсы и её реформирования особых разногласий среди здравомыслящих людей не вызывали, то проблемы дальнейшей судьбы страны, будущего её экономической и политической системы в ближайшем окружении Шебаршина нередко становились причинами бурных споров. В центре этих споров чаще всего оказывалась тема, связанная с перспективами социализма в современном мире. Вопрос обычно ставился ребром: способен ли социализм разрешить насущные проблемы России или он полностью исчерпал свой потенциал в минувшем столетии? Чаши весов с аргументами сторон колебались то в одну, то в другую сторону и в конце концов уравнивались главными «гирями»: на одной стороне — печальный опыт Советского Союза, на другой — впечатляющие успехи динамично развивающегося социалистического Китая, упрочение левых тенденций в развитии других крупных стран Азии и Латинской Америки.

Пожалуй, чаще, чем с другими, Шебаршин спорил с Прилуковым, со своим давним другом и одновременно — оппонентом по целому ряду вопросов. Как считает Виталий Михайлович, чем глубже забиралась Россия в дебри дикого рынка, чем очевиднее становились последствия её разграбления, тем больше трансформировались и взгляды Леонида Владимировича. Но от своих прежних установок и привязанностей отходил он медленно и болезненно. Чем дальше — тем больше мрачнел, тем чаще замыкался в себе. Изредка, только в очень узком кругу друзей, вспоминал август 91-го, рассуждал, насколько он был прав, запретив «Вымпелу» участвовать в августовских событиях. Чувствовалось, что спорил он по этому поводу больше с собой, нежели с друзьями, и тщетно пытался развеять собственные сомнения, которые всё сильнее одолевали его в последние годы жизни: правильно ли он поступил тогда?

Подобными сомнениями на этот счёт Шебаршин делился и с Б. П. Бесковым — бывшим командиром спецподразделения «Вымпел».

В разговоре с Н. С. Леоновым он как-то с видимым чувством горечи заметил: «В августе 91-го ты бы на моём месте поступил иначе». Это, по словам Николая Сергеевича, «звучало как признание своей ошибки, как самокритика».

1991 год не только сломал судьбу Леонида Владимировича, его

профессиональную карьеру. Наверное, можно говорить о том, что он отравлял всю его последующую жизнь, поскольку воспоминания о нём неотступно преследовали и терзали его.

Шебаршин был убеждённым демократом — демократом в самом хорошем понимании этого слова — и оставался им до конца своих дней. Именно поэтому поначалу, в конце 1980-х — на рубеже 1990-х годов, он активно приветствовал либеральные изменения в стране, был их сторонником, *искренне* верил, что у нас произойдут положительные сдвиги и мы заживём в обществе свободы и изобилия.

Пожалуй, очень точно суть убеждений, мировоззрения Леонида Владимировича подметил его старый друг, известный журналист А. А. Масленников:

«Шебаршин слыл либералом, но был он либералом не с точки зрения политического окраса, а с точки зрения отношения к людям. И эта слава сохранилась за ним до конца дней его. Хотя слова „либерал“ или „демократ“ для него, наверное, не подходят — слишком уж они политизированы. Он гуманист. Вот это, пожалуй, будет точнее. Гу-ма-нист!»

Масленников считал, что одним из важнейших качеств характера Шебаршина, лежавших в основе его успехов по службе, любви и авторитета среди друзей и близких, была *глубокая эмоциональная вовлечённость* Леонида Владимировича во всё, что он делал, о чём думал и говорил.

Искренность, равнодушие в сочетании с его высоким профессионализмом и глубоким аналитическим умом высоко ценились и коллегами, и друзьями Леонида Владимировича. Но эти же качества усиливали накал переживаний, которые он безуспешно пытался скрыть от окружающих, душа его пребывала в состоянии постоянного напряжения и не находила отдохновения. Возможно, единственную отдушину он находил в литературе, в беседе с книгой, но и это занятие, как мы знаем, у человека думающего отнимает немало душевных и интеллектуальных сил.

Кстати, круг его чтения был необычайно широк — от отечественной и зарубежной классики, философии и публицистики до самого что ни на есть модерна книжного рынка.

Страсть к чтению сблизила с Шебаршиным М. Б. Катыхова, бывшего заместителя генерального прокурора России. У обоих были внушительные, со вкусом подобранные домашние библиотеки. Но как истинные ценители

хорошей книги, они не дрожали над раритетами и любили дарить друг другу прочитанные произведения. По свидетельству Катышева, в последние годы жизни Леонид Владимирович находился под сильным воздействием творчества Ивана Шмелёва, особенно его романа «Лето Господне». Чувствовалось, что поднятый писателем религиозно-духовный пласт русской жизни был близок и понятен Шебаршину, давал возможность ему по-новому осмыслить пережитое, выпавшие на его долю испытания.

Михаил Борисович бережно хранит авторские книги Шебаршина с дарственными автографами, которые отличаются короткими и афористичными высказываниями. Афоризмы Шебаршина своей остротой, глубоким пониманием переживаемого момента и актуальностью поражают не только Катышева. Комментировать его изречения, собранные в книге «Хроники безвременья», пожалуй, бессмысленно — их надо читать. Когда же начинаешь читать, то не можешь остановиться. Вот несколько из них — без какого-либо отбора, навскидку:

«Демократия могла бы выжить, если бы не демократы».

«О достижениях советской власти напоминает лишь антисоветчина».

«Всласть имущие».

«Рублю так и не удаётся выбиться в доллары».

«Бедняк покупает газету, богач — её главного редактора».

«Демократия протухла, не успев созреть. Это бывает со скороспелками».

А вот грустное понимание «русского чуда»: «Экономику уничтожили, а народ ещё живёт»...

Одну важную черту подмечают у Шебаршина все его друзья: Леонид Владимирович никогда не отзывался плохо о людях. Правда, три человека всё же были исключением — это Калугин, Бакатин и Ельцин. От цитирования некоторых его высказываний о Ельцине трудно удержаться:

«Президент намерен выйти на референдум с единственным вопросом: „Ты меня уважаешь?“»

«Ельцина инаугурировали. Столь обидного слова в русском языке не нашлось».

«Народ с президентом — хочет того народ или нет».

...Все прежние надежды Шебаршина стремительно рушились,

рушились прямо на глазах. На обломках великой державы, скорее даже не на обломках — на мощных глыбах, которые достались в наследство России, не удалось ни построить полноценного общества, ни поднять экономику, ни создать действенной системы безопасности государства.

Сама жизнь вскрыла всю ложь сладких сказок и обещаний либералов, сочинённых для оправдания их мрачных экспериментов над страной и российским народом, развеяла их главный миф — о якобы неизбежности распада СССР, социалистического государства. С годами Шебаршин всё чаще говорит о деструктивной, откровенно предательской роли либерально-демократической оппозиции внутри страны и чёрных планах их зарубежных покровителей. «...Роль внешнего фактора действительно чрезвычайно велика, — записывает он в своём дневнике. — Десятилетиями Соединённые Штаты и их союзники упорно работали над сокрушением нашего государства, разжигали национальную рознь, подпитывали оппозицию, выращивали своё политическое лобби, лишали Советский Союз доступа к передовым технологиям. Холодная война была тотальной, и ударной её силой было Центральное разведывательное управление США».

То, что переживал Шебаршин, было не просто разочарованием. Его постоянно мучил вопрос: а не напрасно ли прожита его жизнь, главный смысл которой заключался для него в служении Отечеству?

А ведь кроме этого камнем давили на сердце тяжёлые личные утраты. Пережил смерть дочери. Свет померк. В зрелом возрасте — новое несчастье: тяжёлая болезнь жены, на семь лет приковавшая её к постели.

Ухаживал Леонид Владимирович за Ниной Васильевной преданно и самоотверженно. Когда он был на работе, обязанности сиделки выполняла дальняя родственница — Вика. Вечерами он её сменял и ночевал в одной комнате с больной женой. Все семь лет. Скончалась Нина Васильевна в 2005 году. Случилось это накануне дня, когда друзья Леонида Владимировича собирались отметить его семидесятилетие...

Всё постигается в беде. Любовь, преданность, привязанность, отношения между людьми. Супругов Шебаршиных всегда отличало большое уважение друг к другу — без ложной сентиментальности и сюсюканья.

Между прочим, Шебаршин не любил мужиков-подкаблучников. И не только потому, что уж слишком наигранно и демонстративно выказывают они своё преклонение перед жёнами. Дело гораздо серьезнее. Леонид Владимирович был убеждён, что слепое и безропотное следование за женщинами на поводке, потакание их прихотям, связанным порой с

непомерными расходами, для разведчика может стать причиной большого предательства, измены Родине. Приводил он и пример — может, несколько иного свойства, но убедительный: его явила миру чета Горбачёвых...

Человеку, потерявшему самых близких людей, судьба представляется нелепой и дикой. Шебаршин выстоял и после кончины Нины Васильевны. Поддерживала его в самые, казалось бы, невыносимые годы вдова брата Нины Васильевны — Татьяна Александровна Пушкина. Убирала в опустевшей квартире, готовила ему нормальную еду, даже специальные контейнеры приобрела, чтобы приготовленную пищу удобнее было хранить. Будучи интеллигентной и чуткой женщиной, она умела в нужную минуту, когда уж совсем сникал Леонид Владимирович, приободрить его словом.

Странно иногда сплетаются судьбы. Довольно длительное время Татьяна Александровна работала... секретарём у Ельцина: сначала — когда тот был первым заместителем председателя Госстроя, затем — когда он возглавлял комитет Верховного Совета СССР по строительству и архитектуре. Ельцин, которому Шебаршин фактически помог в августе 1991-го, перечеркнул его будущее; Татьяна Александровна, умевшая находить общий язык со своенравным руководителем, стала последней опорой Леонида Владимировича...

Скрашивало одиночество Шебаршина одно, особенно любимое им, живое существо — старый кот Базилио. Леонид Владимирович утверждал, что нашли кота в Подмоскowie, под Дмитровом, завернутым в салфетку с княжеским вензелем. И что этот отпрыск голубых кровей якобы умел читать человеческие мысли не хуже булгаковского Бегемота...

...Трудно находиться в состоянии подавленности в течение целого ряда лет — не каждый человек это выдержит. Многие друзья Леонида Владимировича видели и понимали, что человек находится на пределе своих возможностей. В. П. Полеванов, например, вспоминает, что в последние месяцы жизни Шебаршина встречи с ним вызвали особенно тяжёлые чувства. Часто он выглядел хмурым и угнетённым, что-то постоянно терзало его, не давало покоя. Одолевали его не только душевные невзгоды: стали плохо слушаться ноги, беспокоила одышка, мучили приступы сердцебиения. Тем не менее Леонид Владимирович держался стойко.

Жаловался ли он кому? Очень редко и только очень близким друзьям. Прилукову, например, рядом с которым более двадцати лет трудился плечом к плечу. Иногда, уходя домой после рабочего дня, Шебаршин признавался: «Устаю сильно, Виталий Михайлович. В последнее время

меня что-то грызёт, ничего не хочется делать, приду домой — заняться нечем. Много читать нельзя — тяжело, да и зрение становится всё хуже».

От приглашений на собрания, банкеты, дружеские вечеринки он, как правило, стал тактично отказываться. Хотя друзья искренне любили его и переживали за него. А ведь помимо друзей у него был очень широкий круг общения. В ящике его стола за время работы в РНСЭБ накопилось около двух тысяч визитных карточек. Практически не было дня, чтобы к нему кто-нибудь не приходил — бывшие коллеги по разведке, журналисты, писатели, близкие знакомые. Тем не менее он иногда с видимой горечью произносил: «Знакомых и приятелей много, друзей — всё меньше».

Очевидно, чувство одиночества может зародиться и окрепнуть даже в кругу друзей, которые всегда готовы поддержать тебя, поделиться своим теплом. И та внутренняя работа ума и души, которая происходит в человеке на склоне лет, становится его сугубо личным делом. Она принадлежит только ему, и человек чувствует, понимает, что он не вправе поделиться её результатами с окружающими. Слишком много в человеческой душе уголков, куда вход воспрещён даже близким людям.

«У меня, — вспоминает Прилуков, — в последние месяцы жизни Леонида Владимировича было необъяснимое ощущение того, что в его душе творится что-то сложное, идёт какая-то душевная ломка, порождённая, скорее всего, преследовавшим его чувством невостребованности. Отсюда — его равнодушие ко всему происходящему, потухший взор, слезящиеся глаза, непрерывное курение и неимоверная усталость. На мои предложения лечь на профилактическое лечение в госпиталь и затем съездить на пару недель куда-нибудь отдохнуть он очень тихо и как-то застенчиво улыбался.

Создавалось впечатление, что Леонид Владимирович (он сам говорил об этом не раз) просто устал от жизни, и я, стараясь его понять, приходил к мысли, что всякий человек имеет свой душевный, эмоциональный, энергетический предел, а вся его многотрудная жизнь разведчика состояла из сплошных стрессов. Надломили его и потери близких людей».

24 марта 2012 года Шебаршин отмечал в кругу близких друзей 77-летие. Настроение у него в тот день было приподнятое, ничто не предвещало скорой беды. Казалось, и лечащий врач, у которого Леонид Владимирович был на приёме спустя пару дней, обнадёжил. В последнее

время его стали серьёзно беспокоить глаза — прогрессировала глаукома. Но на этот раз доктор особых изменений не нашёл, появилась даже надежда на благоприятный исход. Во всяком случае, неприятного приговора, которого опасался Шебаршин, не последовало.

Вернувшись домой, он позвонил Татьяне Александровне, доложил, что был у окулиста.

— Что хорошего сказал окулист?

— Да ничего, собственно. Но и ничего плохого тоже не сказал. Это уже достижение.

Утром 29 марта Пушкина забежала к Шебаршину, оставила у консьержки еду для него и помчалась на работу. А вечером Леонид Владимирович снова позвонил. Голос был какой-то чужой и окаменелый.

— Я сегодня ослеп на один глаз.

До Татьяны Александровны не сразу дошло сказанное. Она спросила скорее машинально:

— Когда?

— В половине шестого вечера.

— Глаз совсем не видит?

— Да.

— Завтра же идём к врачу!

Леонид Владимирович, видимо, и сам понимал, что медлить нельзя, — согласился безропотно.

Это был их последний разговор. На следующий день, 30 марта, когда вскрыли квартиру, Леонида Владимировича обнаружили с огнестрельным ранением. Рядом, на полу, валялся наградной «стечкин». На столе лежал открытый блокнот с его последними записями:

«17.15 — отказал левый глаз».

И чуть ниже — вторая, сделанная на ощупь, простым карандашом:

«19.00 — полностью ослеп».

...Смерть наступила глубокой ночью...

Незадолго до своего ухода из жизни Леонид Владимирович рассказал Татьяне Александровне Пушкиной историю, случившуюся с ним ещё при жизни Нины Васильевны.

Как-то Шебаршин возвращался домой в «маршрутке». В тесном салоне «газели» ему уступили место на переднем кресле, где пассажиры располагаются спиной к водителю. А прямо напротив сидела молодая мама с дочерью — очень бойкой и непоседливой девочкой. Мать то и дело повторяла:

— Соня, не вертись... Соня, перестань болтать... Ну в кого ты уродилась такая?

— В тебя, мама!

Видимо, для мамы такой ответ не был неожиданным.

Девочка не оставила без внимания и Шебаршина:

— Как тебя зовут?

Он ответил и спросил, сколько ей лет.

— Пять.

— Уже исполнилось или ещё нет?

— Нет ещё, — неохотно ответила Соня, которой хотелось, конечно, быть старше. — Исполнится только через месяц.

— В детский садик ходишь?

Та потрянула косичками:

— Хожу!

— Друзья есть?

— Есть. Только у нас в саду мальчишки плохие — все дураки!

— Это почему же?

— Моего Кепа сунули головой в ящик и испортили.

Шебаршин догадался, что Кеп — это любимая игрушка девочки и Соня до сих пор переживает, что кукла стала инвалидом.

— А где ты живёшь?

— В центре, на Тверской улице.

— Давай договоримся так: в день, когда тебе исполнится пять лет, встретимся у Центрального телеграфа... Знаешь, где это?

— Знаю.

— Встретимся в одиннадцать часов. Я принесу тебе новую куклу. Договорились?

Глаза девочки радостно блеснули.

— Договорились! — согласно потрянула она головой.

— Приходите вместе с мамой!

За окнами «газели» проплыл Белорусский вокзал, и Шебаршин попросил остановить машину — он жил неподалёку.

В назначенный день Шебаршин вышел из дома пораньше, чтобы до встречи с девочкой успеть выбрать и купить подарок. Хотелось ему, чтобы кукла была большая и красивая и чтобы обязательно понравилась Соне.

Ровно в одиннадцать он стоял с коробкой в руках на ступенях Центрального телеграфа.

Погода не радовала, было холодно, ветрено и сыро. Минут через пятнадцать Шебаршин нырнул в тёплое помещение телеграфа —

погреться. Соня пока не пришла. Когда он через пару минут снова вышел на улицу, с неба повалил снег, и ему показалось, что стало ещё холоднее. Но, чтобы не прозевать девочку, со ступенек он больше не уходил.

Но Соня так и не пришла...

Огромное количество людей приехало на Троекуровское кладбище, чтобы попрощаться с Шебаршиным. По обычаю, после прощальной церемонии близкие, друзья, сослуживцы собрались за поминальной трапезой. Немало хороших слов было сказано о Леониде Владимировиче. Всем запомнилось выступление В. М. Прилукова. Даже аплодисментами присутствующих оно прерывалось, что, казалось бы, совсем не принято в таких случаях. Однако аплодисменты эти выражали особую признательность человеку, честно прошедшему свой нелёгкий жизненный путь, оставившему яркий след в памяти всех знавших его людей.

Вот что сказал Прилуков:

«Дорогие товарищи, коллеги, все родные, друзья, близкие и знакомые Леонида Владимировича!

Примите от имени нашей Российской национальной службы экономической безопасности и Московского клуба ветеранов контрразведки самые искренние, глубокие чувства соболезнования по поводу ухода из жизни в мир иной дорогого нам всем человека — Леонида Владимировича Шебаршина. С Леонидом Владимировичем мы дружно ежедневно работали двадцать один год, с 1991 года, когда под его руководством была создана наша служба.

Можно много говорить о Леониде Владимировиче Шебаршине, об этом замечательном, талантливом человеке, и все слова будут только в превосходной степени! Такими были его характер, его дела, его поступки.

Он был человеком просто удивительным, неординарным, самобытным, высокоинтеллигентным, обладал огромными, поистине энциклопедическими знаниями и феноменальной, цепкой памятью.

Его простота, прямота, душевность в общении с людьми действовали на собеседников подкупающе. Он как магнит притягивал к себе людей, обладая как внешним, так и внутренним обаянием. Был Леонид Владимирович прекрасным руководителем и организатором нашего небольшого, но дружного

коллектива.

Лично я его хорошо знал и раньше. С ним было приятно взаимодействовать, получать добрые профессиональные советы. Чувствовалось, что он в совершенстве владел разведывательным искусством. Не сомневаюсь, что по его делам, по смелым оперативным разработкам, которые он вёл, по его аналитическим материалам и докладам и сегодня учатся молодые разведчики. До конца своих дней он был мудрым учителем, скромным, добрым и требовательным, высокопрофессиональным наставником, в том числе и для работников нашего коллектива.

Думается, именно к таким чекистам, как Леонид Владимирович, в полной мере относятся слова Ф. Э. Дзержинского: он был чекистом с холодной головой, горячим сердцем, чистыми руками (сейчас к этим качествам чекиста можно добавить ещё одно — и с пустыми карманами).

Хорошо зная Леонида Владимировича, смею утверждать, что он весьма достойно прожил свою сознательную жизнь. Он рано познал многие её тяготы и лишения, знал и радость побед, и горечь поражений. Самого себя — без остатка, целиком, всю свою многотрудную государственную, чекистскую деятельность он посвятил служению Родине, государству, народу. Обладая огромной работоспособностью, он отдавал этой деятельности все силы, что у него были, весь интеллект свой, всю эрудицию. Так самоотверженно он мог работать потому, что сам был воспитан советской властью, был сыном великой социалистической державы, человеком советской эпохи. Это был настоящий патриот, государственник, талантливый аналитик.

Конечно, он очень тяжело переживал то время, ту трагедию, ту катастрофу, которая постигла нашу страну, наш народ, — развал Советского Союза. То, что все мы были подвергнуты колоссальному историческому унижению, превратившись из граждан социалистической сверхдержавы в жителей капиталистической страны, которая, будем надеяться, временно сошла со своего исторического, социалистического пути развития.

Конечно, сердце его ныло, душа страдала, его аналитический ум работал с перенапряжением. Всё это, да и многое другое, несчастья в личной жизни, естественно, укоротили его жизнь. Его трагическая смерть всех нас потрясла. Все мы пережили шок. Но

всё же хочу заметить, что все суровые испытания, выпавшие на долю Леонида Владимировича, не иссушили его душу, не сломили характера, не изменили его гражданской позиции. Мы гордимся им!

И в последний раз говорим горькие слова: прощай, наш дорогой Леонид Владимирович. Вечная тебе память, любовь и уважение! И если есть на этом свете Всевышний, а Леонид Владимирович в это верил, — пусть Он примет в свои объятия его мятежную душу! Пусть земля будет Леониду Владимировичу пухом!»

Свою речь на церемонии прощания с Леонидом Владимировичем его ближайший друг и соратник Вячеслав Иванович Трубников^[47] закончил словами поэта:

Нам всем дана отчизна
И право жить и петь,
И кроме права жизни —
И право умереть.

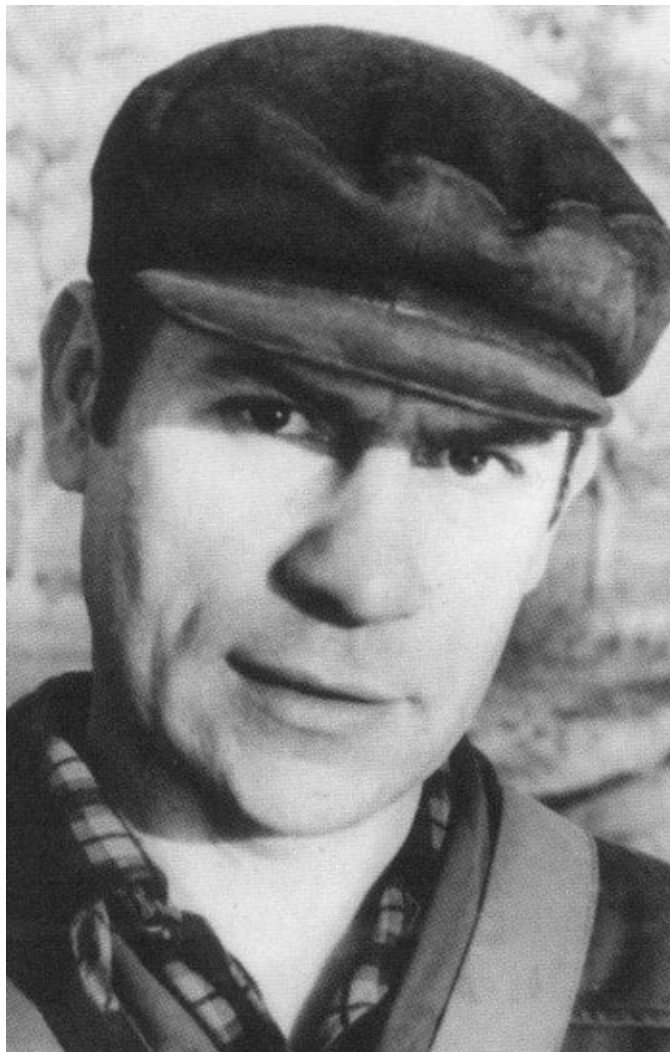
Но, отданные силой
Нагану и петле, —
Храним мы верность милой,
Оставленной земле.

.....
Кипит, цветёт отчизна,
Но ты не можешь петь!
А кроме права жизни,
Есть право умереть^[48].

...Вопреки обычаю, после прощальной церемонии не расходились долго. Вспоминали, как водится, самые светлые страницы из жизни Леонида Владимировича, делились впечатлениями от общения с ним.

И говорили о том, что ушёл он из жизни как настоящий русский офицер. Который не находит для себя иного выхода.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Леонид Шебаршин. Парень из Марьиной Рощи

Григорий Савицкий — лучший друг детства

Во дворе дома Шебаршиных

Москва, Марьиная Роща. 1950-е гг.

От дома Шебаршиных до Театра Красной армии — рукой подать

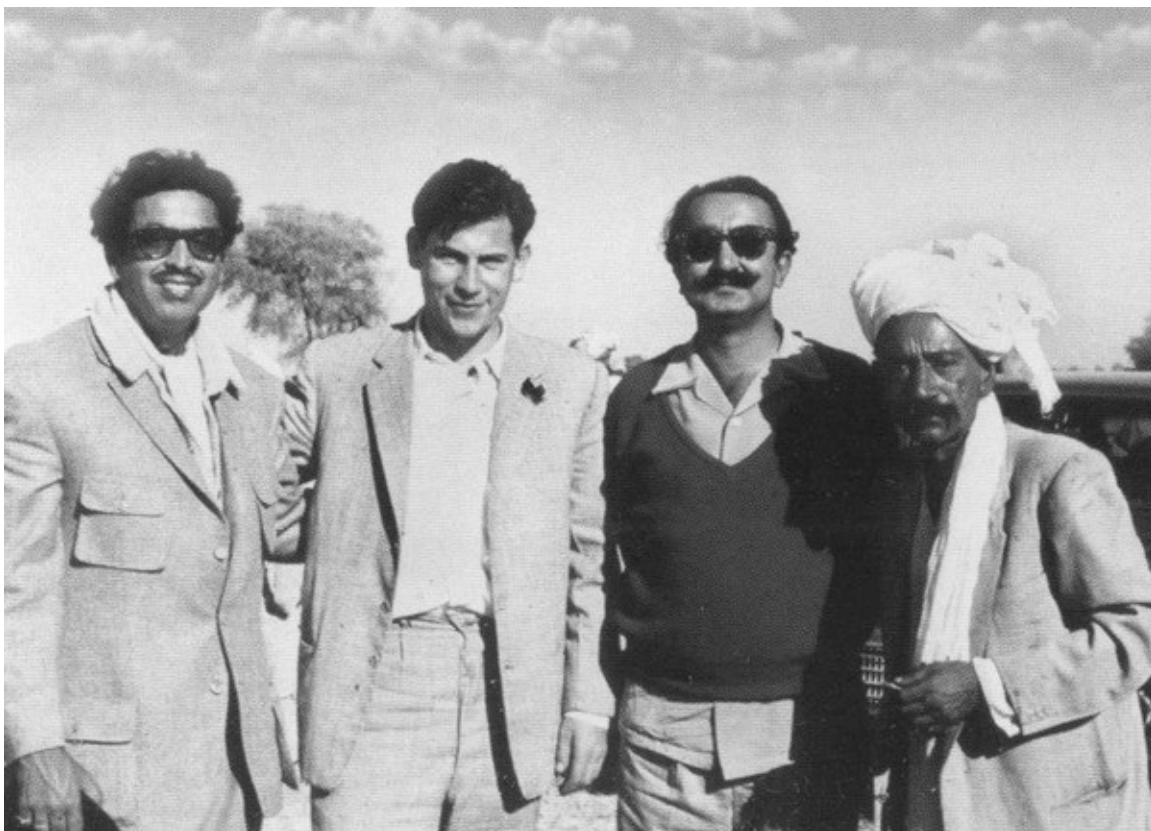
Студент МГИМО

Молодой оперативник Шебаршин (второй слева)

На посольской «Волге»

Умение находить друзей — особый дар Шебаршина

На фоне привычных пейзажей

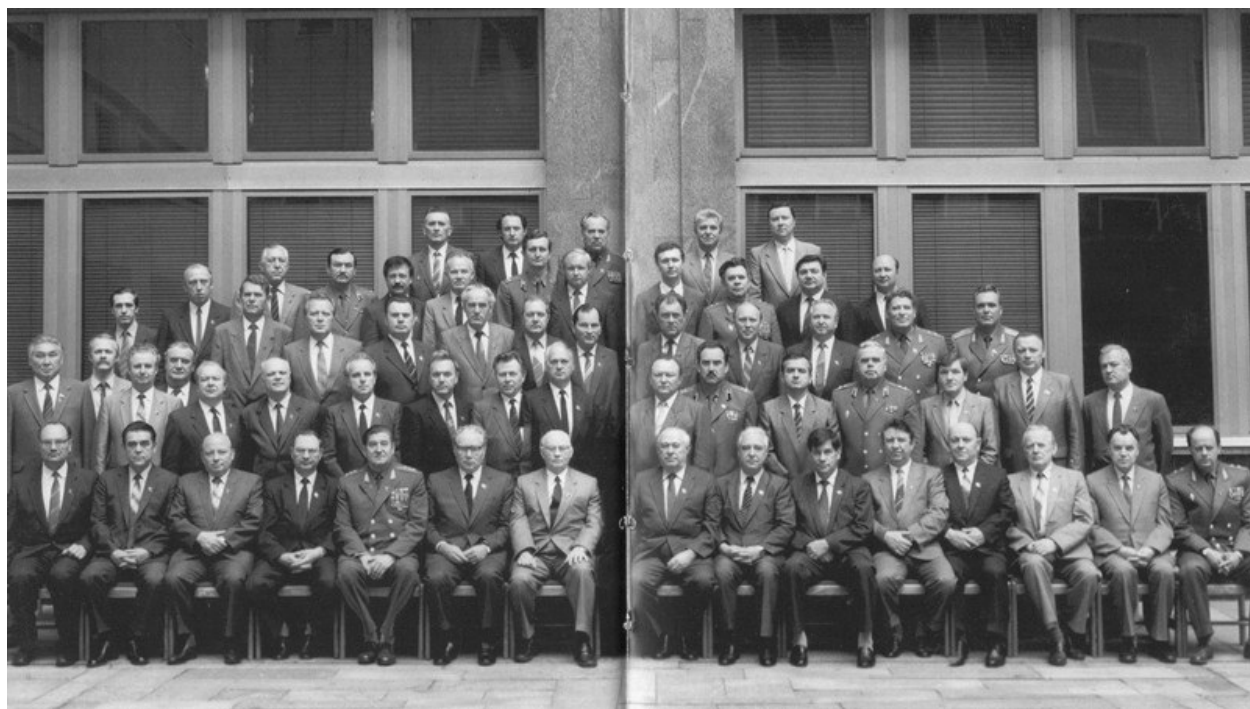
Дипломатический портфель Шебаршина

*Председатель КГБ СССР В. А. Крючков — предшественник Шебаршина
на посту начальника ПГУ*

Переговоры с участием Крючкова и Шебаршина

*Коллегия КГБ СССР и начальники территориальных управлений
госбезопасности. Июль 1990 г.*

Вместе с Крючковым. Остановка по пути в Кабул

*Генерал-полковник Г. Е. Агеев, первый заместитель председателя КГБ
СССР*

*Генерал-полковник И. Я. Калиниченко, заместитель председателя КГБ,
начальник пограничных войск КГБ СССР*

Подписание документа о сотрудничестве разведок

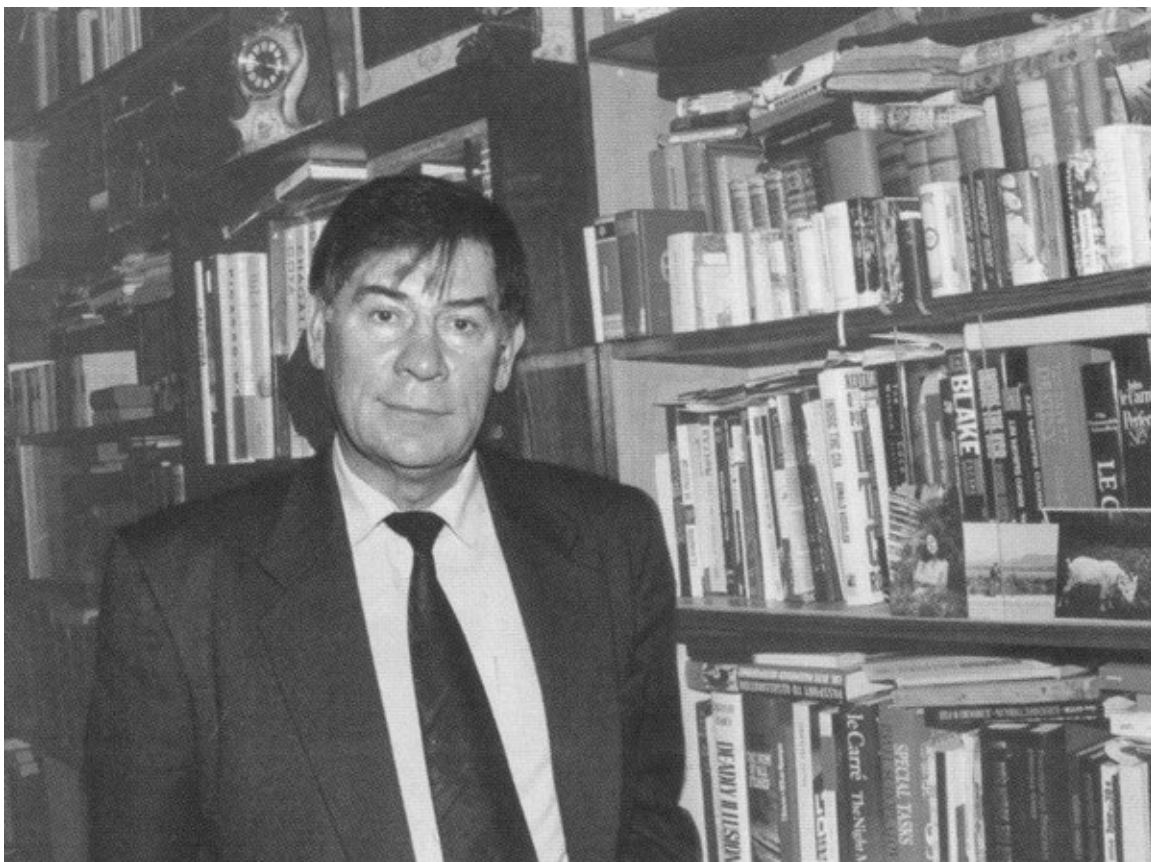
Деловые переговоры с коллегами

С министром иностранных дел И. С. Ивановым

С официальным визитом

У стеллажей домашней библиотеки

Во время поездки на Кубу

*Генерал-лейтенант Н. С. Леонов, член коллегии КГБ, начальник
Аналитического управления КГБ СССР*

Л. В. Шебаршин и начальник управления «С» генерал-майор Ю. И. Дроздов

Генерал-лейтенант В. М. Прилуков, заместитель председателя КГБ СССР, начальник управления КГБ по Москве и Московской области

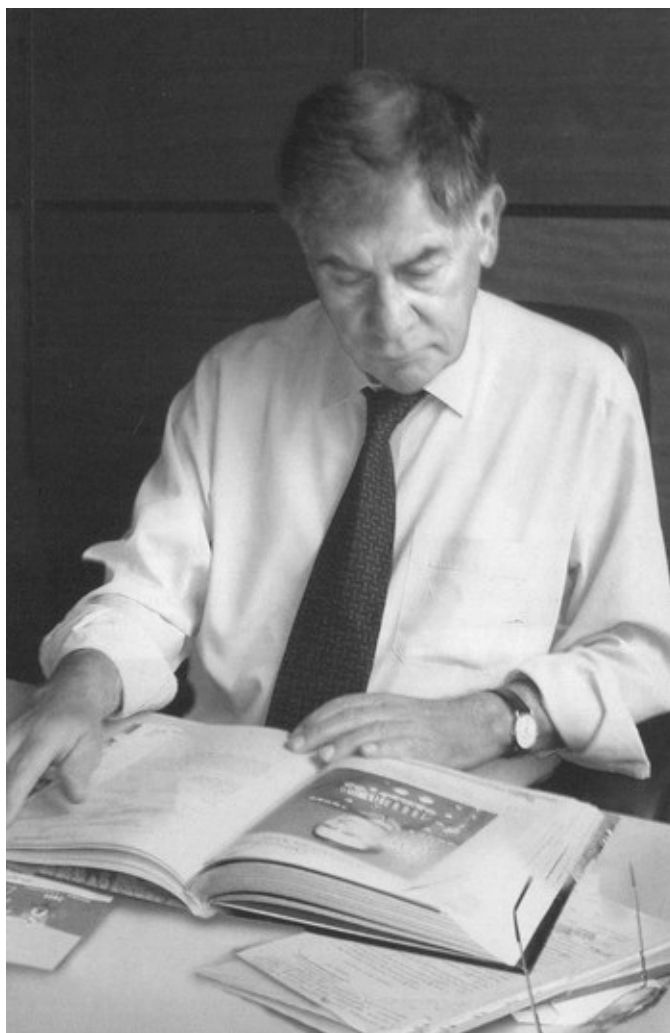
*Охраняя покой советских людей. Предотвращение угона самолёта.
Справа — В. М. Прилуков. Аэропорт Домодедово, 1989 г.*

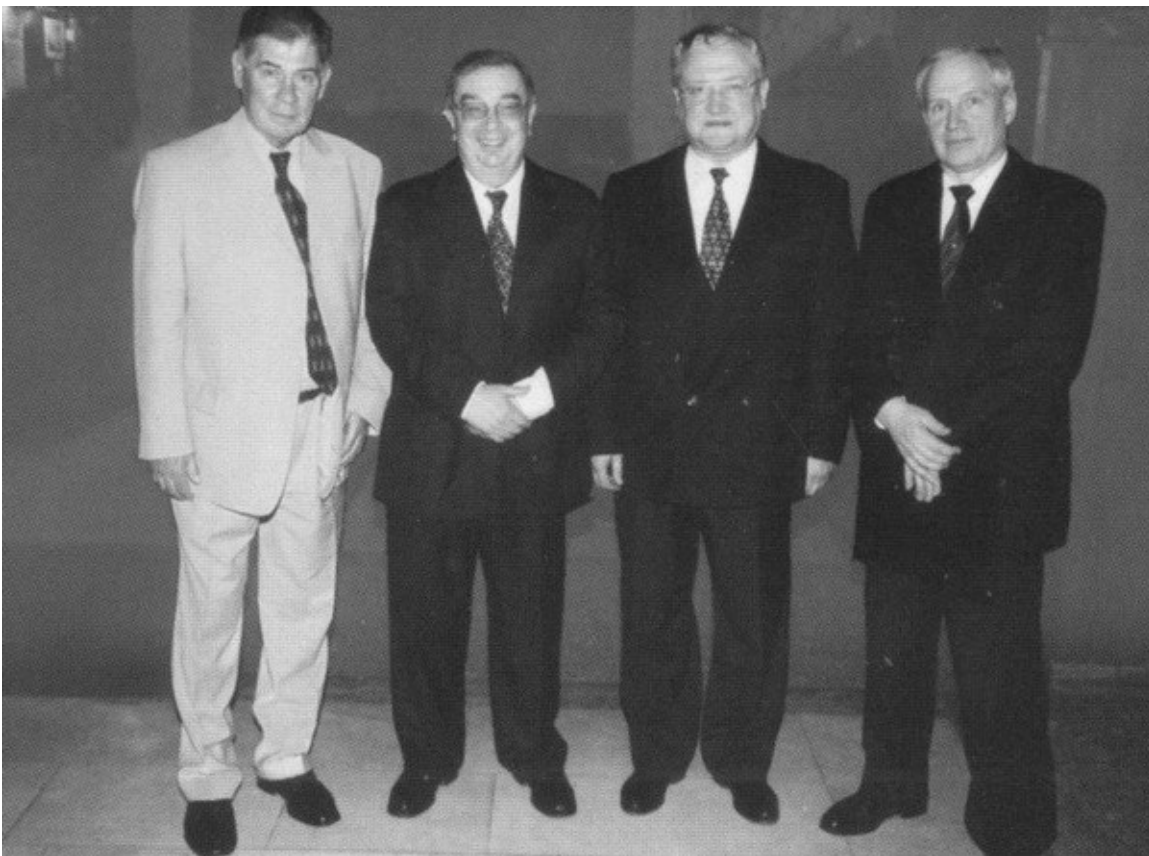
Л. В. Шебаршин и Е. М. Примаков

Директор СВР С. Н. Лебедев вручает Л. В. Шебаршину почётную награду Службы

За рабочим столом

Руководители внешней разведки разных лет: Л. В. Шебаршин, Е. М. Примаков, В. И. Трубников, С. Н. Лебедев

*Одно из зданий Службы внешней разведки Российской Федерации
(бывшего Первого главного управления КГБ СССР)*

«Типичный» разведчик

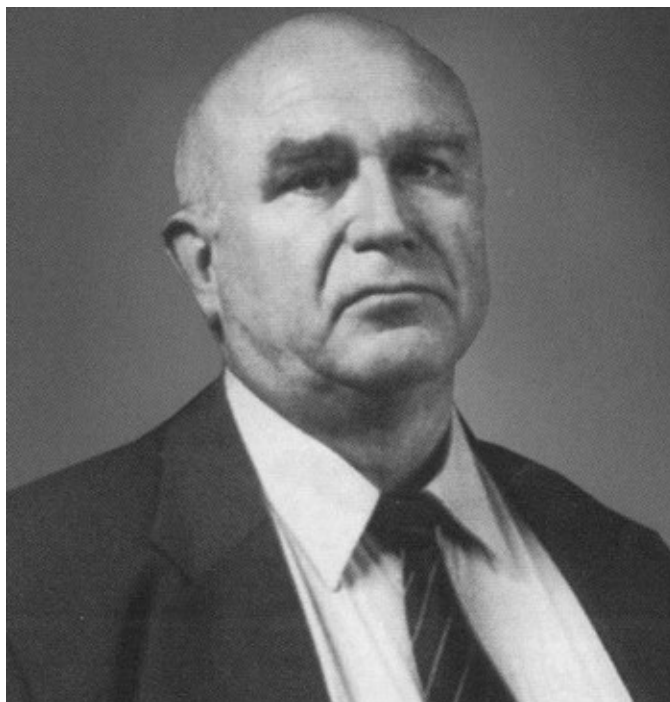
Л. В. Шебаршин и знаменитый разведчик Джордж Блейк

В одной лодке: Л. В. Шебаршин, известный советский разведчик В. И. Черкашин и руководитель советского отдела ЦРУ США Милтон Бирден

ЦРУ США — главный противник советской разведки

Командир группы «Вымпел» полковник Б. П. Бесков

*Командир группы «Альфа» генерал-майор, Герой Советского Союза В.
Ф. Карпухин*

***Основатели и руководители Российской национальной службы
экономической безопасности (РНСЭБ)***

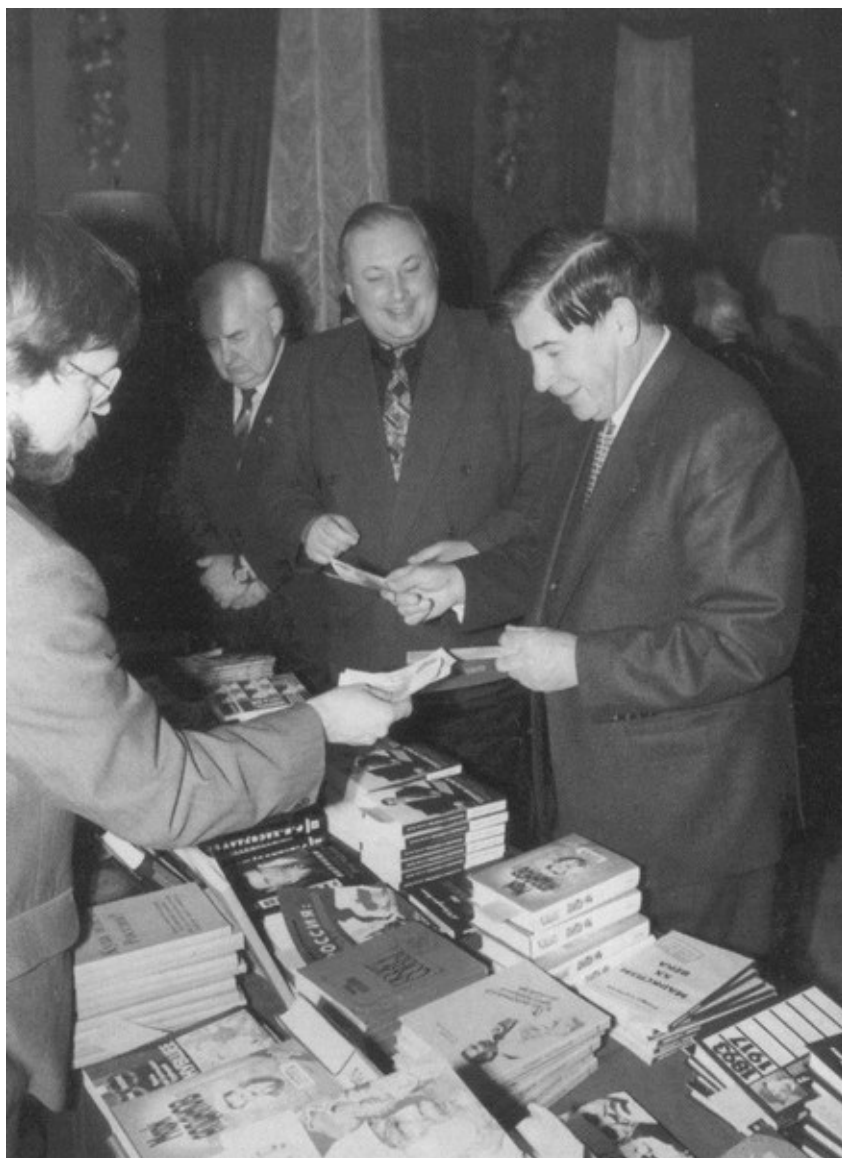
Среди сотрудников РНСЭБ

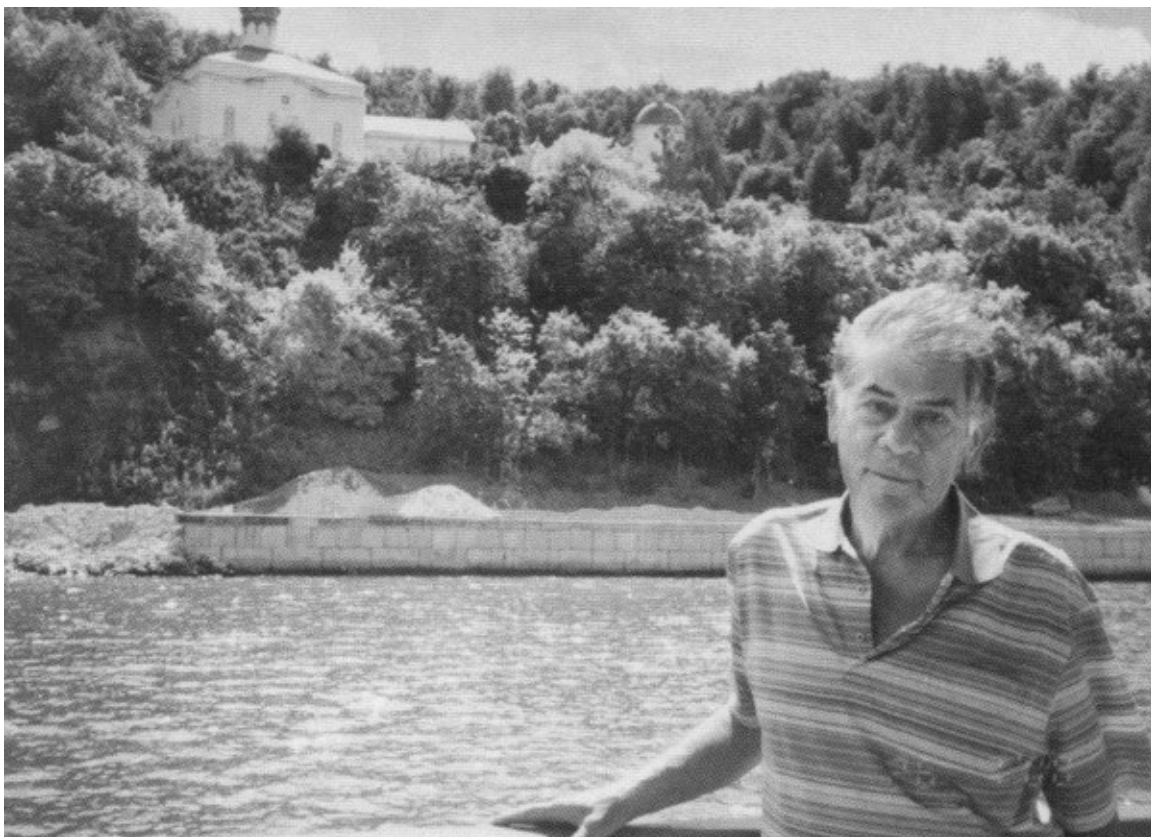
Л. В. Шебаршин на презентации своей книги. Слева — директор СВР С. Н. Лебедев

Членский билет писателя Шебаршина

На книжном развале

На родной Волге...

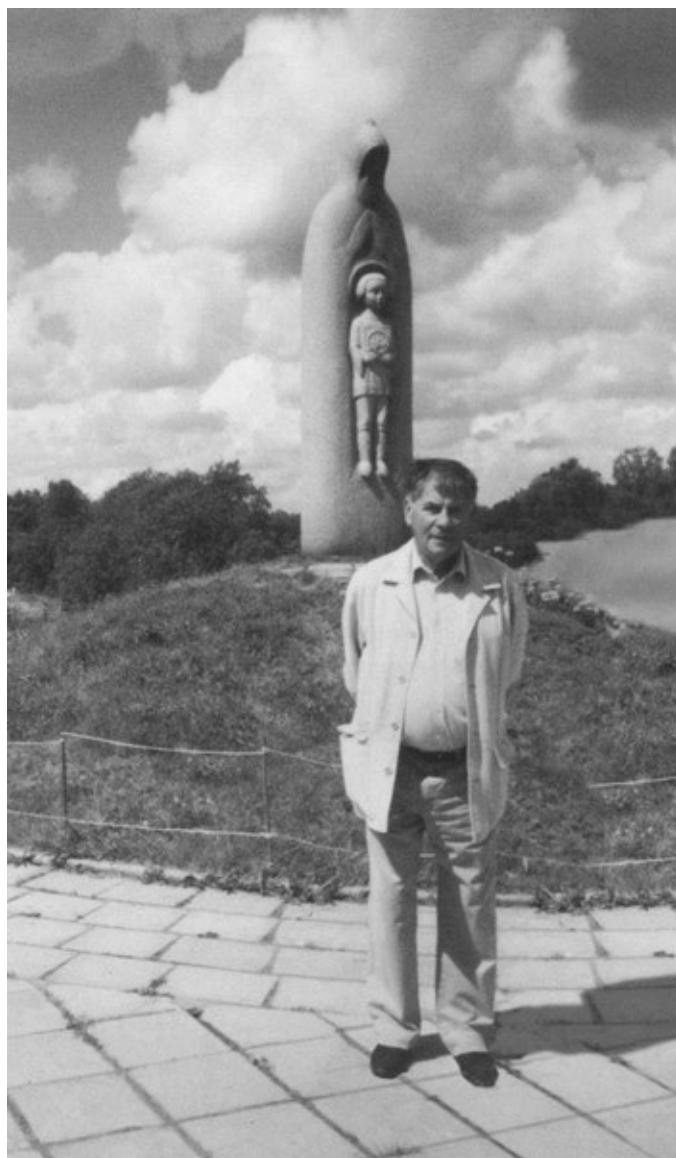
...и в Дубровнике

На встрече ветеранов разведок разных стран

На экскурсии в Гизе

По святым местам России

Друзья детства — на пенсии: Г. А. Савицкий и Л. В. Шебаршин

До последних лет Шебаршин поддерживал форму на кортах

Старые друзья — Л. В. Шебаршин и Н. С. Леонов

Вместе на отдыхе

Супруга Л. В. Шебаршина — Нина Васильевна

Один из близких людей Леонида Владимировича — В. В. Шебаршин

Внук Леонид

Кот Базилио скрашивал одиночество в последние годы

В. И. Трубников и Л. В. Шебаршин в Зале славы СВР России

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Л. В. ШЕБАРШИНА

1935, 24 марта — родился в Москве в семье рабочих.

1942, сентябрь — поступил в первый класс московской школы № 607.

1952 — окончил школу с серебряной медалью и поступил в Московский институт востоковедения.

1954 — в связи с закрытием Института востоковедения переведён на учёбу в МГИМО.

1956, лето — работа помощником комбайнёра на целине в составе комсомольского студенческого отряда.

1957, январь — женился на однокурснице Н. В. Пушкиной.

1958, декабрь — командирован в Пакистан после окончания МГИМО. Работа в советском посольстве в Карачи.

1959, июнь — родился сын Алексей.

1962 — завершил командировку в Пакистане в должности 3-го секретаря посольства и принят на работу в отдел Юго-Восточной Азии МИДа СССР.

Приглашён на работу в Первое главное управление КГБ СССР. Зачислен в разведшколу.

1964, июль — родилась дочь Татьяна.

Декабрь — второй раз командирован в Пакистан.

1968, июнь — возвращение в Москву. Учёба на курсах усовершенствования, подготовка к работе в Индии.

1971, весна — командирован в Индию в качестве заместителя резидента, а затем — резидента.

1977, апрель — возвращение из Индии, назначение заместителем начальника отдела ПГУ КГБ СССР.

1979 — командирован в Иран в качестве резидента разведки.

1983, февраль — возвращение из Ирана в Москву. Работает заместителем заведующего оперативно-аналитическим отделом.

Ноябрь — назначен заместителем начальника информационно-аналитической службы (информационного управления) ПГУ.

1984, январь — скончалась дочь Татьяна.

1986, апрель — присвоено звание генерал-майора.

1987, апрель — назначен заместителем начальника ПГУ КГБ СССР.

1989, январь — назначен заместителем председателя КГБ СССР — начальником ПГУ КГБ СССР.

Август — присвоено звание генерал-лейтенанта.

1991, 22–23 августа — и. о. председателя КГБ СССР.

Сентябрь — увольняется из КГБ СССР.

Ноябрь — становится президентом Российской национальной службы экономической безопасности.

2005, март — скончалась супруга Нина Васильевна.

2012, 30 марта — уходит из жизни. Похоронен в Москве на Троекуровском кладбище.

notes

Примечания

На Востоке красивые слова очень часто расходятся с делом: в 1965 году Вторую индо-пакистанскую войну спровоцировал Пакистан.

СЕНТО (сокр. от *Central Treaty Organization* — Организация Центрального договора); СЕАТО (сокр. от *South-East Asia Treaty Organization* — Организация договора Юго-Восточной Азии) — созданные по инициативе США и Великобритании военно-политические союзы.

Первая индо-пакистанская война — вооружённый конфликт между Индией и Пакистаном в 1947–1948 годах, возникший после раздела Британской Индии. Причиной конфликта стал спор о принадлежности штата Джамму и Кашмир, который в то время так и не был разрешён.

В наши дни численность Карачи составляет около восемнадцати миллионов человек.

В связи с этим правомерно замечание Шебаршина, высказанное им в книге «Рука Москвы»: холодная война против Советского Союза началась не в 1946 году, а значительно раньше; тогда был изобретён лишь этот термин.

Карибский кризис — политическое, дипломатическое и военное противостояние СССР и США в октябре 1962 года, вызванное размещением советского ракетного оружия на Кубе в ответ на непрекращающиеся провокации США против Кубы и размещение американцами на территории Турции ядерных ракет средней дальности «Юпитер», создававших прямую угрозу европейской части СССР.

Вооружённые действия носили в основном приграничный характер.

Исламабад начал возводиться как столица в 1959 году, а правительственные учреждения переехали в него из Равалпинди в конце 1967 года.

Цит. по: *Филиппов А. Алексей Косыгин: прагматический подход* // Родина. 2007. № 1.

Объективности ради заметим, что превентивный удар, осуществлённый ВВС Пакистана (так называемая операция «Чингисхан»), проводился вечером 3 декабря довольно слаженно, в три этапа. Атакам подверглись 11 баз ВВС Индии и две радарные установки.

В. И. Черкашин — известный советский разведчик, среди агентов которого в 1980-х годах были высокопоставленные офицеры ЦРУ, ФБР и АНБ США.

Заместителем резидента был назначен В. И. Трубников — будущий директор Службы внешней разведки России.

Организация моджахедов иранского народа (Моджахедин-э Халк) — иранская леворадикальная организация, которая вела борьбу против сторонников Хомейни.

Созданная при шахе Служба информации и безопасности страны (тайная полиция).

Мортеза Моттахари — аятолла, профессор университета; *Мохаммад Бехешти* — руководитель Исламской республиканской партии, председатель судебной системы Ирана; *Мохаммад Али Раджаи* — президент Ирана; *Мохаммад Джавад Бахонар* — премьер-министр; *Садех Готбзаде* — министр иностранных дел, доверенное лицо Хомейни; *Абольхасан Банисадр* — президент Ирана, избранный в 1979 году сразу после исламской революции.

Народная партия Ирана, преемница Иранской коммунистической партии.

Порт на севере Ирана, на берегу Каспийского моря.

Позднее эта служба была преобразована в Информационное управление ПГУ КГБ СССР.

В. А. Крючков руководил разведкой около пятнадцати лет.

В ПГУ было немало не только противников отказа от термина «главный противник», подразумевающего США, но и сотрудников, выступающих против снятия с повестки дня понятия «холодная война».

20 декабря 1920 года был организован Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при НКВД РСФСР.

Объединение депутатов, созданное на съезде, сопредседателями которого стали Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, Борис Ельцин, Виктор Пальм и Андрей Сахаров.

До назначения на пост председателя КГБ министр внутренних дел Бакатин, прозванный в органах МВД «чистильщиком», тоже увлекался «истреблением»: он ликвидировал почти всю платную агентуру, внедрявшуюся в криминальный мир десятилетиями. Специалисты считают, что это явилось одним из главных факторов резкого всплеска преступности в СССР конца 1990-х годов и в последующий период.

За сохранение СССР высказалось 76 процентов участников референдума.

См., например: *Зиновьев А.* Как иголкой убить слона // Наш современник. 2005. № 10.

Сеть разведывательных и контрразведывательных служб Великобритании.

Яковлев проходил стажировку в одной группе с сотрудником КГБ Олегом Калугиным, в 2002 году осуждённым за измену родине.

Крючков В. Стать диктатором я не захотел // Комсомольская правда.
2011. 25 августа — 1 сентября.

В Межведомственную комиссию по разоружению, созданную в 1986 году, входили руководители и специалисты МИДа, Министерства обороны, КГБ, Военно-промышленной комиссии Совмина и ряда профильных отделов ЦК КПСС.

Извращённая форма демократии, власть толпы.

Избирательный блок, учреждённый в феврале 1990 года группой из демократически настроенных кандидатов в народные депутаты РСФСР, депутатов Моссовета и ряда других Советов.

Номер от 21 сентября 1989 года.

Esalen Institute.

В состав ГКЧП входили: О. Д. Бакланов — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, В. А. Крючков — председатель КГБ СССР, В. С. Павлов — премьер-министр СССР, Б. К. Пуго — министр внутренних дел, В. А. Стародубцев — председатель Крестьянского союза СССР, А. И. Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Д. Т. Язов — министр обороны СССР, Г. И. Янаев — вице-президент СССР.

Отдельный учебный центр (группа «Вымпел») — спецподразделение ПГУ.

В 1992 году Ф. Д. Бобков стал руководителем Аналитического управления холдинга АО Группа «МОСТ», возглавляемого В. А. Гусинским.

Слова о декабристах из статьи В. И. Ленина «Памяти Герцена». Но к тому времени мало кто из руководящих работников серьёзно и вдумчиво изучал марксизм.

См., например: *Примаков Е. М.* Минное поле политики. М.: Молодая гвардия, 2007.

4 октября 1993 года после захвата ельцинистами Верховного Совета Российской Федерации боевой дух brave генерала упал. В доказательство того, что он лично ни в кого не стрелял, Руцкой демонстрировал перед камерами свой автомат, так и оставшийся в нетронутой заводской смазке.

Многие сдавали своих вчерашних товарищей публично, через прессу. Другие писали покаянные письма: 27 августа верноподданническое письмо с доносом на своё руководство, адресованное Ельцину, Бакатину и Попову, было принято собранием коллектива Службы разведки УКГБ по Москве и Московской области.

Если кто-то в силу возраста или каких-либо других причин не видел и не знает, как это делалось, наверное, имеет представление о событиях в Киеве на «евромайдане» в конце 2013-го — начале 2014 года. Поразительно схожи и сценарии, и методы одурачивания людей.

Имеется в виду ГКЧП.

Многие считают, что его уход из жизни не был добровольным.

Беловежские соглашения, подписанные в декабре 1991 года главами и представителями РСФСР (Ельцин и Бурбулис), Украины (Кравчук и Фокин) и Белоруссии (Шушкевич и Кебич) и означавшие прекращение существования СССР, в марте 1996 года были денонсированы Государственной думой РФ. Сам по себе акт денонсации не имел реальных политических последствий, однако уже сам факт оценки позорного сговора на государственном уровне заключает в себе огромный исторический смысл, поскольку является признанием бесперспективности намерений изменить основополагающий вектор нашего движения, закрепить искусственное разъединение братских народов.

Не случайно В. В. Путин назвал гибель СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века».

В. И. Илюхин, будучи членом коллегии Прокуратуры СССР, осенью 1991 года возбудил против действующего президента СССР М. С. Горбачёва дело по статье 64 (измена родине).

В. И. Трубников — Герой России, генерал армии, директор Службы внешней разведки Российской Федерации в 1996–2000 годах.

Из стихотворения И. Уткина «Слово Есенину».